

В л а д и м и р В е л и к и й

Записки любовного эмигранта

Владимир Великий. «Записки любовного эмигранта». Книга издана в 2002 году (декабрь). – Дніпропетровськ: «Поліграфіст». – 2002. – 326 с. (ББК 84(4РОС)6-4 Б27). – ISBN 966-684-075-8.

«Чужое небо» - автор внес некоторые изменения и дополнения в предыдущую книгу. Под таким названием роман не издавался.

Владимир Великий

Чужое небо

Роман

Настоящая книга — своеобразная исповедь автора о сложной, порою драматической жизни простого паренька из глухой сибирской деревни.

Судьба не раз проверяла юношу на прочность, тяжело переживал он и трагическую гибель девушки, которая была его первой любовью. И после этого его практически на каждом шагу преследуют неудачи и разочарования.

Ее величество Любовь приходит к нему уже в довольно зрелом возрасте. Он сразу влюбляется в двух женщин и они отвечают ему взаимностью. Почему и как это произошло, читатель узнает, прочитав поистине захватывающий роман.

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ МОИХ РОДИТЕЛЕЙ ПОСВЯЩАЮ ЭТУ КНИГУ

ВЛАДИМИР ВЕЛИКИЙ

ГЛАВА 1. ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ.

В один из сентябрьских дней в глухой сибирской деревеньке в семье Ивановых появился мальчик. Своим криком он селян не испугал и не обрадовал, за исключением своих родителей и бабушки Елизаветы, принимавшей роды у молодухи. Появлению мальчика отец новорожденного очень радовался. Для ухода за домашней живностью и ведения хозяйства нужны были мужики. Как назвать первенца у молодых супругов разногласий не было, мнение было единое. Во всех городах и деревнях самой большой страны мира имя вождя мировой революции было самым популярным среди мужских имен. За этот год в Чапаевке народилось тридцать два ребенка, тринадцать мальчиков нарекли Владимирами. Пять девочек стали Сталинами. На радость старшему Иванову председатель сельского совета очень прилежно выводил имя его первенца. Он сначала это имя на черновике пару раз написал, дабы не допустить ошибок в свидетельстве о

рождении нового гражданина СССР. Пожилой мужчина тепло поздравил молодого отца и затем со слезами на глазах произнес:

— Володя, от себя лично и от районного комитета партии поздравляю тебя с сыном...

Слегка всхлипнув, он восторженным голосом добавил:

— Завтра поеду с отчетом в районный центр... Доложу честь по чести как мои земляки увековечивают вождя мировой революции...

По дороге домой родитель ударился в размышления. Он был старшим из четырех братьев, ему первому предстояло привести в дом девушку. Какую невесту иметь и когда ее иметь, для сына определил его отец. Михаил отличался суровым нравом, жил по своим законам, многие деревенские его очень боялись. Боялся отца и Владимир, он за свои двадцать лет ни разу его не ослушался. И в этот летний вечер, когда управлялся со скотиной, он беспрекословно запрыгнул в телегу. Узнав по дороге, что его везут к невесте, он мгновенно покраснел. Он все еще терялся в догадках, кого избрал отец ему в жены. Через некоторое время они подъехали к небольшому дому, стоявшему на окраине деревни. Сразу же чувствовалось отсутствие хозяина. Строение из дерева было ветхое, с подгнившими углами. Ворота, как таковые отсутствовали вообще. Вместо них была протянута металлическая цепь, висевшая между двумя небольшими столбами. Требовала капитального ремонта и крыша, выложенная из дерна. Мужчины неспеша покинули телегу и также неспеша подошли ко двору. Из глубины двора раздался лай собаки. Затем он тотчас же прекратился. Собака, скорее всего, была крепко привязана на цепь или страшно обленилась, не хотела докучать своим присутствием очередной приход односельчан. Несмотря на это, мужчины на всякий случай себя подстраховали. Они остановились и по очереди стали окликать хозяев.

Вскоре перед ними появилась женщина. Ивановы прекрасно знали Лизу Лузину и ее дочь Марию. Муж Лизы в самом начале войны был направлен в составе сибирских полков на защиту Москвы. Уже через месяц молодая солдатка получила коротенькую записку с передовой, затем писем от не стало. Она очень переживала. Она почти каждый день ходила в контору, надеясь получить весточку или треугольный конверт из простой бумаги. Ничего не было, не было и похоронки. Не появился муж и после залпов Победы.

Оставшиеся в живых фронтовики успокаивали молодую не то вдову, не то солдатку, и говорили:

— Не плачь, Лизонька, твой все равно вернется, возможно попал в плен... Не исключено и то, что он за границей добил фашистов и там строит социализм...

Елизавете от этого лучше не становилось. Тяготы послевоенного лихолетья, двое детей, хозяйство требовали физического и нервного напряжения. Ее руки до всего не доходили, не было ни сил, ни времени. Хозяйка, увидев старшего Иванова с сыном, тепло их поприветствовала, затем недоверчиво посмотрела на односельчан. Михаил, несколько грузный мужчина с седыми висками, застенчиво улыбнулся и еле слышно выдавил из себя:

— Знаешь, Лизонька, зачем мы пришли?

Средних лет женщина, не ожидая ничего сверхестественного от Ивановых, улыбнулась и загадочно произнесла:

— Нет, не знаю... Мне все еще неизвестно, чем я обязана моим землякам в этот поздний вечер...

— Она слегка покачала головой и впилась глазами в того, кто что-то затеял, как ей казалось, против нее или дочери. Что именно она еще не знала.

Неосведомленность солдатки или вдовы прибавила Михаилу смелости. Он слегка приподнялся на носках хромовых сапог, затем наклонился в сторону рано поседевшей женщины и изрек:

— Лиза, выдавай свою дочь за моего Володьку, он у меня парень скромный, работающий, при всем при этом и не пьющий...

Для хозяйки такой ход гостя был неожиданным. Она мгновенно покраснела, невольно поправила рукой платок на голове. Некоторое время молчала. Не знала, что ответить и как вести себя дальше. Предложение Иванова старшего ее в прямом смысле ошарашило. Отдышавшись, она еле слышно прошептала:

— Михаил, как же так ты быстро, без всяких встреч ... Надо же делать все по-людски... Да и у детей об этом надобно спросить...

Разумное рассуждение опешившей женщины не остановило Михаила. Он продолжал настаивать на своем:

— Лизавета, я знаю твою дочь... Она работящая, красавица и не баловница. Да и не без ума, это далеко не последнее дело в нашей жизни...

Неизвестно как долго продолжалось сватовство, но неожиданно появилась Мария. Владимир заметил женскую фигурку еще раньше, когда подъезжали к дому Лузиных. Девушка что-то полола на грядках в палисаднике. Отсутствие матери и ленивое тявканье собаки вынудили ее выйти из палисадника, искать причину происшедшего. Выйдя за ограду, она неожиданно увидела Ивановых. Они жили на другом конце деревни. С дядей Мишей она вообще контактов не имела. С его сыном она училась. Совместное пребывание в школе их даже не сблизило. Володя был на год ее старше, на один класс он шел впереди. Занятия проводились в небольшом полуразвалившемся доме. Одна часть дома была отведена под контору, другая под школу. Старая школа сгорела. Причиной пожара было неосторожное обращение с керосиновой лампой. После окончания начальной школы они потеряли друг друга из виду. Причиной этому был не только крестьянский уклад жизни, но и они сами. Сын работал с отцом наравне. Пас совхозных коров, заготавливал дрова, помогал по хозяйству. В сельский клуб ходил он очень редко. Не ходила в культурно-просветительное учреждение и Лузина младшая. Она ходила с матерью на ферму, поила маленьких телят. Хватало ей работы и по дому.

В этот же вечер молодые люди встретились совершенно случайно. Они не обманывали себя. За время разлуки никто из них по-настоящему не думал друг о друге, не говоря уже о каком-то сватовстве. Юноша слегка покраснел и стал очень пристально разглядывать сельчанку. Из некогда незаметной девчушки Маша превратилась в стройную и красивую девушку. Серьезное лицо, карие глаза с длинными ресницами, толстая коса из черных волос, откинута за спину, загорелые руки — все это говорило о ее скромности и порядочности. Внезапно его окликнули. Он повернулся в сторону и увидел отца, который без всяких обиняков его спросил:

— Ну, сынок, хорошую я тебе жену нашел? Мигом бери ее и сади в телегу, вези домой...

Владимир от прямого выпада отца густо покраснел, по его телу потекли струйки пота. Честно говоря, он сейчас в душе не ругал родителя за его откровенность. Лично сам он всегда сторонился девушек, поэтому никакого опыта по обращению с ними не имел. От слов дяди Миши Маша также густо покраснела, затем засмеялась и стремительно забежала в избу. Жених вскоре успокоился и пошел по улице в другой конец деревни. Шел он очень медленно. Ему сейчас было не по себе. Ему было стыдно и обидно за то, что сватовство получилось наперекосяк. Он то и дело скрипел зубами и обеими руками смахивал со своих глаз слезы...

Иванов старший домой приехал через час, приехал с веселым настроением. Дело, по его словам, двинулось с места. Елизавета обещала поговорить с дочерью. Сын молча слушал своего отца и почему-то кисло улыбался. К Новому году молодые люди сыграли небольшую свадьбу, вечеринку. Для роскошного пира не было ни условий, ни возможностей. Хозяйство одинокой женщины приходило в упадок. Это прекрасно понимала и ее дочь. К концу лета с помощью селян молодая семья построила для себя дом из березовых бревен, справила новоселье...

Появление первенца чету Ивановых обрадовало. К сожалению, были и слезы. Ребенок часто болел. Кроме простудных заболеваний его одолевала золотуха. Мария часто колдовала возле младенца. От переживаний часто плакала. Врача в деревне не было, до райцентра надо было добираться железной дорогой или ехать на лошадах. На поездку не было ни времени, ни денег. Она была вынуждена обращаться к бабкам-врачевателям или к знакомым. По их советам делала различные настои из трав, смачивала ими лицо малыша. После дюжины процедур болезнь отступила.

Вскоре в деревню вернулся и муж Елизаветы Лузиной, отец Марии — Николай. Он ушел на фронт в июле 1941 года, вернулся через пять лет после окончания войны. Его появление для большинства жителей Чапаевки, да и для жены было очень неожиданным. Это было равносильно грому в зимний день. Чего греха таить, многие уже мысленно похоронили земляка. Верили в его возвращение, да и то не все, только на вечеринках, завсегдатаями которых были фронтовики. Надев на себя военную форму и боевые награды, они рассказывали всевозможные перипетии военных действий. Доходило до

военных операций стратегических размеров, в которых они не только принимали участие, но и даже ими руководили. Это «случалось», как правило, во время перепоя. Не верила в чудо и Лиза, она за эти годы проплакала не одну ночь.

Николай Лузин пришел поздним вечером, деревня уже спала. С замиранием сердца он постучал в окно родного дома, никто не отозвался, стукнул еще раз. Вскоре увидел, как в комнате зажегся свет. Он вновь постучал, через некоторое время дверь открылась. Муж и жена, несмотря на полутьму, узнали друг друга. Десятилетие суровых испытаний не вытравили у них взаимного чувства любви и уважения...

На следующее утро глухая деревня встрепенулась, с новой силой ожили воспоминания о войне. Практически все от мала до велика пришли к ветхому дому бывшей вдовы, бывшей солдатки. Хозяйка была самой счастливой и самой красивой среди всех. Глаза ее блестели от радости. Она носилась, как козочка. Лицо симпатичной женщины, испещренное не по времени глубокими морщинами, как бы сняло с себя оболочку грусти и многолетних переживаний. Лиза цвела, как пробившийся из-под снега первый подснежник, поворачивая свои лепестки к лучам с каждым часом все ярче светящему солнцу — мужу.

Встреча фронтовика удалась на славу. Пир был всеобщий, радость также была общей. Каждый принес на общий стол все то, что было: мясо, картофель, самогон, брагу. Приготовлением пищи занимались женщины. Мужчины вперемешку с подростками обсуждали в очередной раз военные баталии. Виновник неожиданного торжества к удивлению многих на вопросы отвечал предельно сжато и сухо. Удивляло селян и то, что у него не было наград. Это было и не столь важным. Главное, судачили сельчане, пришел земляк, пришел живой. В Чапаевке появилась еще одна мужская сила, которой так не хватало.

Судьба же распорядилась по-иному. Николай пришел тяжело больным. Для сельчан история его болезни и многолетних походов оказалась неведомой. И после его смерти все и вся осталось за семью печатями. Умер он также своеобразно. В этот день передавали сообщение о смерти И. В. Сталина, вождя мирового пролетариата. Полный трагизма голос из радио-тарелки, висящей на стене, перечислил многочисленные заслуги

коммунистического лидера перед СССР, миром. Худой мужчина слушал сообщение, сидя на табуретке. Неожиданно у него набежали слезы, глаза заволокло туманом. После окончания сообщения он вышел из дома и пошел в близлежащий березовый околос. Жена нашла мужа только через два часа. Он стоял по колени в снегу и обнимал березку. Мужчина с впалыми щеками плакал, плакал навзрыд. Лузин скончался через два дня после смерти вождя народов. Перед тем, как уйти в иной мир, он позвал жену и со слезами на глазах тихо произнес:

— Лизонька, прости меня, грешного... Я чувствую, что для меня пришел конец земной жизни. Бог зовет меня к себе, зовет настойчиво...

Затем громко задышал и с тоской в голосе промолвил:

— Лиза... Мне настала пора тебе все рассказать, поделиться святой правдой о моей жизни...

Жена в ответ ничего не ответила. Она только сильнее сжала худые руки некогда сильного мужчины и тихонько всхлипывала, когда он рассказывал ей историю своего длительного отсутствия.

Почти год Лузин был на передовой, воевал геройски. Затем попал в окружение к немцам. В плену прошел все пытки. Его склоняли к предательству, обещали вкусную еду. Он не изменил своей Родине. День Победы сибиряк встретил в Бухенвальде, немецко-фашистском концлагере близ Веймара. Чувство неописуемой радости вскоре затмила печаль. Свои устроили для него настоящую экзекуцию: требовали документы, спрашивали почему попал в плен, почему не погиб в бою. Потом его отправили на Дальний Восток валить лес. Нечеловеческие условия подорвали здоровье Лузина. Он уже не мог ходить на работу, конвоиры считали его симулянтом, часто избивали. В конце концов они поняли, что мужчина почти двухметрового роста действительно болен. Его направили на медицинскую комиссию. Врач, осмотрев штрафника, с издевкой прошипел сквозь зубы:

— Ну, великан, тебе с твоими легкими осталось жить чуть больше комара. Я тебе честно говорю, через мои руки и глаза сотни подобных прошло... Они уже давно на том свете...

«Мертвец» на заключение опытного специалиста не среагировал, он со своей судьбою уже давно согласился. Одно он хотел перед смертью сделать — увидеть жену и детей. Минуло почти десять лет, как он покинул родную Чапаевку. В его душе еще теплилась надежда выжить, но майор медицинской службы оказался прав. Его организм давал сбои. Николай до войны был самым сильным парнем в округе. В памяти многих сельчан остался эпизод, когда он на спор ударом кулака сбил лошадь. Бедняжка не ожидала такого удара и еще долго лежала на земле, так и не поняв, что с ней произошло. Вся деревня хоронила фронтовика, почти все плакали. На поминках говорили только хорошее о покойнике, и сетовали на то, что Бог рано забрал к себе такого прекрасного земляка и человека.

Внук умершего, Владимир, наоборот, делал только свои первые шаги по земле. 50-е годы XX столетия для деревни, как и для всей страны, были тяжелыми. Советский Союз, оправившись от ран войны, постепенно восстанавливал народное хозяйство. Вносили свой вклад в общенародное дело и жители маленькой деревни Чапаевка. Особенно тяжело было во время уборки урожая. Все от мала до велика находились на току, обрабатывали зерно. Лентяев и прогульщиков не было. Ивановы своего первенца видели очень редко, они практически не имели свободного времени. Муж работал на ферме бригадиром, жена доила коров или ухаживала за телятами. Сынишка почти все время был под присмотром бабушки Лизы, матери Марии. Он пропадал у нее почти весь день, там же кушал. Часто и ночевал.

Володе с учебой с самого начала не повезло. В первый класс он со своими сверстниками не пошел. Причина была довольно редкостная, не было валенок... для наступающей зимы. Мало того. Он родился в конце сентября, для местных чиновников это означало — не положено. Учеба Иванову давалась очень легко. В классе, в котором было 19 человек, царил деловая и дружеская обстановка. Спокойствие определяла Мария Николаевна Шилова, она была на редкость строгой учительницей. Мальчики, их было на одного больше, чем девочек, сидели по одному с девочками. Шалуны и непоседы были посажены на первые парты. Лучшее место из всех досталось Мишке, сыну лесника, его посадили за последнюю парту. Шилова сделала это специально, учла

жизненный опыт его отца. Старший Сериков никогда не выделялся особым буйством как по-трезвому, так и во время вечеринок. Каждый в деревне знал, что он за свою жизнь никого не обидел. Кое-кто даже с иронией говорил:

— Леснику больше достается от комаров, чем им от него...

Мишка, конечно, был очень доволен своим «распределением». Он сидел один, как король, и с независимым видом созерцал за происходящим в классе. Радость наставницы за своего подопечного оказалась преждевременной. Причиной этому стала новенькая девочка Рая, казашка. Она пришла в класс после зимних каникул. Волею-неволей ее пришлось садить к «королю». Едва учительница представила классу новенькую, Сериков принялся рассматривать свою соседку. Он с большим интересом разглядывал обилие всевозможных копеек, которые висели на шее девочки не то на нитках, не то на цепочках. Он, честно говоря, не мог разобраться что и почему. Он попытался тронуть рукой одну из монеток. Рая так на него посмотрела, что от затеи ему пришлось отказаться. На перемене все малыши обступили новенькую, кто был посмелее, задавал ей вопросы. Казашке это все нравилось, она охотно отвечала на вопросы своих новых друзей. Только ее сосед по парте стоял в стороне и был равнодушен ко всему.

Прозвенел звонок. Сериков на этот раз впереди всех бросился в класс. Через некоторое время на задней парте раздался крик, послышалась какая-то возня и не то храп, не то вопли. Через пару минут в класс вошла учительница. Вскоре стала известна суть происшедшего. Оказалось, что Мишка первый рванул в класс для совершения «злодеяния». Он незаметно взял чернильницу и поставил ее на сидение парты, куда без всякой опаски опустилась Рая. От чего-то острого девочка вскочила и вскрикнула, затем заплакала. Она сразу определила виновника и с кулаками набросилась на него. Проказник такой прыти от новенькой не ожидал и стал защищаться. Бой он начисто проиграл. В казашке было столько силы и ненависти к обидчику, что он в миг оказался на полу. Его голова то и дело осыпалась тумачами. Мальчик в ответ на это махал руками и тихо сопел. В таком состоянии парочку застала учительница. Драчуны при виде ее быстро вскочили, они были очень раскрасневшимися и запыхавшимися. Итог побоища оказался явно не в пользу Мишки. Он не только проиграл, но и нанес соседке

материальный ущерб. Во время драки он умудрился порвать цепочку, на которой были прикреплены монетки, и они рассыпались. Вскоре он ползал по полу и собирал монетки. Нашел все, за исключением одной. Ему на помощь пришли другие ребята, но она как сквозь землю провалилась. Ее продолжили искать во время перемены и после занятий, не нашли. Скорее всего, она провалилась сквозь щели старого, уже разошедшегося деревянного пола.

На следующий день Сериков пришел в школу в сопровождении отца, они сразу же направились в кабинет директора. О чем или о ком взрослые говорили, известно было только одному виновнику драки. Мишка пришел в класс только на второй урок и вновь сел за свою парту. Лицо его было красным и очень серьезным. Несмотря на его «понимание», Шилова сделала организационные выводы. Она пересадила бывшего тихоню на первую парту. Мало того. К Серикову младшему на все школьные годы, да и на всю жизнь, прицепилась кличка «Мишка – потерянная копейка» или просто «Копейка». Это прозвище передавалось из года в год, из поколения в поколение. Кое-кто его называл и по-иному: «Копейка, пятак, рубль».

Школьные годы день за день шли своей чередой. Малыши становились более взрослыми, перед ними раскрывались очередные горизонты в познании природы, человеческого общества. Педагоги, несмотря на примитивную материальную базу, сами изыскивали возможности для пополнения знаний своих подопечных. В пятом классе новая классная руководительница Нина Алексеевна Сорокина организовала литературный кружок. Дети собирались два раза в неделю, после занятий. Сделав домашние задания, и оказав помощь родителям по хозяйству, они вновь шли в школу. Отличник учебы Иванов был постоянным посетителем кружка, несмотря на трескучие морозы и вечернюю темноту. Ему очень нравилось слушать голос молодой красивой девушки, читающей книгу. Свет керосиновой лампы падал на ее густые каштановые волосы, и это делало ее еще красивее и божественнее. Она читала под тихое потрескивание дров в печке, которая стояла в самом углу класса. Никто из слушателей не дремал, каждый сопереживал вместе с героями книг. Как правило, расходились тогда, когда в трехлинейке, так называлась керосиновая лампа, затухающий фитиль

своеобразно вспыхивал, предупреждая, что керосин уже на исходе. Несмотря на «солидный» возраст, ребята считали своим долгом проводить свою учительницу к ее дому. После этого каждый мчался домой, родители переживали за своих чад. Иногда быстрому передвижению способствовал трескучий мороз.

Несмотря на сложности всей жизни, детство Владимира Иванова и его сверстников было в основе беспечным. Детвора под предводительством старшеклассников играла в разные игры, частенько проказничала. Первым признаком наступившей весны для них были игры: в лапту, в волейбол, в футбол. Многие из ребят занимались посильным физическим трудом. Они брали на себя значительную часть ведения домашнего хозяйства: помогали в заготовке сена, дров, картофеля, управлялись со скотиной. И это нельзя было не делать, почти все родители работали. Основное место работы для взрослых — животноводческая ферма или машинно-тракторная станция. Тяжелый физический труд, суровые климатические условия негативным образом сказывались на здоровье сельчан. Многие из них уходили в иной мир, не дожив до пенсии.

Закончив восьмилетнюю школу в родной Чапаевке, Иванов переступил порог средней школы в близлежащем селе Петровка. Каждый день был наполнен учебой и не только этим. Многие из старшеклассников, еще сидя за школьной партой, находили свою любовь, нередко и единственную, до конца своей жизни. Кое-кто из них влюблялся в своих наставников. Образ любимой учительницы или учителя остался в памяти навсегда, служил эталоном красоты, справедливости, женственности или силы. Подобное испытали девятиклассники, когда к ним в класс вошла молоденькая учительница Лидия Петровна Сычева. Она сразу же всем приглянулась. Ребята зашушукались, заработало и «женское» радио. Вскоре нашелся и «жених» для очаровательной красавицы. Петька Лесков на первом же классном собрании вручил своей «невесте» пачку вафлей. Девушка с улыбкой взяла подарок и поделилась им со своими учениками. Жених непонятно почему сильно покраснел и сел за парту. В том, что взрослый мальчишка по уши влюбился в свою учительницу, никто из ребят уже не сомневался. Он сильно переживал, узнав о том, что его любимая стала женой учителя математики Валерия Крота. Весь десятый класс был на свадьбе, не было только Петьки...

Нашел свою первую любовь и Владимир Иванов. В этот день он, как обычно, вошел в класс и сел на свое место на самой последней парте. И вдруг он увидел за партой, стоящей возле печки, новую ученицу. Она была худенькая и стройная. Лицо ее было красивое: прямой лоб, нос немного вздернут, тонкие брови. Большие карие глаза говорили об ее уме и кротости, а еще больше о женской нежности. Ее густые русые волосы были сплетены в большую косу, а челка спадала на лоб. Все шесть уроков он разглядывал новенькую и нередко вздыхал. Он не сомневался, что его вздохи были для девушки ничем. Она очень внимательно смотрела на классную доску или изредка о чем-то шепталась со своей соседкой.

За два года совместной учебы влюбленный паренек каких-либо тесных контактов с Машей Дергуновой не имел, за исключением лишь коротких разговоров или реплик, касающихся повседневной жизни. После школы он шел домой и тяжело переживал. По ночам его мучили всевозможные кошмары. Утром он давал себе слово, что сегодня же объясниться девушке в любви. Проходил первый урок, затем второй, третий... И опять все оставалось без изменений. За месяц до нового года страдалец решился написать любимой письмо. Его содержание долго и тщательно обдумывал. В итоге на листе из ученической тетради он очень старательно написал всего три слова: «Я люблю тебя». Послание оставил без фамилии. Надеялся на то, что она «вычислит» его по почерку. Ночью он долго не мог заснуть, опять строил планы. Отдать письмо девушке на следующий день у него не хватило смелости. Не отдал он его и через неделю. До праздничного бала оставалось все меньше и меньше времени. Владимир не находил себе места, ему ничего не хотелось делать. Два чувства ежеминутно боролись в его душе: первое — порвать письмо, а другое — отдать послание лично в руки Маши и сказать все то, что он о ней думал. Не исключал он и резервный вариант — положить письмо в карман ее пальто.

В Новогодний вечер в раздевалке было как никогда многолюдно. В актовом зале школы пришли не только учащиеся, но и те, кто раньше в ней учился. Пришли и незнакомые, кое-кто из них был изрядно подвыпившими. После поздравления директора школы начались танцы. Дергунова для всех парней была нарасхват. Она никому не отказывала.

Она с улыбкой, а то и с большим вниманием, слушала своего очередного партнера. Иванов стоял в сторонке и с грустью наблюдал за происходящим. Поведение любимой девушки его сильно задевало. Он ненавидел себя, что был деревенским «колуном», по настоящему не умел танцевать. Он смотрел из толпы зевак на стройную фигурку любимой девушки и невольно краснел. И опять давал себе слово. Он подойдет к ней и пригласит ее на танец. И опять ничего не происходило и не изменялось. Молодой человек стоял, и слегка набычившись, глядел на танцующие парочки. Его ноги почему-то не двигались. Время неумолимо бежало. В конце концов он решил использовать резервный вариант. Уловив подходящий момент, когда в раздевалке никого не было, он быстро вытащил записку, сложенную в треугольник, и сунул ее в боковой карман темного цвета пальто девушки. Затем, долго не раздумывая, он схватил свою куртку и, одевшись на ходу, быстро вышел из школы. Веселье продолжалось...

Владимир некоторое время прогуливался по заснеженным дорожкам школьного двора. Раздумывал, что ему делать дальше. Затем он подошел снаружи к одному из окон актового зала и внимательно окинул взглядом танцующих. К его удивлению, Маши среди них не было. От обилия догадок и домыслов ему стало не по себе. От безысходности хотелось выпить и никогда не просыпаться. Он тяжело вздохнул и пошел прочь. Возле парадного крыльца школы он встретил двух одноклассников, они уже были «на парах». Один из них, который был выше своего напарника и без пальто, улыбнулся и слегка заплетающимся голос произнес:

— Волоха, подходи к нашему костру... Промочи горлышко, а то может вообще никогда не увидимся...

Иванов утвердительно кивнул головой, подошел к ребятам. По очереди обнял каждого. Появившееся желание «раздавить пузырек» на троих, он вскоре отбросил. Ему было не до спиртного, не до веселья. Он тепло простился и тотчас же покинул школьный двор. Домой, на квартиру к супружеской чете Силкиных, где он снимал угол, идти ему не хотелось. Он стал бродить по улицам. Петровка еще не спала, во всех домах, за редким исключением, горел свет. Сельчане встречали Новый год. Высокому юноше с грустным выражением лица, сейчас было не до земных дел. Он все думал о своей любимой

девушке, о том, где она сейчас и с кем она вышла из школы. Он решил подойти к дому, где Маша и ее подруга снимали комнату.

К деревянной постройке, она стояла неподалеку от столовой, он подходил, как рысь. Подходил очень осторожно, словно не хотел спугнуть парочку влюбленных. Неожиданно повалил густой снег, вся шоссейка тотчас же покрылась белым одеялом. Хлопья на какое-то время стал союзником одинокого пешехода. Его шагов не стало слышно, как это было пару минут назад. Сначала он подошел к столовой. Возле крыльца никого не было. Несмотря на снегопад, на улице стало холодать. Иванов съежился, набросил на голову капюшон и пару раз в быстром темпе обошел столовую. Немного согрелся. Затем с замиранием сердца направился к дому. Почти на цыпочках он сначала подошел к ограде, посмотрел через щель в деревянных воротах и чуть не остолбенел. В двух шагах от крыльца, наружного настила перед входной дверью дома, он освещался небольшой электрической лампой, входа в дом, стояла его любимая и незнакомый ему парень. Он, скорее всего, был пьяный. Коротышка что-то громко девушке объяснял, иногда обнимал ее за плечи. Маша в ответ ему ничего не говорила, лишь тихо смеялась. Боялась разбудить свою хозяйку, одинокую престарелую женщину. Владимир скрипнул зубами, сжал кулаки. На какой-то миг ему хотелось открыть калитку и зверем наброситься на своего врага. Затем его растерзать или даже проглотить живьем. Лишь потом обнять свою любимую Машу и крепко ее поцеловать. Прошло несколько мгновений. Молодой человек почему-то стоял и не двигался. Мысли о расправе у него также улетучились. Между тем разговор молодой парочки во дворе продолжался и продолжался. И это все больше и больше Владимира угнетало. Он осторожно развернулся и медленно побрел в сторону шоссейки. По его щекам катились слезы. Утром он встал на лыжи и направился в Чапаевку. Впереди были зимние каникулы...

Две недели отдыха для влюбленного были настоящей каторгой, проверкой его чувств к девушке. Хоть как-то разгрузиться от плохих мыслей, он делал все возможное для их избавления. По утрам делал зарядку с гантелями и резинкой. Занимался до изнеможения, иногда от усталости падал. Затем он умывался, шел управлять со скотиной. В первые три дня за огородом и возле дома он расколол все старые чурбаны,

которые лежали почти пять лет. У молодого человека получалось все и вся, однако болело его сердце, ныла его душа. Не спасал его от тоски и небольшой телевизор, родители купили его перед самым новым годом. В деревенский клуб он не ходил, не было настроения. В какой-то мере его спасало чтение книг и журналов, которые он брал у своего дяди. Родители смотрели на сына и не могли понять его душевного состояния. Особенно тяжело переживала Мария, его мать. Однажды во время обеда она со слезами на глазах спросила сына:

— Володя, ты заболел или какие-то есть проблемы? Скажи нам с отцом, возможно, чем-то мы тебе поможем...

Юноша очень внимательно посмотрел на мать, улыбнулся и тихо произнес:

— Нет, мама, у меня все нормально... Никому из вас не надо переживать... Я сам в состоянии все решить...

Затем он вышел из-за стола и выбежал во двор. Его душили слезы.

Вторую неделю каникул Иванов младший посвятил охоте. Несмотря на то, что он стрелял совсем неплохо, охота не была его увлечением или хобби. Он ходил просто так, хотел побыть в лесу и посмотреть на зверей. Убивать диких животных, даже зайцев ему было страшно жалко. Они были по-своему глупы и умны, по-своему красивые. В разговорах с односельчанами, которые часто хвастались, что убили нескольких косых, ему становилось иногда не по себе. Ему частенько казалось, что сидящий перед ним заяц, есть образ какого-то человека, а может, даже и предок, умерший несколько десятилетий назад. От деревни Владимир уходил километров за десять, иногда и дальше. Красота зимнего леса его очаровывала. Лучи солнца блестели на ослепительно белом полотне, от этих лучей снег весь искрился. Свежий воздух, наполненный зимней прохладой и тишиной березового леса, приятно кружил ему голову. От быстрой ходьбы на лыжах становилось тепло, тело почти мгновенно согревалось. Лыжные палки он с собой не брал, без них чувствовал себя намного свободнее. Его общение с природой и животным миром отличалось разнообразием. Он подходил к небольшим кустарникам, на которых были пушистые копны снега, заряжал старенькую одностволку отца и стрелял в воздух. Иванов не сомневался, что где-то под кустом сидел косой, который после выстрела сразу же или

несколько позже пускался наутек. Чутье молодого охотника, как правило, не подводило. После выстрела выбегали один или два зайца, и мчались, словно угорелые, в близлежащие кусты или березовые околки. Нередко во время прогулки юноша совершенствовал навыки стрельбы. Мишенью были одинокие березы, стоявшие посреди поляны или на развилке дорог. К сожалению, и в лесу, изобилующим причудами сибирской зимы, ему все было в тягость. Он постоянно думал о девушке, которую увидел каких-то три месяца назад, и не мог забыть ни на миг ее образ, ее смех...

Наступил первый день очередной, зимней четверти. Иванов пришел в школу, как обычно, за пять минут до звонка. Неспеша вошел в класс, всех поприветствовал, сел за парту, разложил учебники, тетрадь для занятий. Посмотрел на парту возле печки, Маши не было... Первый урок и все последующие влюбленный юноша терялся в догадках по поводу отсутствия любимой девушки. Узнал он о причинах ее отсутствия только после занятий, в столовой. Его одноклассница Маша Зимина сообщила, что Дергунова сильно простыла и заболела. Водитель колесного трактора был в стельку пьян и не мог отвезти школьников на центральную усадьбу совхоза. Старшеклассники пошли пешком. На улице было почти тридцать градусов холода. У Маши ночью поднялась температура, утром ее увезли в районную больницу. Все девушки из класса навестили больную. Из десяти ребят только трое это сделали. Иванов в тройку не вошел ...

Через две недели Дергунова вновь пришла в школу. Она вошла в класс как всегда, незаметно, кротко и смиренно. Иванов пристально наблюдал за ней и любовался. В его любимой девушке все было прекрасно: и лицо, и волосы, и одежда. Красивый свитер коричневого цвета с рисунком, из-под которого виднелась белая кофточка, коротенькая юбка черного цвета, черные легкие валенки — все это очень подходило к стройной фигурке взрослой школьницы. Ему хотелось целовать каждую частицу ее нежного тела. От сладостных мыслей ему стало стыдно, он покраснел и отвел свой взгляд в сторону. За время занятий он немного остыл, но мысль о письме, которое он положил в карман пальто Дергуновой, все больше и больше его преследовала. Он выдумывал разные истории: Маша его нечаянно выронила или читала и не обратила внимание. Наверняка, любовные письма без фамилий и с фамилиями красивой девушке писали и пишут. Не

только одноклассники, но и ребята изо всей округи. При этом мысли юноша тяжело вздохнул и слегка сжал зубы. Перед ним невольно всплыл образ пьяного парня, обнимавшего его любимую девушку...

Время шло своим чередом. Наступила весна, пришло лето. Июнь месяц для девятиклассников был особенным. Они проходили производственную практику в лагере труда и отдыха, он находился в сосновом бору в трех километрах от центральной усадьбы совхоза. Старшеклассники занимались прополкой свеклы, подсолнухов и капусты. Наиболее популярным занятием в свободное время был футбол. Этот вид спорта была самым популярным и среди жителей деревни. И на этот раз спортивный праздник удался. Болельщики пришли не только из Петровки, но и со всей округи. Встреча началась в семь часов вечера, играли школьники из трудового лагеря и совхозная молодежь. В первом тайме счет не был открыт. Во время перерыва к команде девятиклассников подошел начальник лагеря Иван Яковлевич Смоличев и внес существенные коррективы по организации игры. Затем полушутя-полусерьезно он добавил:

— Ребята, если победите — получите приз — ящик вафель... Я вам, как начальник и тренер это твердо обещаю...

В ответ футболисты громко засмеялись, мало кто верил в обещания учителя истории. Зрителей на стадионе становилось все больше и больше. Иванов бросил взгляд на небольшую группу своих болельщиц, Машу он заметил сразу. Она была в белой косынке, в спортивном костюме и, наверное, также мечтала о победе своих ребят. На какое мгновение глаза юноши и девушки встретились, и тотчас же разминулись. Владимир опустил голову вниз, сильно приуныл. Он нисколько не сомневался, что его любимая девушка на него внимания не обратила. Безразличие к собственной персоне сильно задело его самолюбие. Первая половина второго тайма никому из команд не принесла успеха. Все могло решиться только в самом конце игры. И это произошло на самом деле так. Было забито два гола, забил их Иванов, который и даже не мечтал быть местным Пеле. Он, находясь возле штрафной площадки противника, неожиданно получил пас от долговязого Юрки Чиглякова, и не раздумывая, ударил по мячу. Мяч скакнул вверх, затем

тихо ударился об землю и очень медленно покатился в ворота. Вратарь был застигнут врасплох, он, скорее всего, не ожидал такого гола, не говоря уже о какой-либо футбольной виртуозности малоизвестного парня из соседней деревни. После долгожданного гола игра у старшеклассников «пошла». Они заиграли свободнее, без нервов. У противника же начались срывы. Во время очередной атаки Иванов получил точный пас и рванулся к воротам противника. И тотчас же он почувствовал жгучую боль в правой ноге... Он невольно остановился, присел на землю. Вскоре за его спиной раздался свисток судьи, он уверенно назначил штрафной удар. Босоногая малышня в один миг столпилась возле ворот совхозной команды. Пострадавший поднял руку, он решил сам пробить одиннадцатиметровый. Никто из ребят его команды не стал это оспаривать. Владимир пробил очень удачно. Вратарь от бессилия упал и застучал кулаками по земле. Снайпер же поднял обе руки вверх. Победа!

После душа победители переоделись и направились в столовую, где их ждал торжественный ужин. Начальник лагеря под аплодисменты присутствующих вручил победителям ящик вафель. Болельщицы получили в качестве приза ящик лимонада. Рано утром прозвучал пионерский горн. Начался новый день, очередные радости и огорчения.

После успешной сдачи школьных экзаменов Иванов прошел медицинскую комиссию и поступил в Омское высшее общевойсковое командное училище имени М. В. Фрунзе. Первое сентября был торжественным днем для училища, и не только для него. Возле трибуны собрались сотни родителей и знакомых, представители общественности города. Звучали торжественные марши духового военного оркестра, перед курсантами выступил начальник училища. Генерал поздравил всех с новым учебным годом, особое внимание уделил тем, кто несколько часов назад надел военную форму. У курсанта Владимира Иванова, как и у его товарищей, было прекрасное настроение. Перед ним открывалась возможность для большой карьеры, он строил планы. Но, увы... Жизнь распорядилась иначе.

Через две недели он получил телеграмму из Чапаевки, что его родители погибли в автомобильной катастрофе. Небольшой листок бумаги принес ему командир взвода.

Молодой лейтенант был сильно взволнован, ему было больно и тяжело сообщать страшную весть своему подчиненному. Иванов был ошеломлен страшной информацией, до этого момента его родители были живы и здоровы. Он всегда их уважал, делал все возможное для того, чтобы они меньше переживали. Буквально через час после памятного построения на плацу он отправил письмо в деревню, информировал мать и отца об успешной сдаче экзаменов и о зачислении курсантом. Ждал ответа, хотя и не очень быстро. Письмо от областного центра до глухой деревни могло идти неделю, а то и больше. Позвонить и сообщить радостную весть о своем поступлении он не мог, в деревне не было телефона. Он ждал из родного села любой информации, только не о смерти родителей. Он дрожащими руками взял телеграмму из рук офицера, содержание ее прочитать не мог. Слезы капали из его глаз, в горле стоял ком, дышать становилось все трудней и трудней. Он выбежал из казармы и вскоре оказался в сосновом бору, расположенном неподалеку от училища. Он упал на землю и заплакал навзрыд, затем стал руками рвать траву. Он то и дело спрашивал Бога, за что он так жестоко наказал его родителей. Они погибли очень молодыми, каждому из них еще не было и сорока лет. Супругов Ивановых хоронили все от мала до велика. Владимир и Мария были трудолюбивыми, честными и порядочными людьми. Таких в Чапаевке было большинство.

В училище круглый сирота Иванов вернулся через две недели. Занятия в аудиториях, на тактических полях, общение с коллегами, не могли отвлечь его от недавно постигшего горя. Он не мог войти в привычную колею напряженной жизни военных людей. Он довольно часто хандрил, не готовился к занятиям. У некогда способного юноши появились двойки, он их тут же исправлял, затем получал вновь. Он все больше и больше замыкался в себе, днем и ночью впадал в тяжкие раздумья. Он искал опору в своей жизни. И эта опора, как ему казалось, уже была у него, была только в мечтах. Этой опорой была Маша Дергунова, его одноклассница, которой он за два года совместной учебы даже и десятка предложений не сказал. После выпускного бала прошло почти полгода, за это время он ни разу с ней не встретился, ни разу не написал. Незаметно подошли зимние каникулы...

Февральская погода встретила отпускника не очень дружелюбно, термометр в Омске зашкаливал за отметку 30-35°C мороза. Горожане то и дело прятали свои носы в куртки и полушубки. Курсант не терял попусту драгоценного времени в поисках любимой, каждый день отпуска для него был на вес золота. Он обошел почти все институты и техникумы областного центра, Мария Дергунова там не училась. Не помогли ему и справочные службы миллионного города. Он поехал в деревню Окуневка, где жили ее родители. Отец и мать Маши, люди пенсионного возраста, неприветливо встретили молодого человека. Иванова это очень беспокоило, он все терялся в догадках столь холодного приема. Возможно, пожилым людям не нравилась его военная форма, а может, были и другие причины. Хозяин очень внимательно всматривался в глаза военного, прежде чем пригласил его к себе в дом. Он представлял собой небольшое строение с перекошенными окнами, кое-где с подгнившими углами. Обстановка внутри была очень простой. В спальне стояли две панцирные кровати, возле стены между ними стоял комод. В гостиной, она же была кухней, а также и столовой стояли кровать, стол и несколько стульев. После того, как Иванов еще раз представился и объяснил цель своего визита, у хозяев появились слезы. Прошло порядка пяти минут прежде чем они успокоились. Первым заговорил мужчина. Он с большим трудом выдавил из себя несколько предложений. Из его слов курсант понял, что Маша живет во Владивостоке и приезжать домой не собирается. Дальнейшее поведение пожилых людей незванного гостя вообще шокировало. Едва муж закрыл рот, как жена соскочила с дивана и с кулаками набросилась на военного. Затем громко запричитала:

— Ради Бога, оставьте нас в покое... Мне уже тошно от всех этих расспросов...

Закатив глаза и подняв руки кверху, она истерично продолжила:

— О-о-о Боже мой, покарай этих извергов, которые не даю мне спокойно жить... Боже, покарай их...

Иванов не стал больше докучать вопросами Дергуновых. Он холодно простился и вышел вон. Некоторое время он бродил по улице. Раздумывал о случившемся. Потом зашел в магазин, в полусгнившее деревянное строение. Оно чем-то напоминало собой сельский

амбар. Курсант бегло пробежал глазами по полкам. Кроме сгущенки, пряников и яблочного сока, да нескольких буханок хлеба он ничего съестного не увидел. Начавшийся голод вынудил его купить банку сгущенного молока и килограмм сухих пряников. Выйдя из магазина, он посмотрел на часы. До прихода автобуса было порядка десяти часов. Он тяжело вздохнул и вновь стал бродить по деревне. Она состояла из одной очень длинной улицы, идущей до самого озера. В самом центре Окуневки находился клуб, контора и магазин. Мороз на улице все крепчал и крепчал. Дабы основательно не замерзнуть, молодой человек в военной форме делал пробежки. На какое-то время ему удавалось согреться, он иногда снимал с себя шапку и вытирал носовым платком влажные волосы. Сибирский мороз его не страшил. Он все думал, что же на самом деле произошло в семье Дергуновых. Он все еще не верил, что пожилые люди могли просто так нагрубить незнакомому человеку, да еще с погонами. Иванов решил искать другие источники информации. Вскоре ему это сделать удалось. Проходя по улице (в какой уже раз!), он неожиданно увидел возле клуба мальчика. На вид ему было лет десять, не больше. Сразу же было видно, что он слонялся без дела, лишь бы провести свое время. Знакомству с военным подросток сильно обрадовался. Вскоре он без всякого стеснения рассказал ему не только о себе, но и о своих родителях. Кое-чем поделился и из жизни своих односельчан. Иванов не торопился со своим наболевшим вопросом. Мало того. Он сделал небольшой презент мальчишке. По-дружески поделился с ним своей покупкой. Толя от гостинцев не отказался и сразу же принялся уплетать за обе щеки пряники. С банкой сгущенки возникли трудности. Ни у кого из мужчин ножа не оказалось, что на какой-то момент остановило «чаепитие» на крепком морозе. Сначала курсант хотел послать мальчишку за ножом домой, он жил на самом конце деревни. Вскоре от этой идеи Владимир сам же отказался, а вдруг малыш больше не придет, и всей информации конец. Он не хотел стучаться в двери или в окна полузамерзших домов и донимать сельчан вопросами, содержание которых через пару часов станет достоянием всей деревни, а того и всего района. Ему ничего не оставалось делать, как предложить новому знакомому целую банку сгущенки. Мальчишка улыбнулся и быстро спрятал ее за пазуху.

Улыбнулся и военный. Он уже не сомневался, что друг созрел для очень важного вопроса. Он с некоторым придыханием в голосе произнес:

— Толя, а что ты можешь сказать о Маше Дергуновой... Она ведь живет в Окуневке? Мальчишка на секунду замер. Вопрос для него был несколько неожиданный. В деревне все знали о горе Дергуновых. До этого его никто об этом не спрашивал. Он слегка отпрянул, затем приподнял голову, хотел лучше видеть лицо курсанта. Изможденное лицо нового знакомого не приостановило желание Толи Горбунова рассказать ему все по порядку и без всякой тайны. Он улыбнулся и с несколько смурным видом ответил:

— О Машке вся Окуневка знает... Она жила через три дома от меня... Сейчас ее нет... Информация школьника для человека, одетого в военную форму, была столь убийственной, что ему на какие-то секунды стало не по себе. У Иванова был не то обморок, не то паралич мозга и тела, или что-то другое. Его глаза стали влажными, ослабли руки и ноги, по спине прошел мороз. Малыш, конечно, всего этого не заметил. Он также и не сопереживал, когда рассказывал трагическую историю, которая перевернула всю жизнь военного.

По словам Толи Гордеева, Маша была самой красивой девушкой в селе. Ее красота не давала покоя не только юношам, но и мужчинам постарше. Многие из них заглядывались на нее без всяких умыслов. Хотели лишний раз посмотреть на юное и красивое создание природы, да и вспомнить свою молодость. К сожалению, нашелся среди них и подонок. Им оказался чужой, мужчина из Омска. Его имя и фамилию мальчишка не знал. Городской приезжал в Окуневку на легковой машине, для сельчан мотоцикл с коляской был диковинкой, не говоря уже о большем. Какими судьбами занесло толстяка в деревню Толя точно не знал. Одни говорили, что он водил дружбу с учителем труда местной школы, другие утверждали, что он приезжал в эти края на охоту...

Однажды в пятницу вечером мужчина случайно или специально оказался у железнодорожного разъезда. Из электрички, следующей из областного центра, повыскакивало несколько парней и девушек. За ними из села никто не приехал. Водитель легковушки напросился подвезти женщин, в числе оных оказалась и Маша. О чем болтали в пути три молодые девушки и пожилой мужчина никто не знал. Несколько позже

жители Окуневки заметили одно: дочь Дергуновых домой каждую пятницу приезжала на машине. Молодой информатор при этом высказал свое личное мнение. Незнакомый дядька был начальником, для него все мужчины с большими животами были начальниками. По деревне стали разное судачить о красавице. Кое-кто называл ее проституткой, были и те, кто плевал ей вслед, когда она шла по улице в магазин или в кино. Все делалось незаметно — исподтишка.

Маша Дергунова, студентка сельскохозяйственного института по своей наивности и неопытности ухаживания Ивана Ивановича Петушкова считала простыми случайностями. Не больше и не меньше. Она училась на агронома, вся отдавалась учебе. Как и всем студентам первокурсникам, ей было нелегко. Жила она в общежитии, на какие-либо вечеринки или мероприятия не ходила. Для этого у нее не было ни времени, ни денег. Не докучал ей и новый знакомый. По возрасту она годилась ему в дочери. Ему было очень приятно видеть улыбки смазливой молодой особы, когда она благодарила его за провоз на машине или за какие-либо сладости. Ночью потаенный кавалер долго не мог заснуть, мечтал о красивой и целомудренной девушке...

Наступил последний день уходящего года. Петушков приехал в общежитие и пригласил Машу вместе с ним встретить Новый год. Она сначала наотрез отказалась, но позже изменила свое решение. Она была не против поболтать со своим знакомым, но только вместе со своей подругой по комнате. На том и остановились. Старый повеса за девушками приехал точно в установленное время, за два часа до Нового года. Жил он в однокомнатной квартире. Обстановка в ней была очень скромной. Стояла кровать, диван и телевизор. Студентки сначала пригорюнились, они не ожидали увидеть такие «хоромы» у владельца новенькой «Волги». Вскоре о нищенском убранстве квартиры они забыли, когда увидели шикарно накрытый стол. От множества вкусного потекли слюнки. Для жительниц села основное меню в недалеком прошлом и в настоящем составлял картофель, молоко, мясо, да и то не у всех. Изобилие съестного для них показалось верхом возможного. Коньяк, шампанское, лимонад, всевозможные конфеты, рыба, мясные блюда их околдовали. Хозяин квартиры торжествовал и с умилением смотрел на Машу, которая впервые в своей жизни прикоснулась к столь дорогим спиртным напиткам

и яствам. Через некоторое время у нее стала кружиться голова, она уже ничего не понимала и не воспринимала. Проснулась она только утром, открыла глаза и стала соображать, где она и как здесь оказалась. На длительные раздумья времени у нее не было, она обещала родителям быть к обеду в Окуневке. Она встала с постели и ее сердце тревожно екнуло. Она почувствовала, что с ней случилось что-то ужасное, порочащее ее, как девушку. Она присела на диван, стала ждать Петушкова и свою подругу. Вскоре раздался стук. Дверь тотчас же открылась и в комнату вошла довольно пожилая женщина. Она посмотрела по сторонам и еле слышно прошепелявила:

— Ванечка, просил уголочек только до двенадцати дня... Занимать денег я ему больше не буду...

Увидев слезы на глазах красивой незнакомки, бабка в том же духе продолжила:

— Он, стервец, убежал, как немец под Москвой... Убежал и даже мне спасибо не сказал...

Затем она подошла к телевизору и смахнула ладонью толстый слой пыли. Слегка покачала головой и сквозь редколесье желтых зубов процедила:

— Ну, а ты, краля молодая, давай чеши отсюда, пока я милицию не вызвала...

После этих слов хозяйки юная красавица заплакала навзрыд. Она только сейчас поняла, в какую западню попала, какую злую шутку с ней сыграл ее знакомый. Ее попытка найти Петушкова не увенчалась успехом. Подруга по комнате также была не в силах ей помочь. В тот злосчастный новогодний вечер к Татьяне «клеился» друг Ивана Ивановича, он приглашал ее к себе домой. Уже на улице девушка поняла, что ее может ожидать и дала деру.

Дергунова оказалась в отчаянном положении, она делала все возможное и невозможное для сокрытия случившегося. Она прекрасно понимала, что в противном случае пресс комсомольских организаций вынудит ее покинуть институт. В милицию она не обратилась, знала, что все это бесполезно. Мало того. Она все еще надеялась на лучшее, но оно не пришло. Она забеременела. Беременность и подтолкнула несчастную к самоубийству. В один из декабрьских вечеров она домой не приехала. Родители прождали свою дочь до позднего вечера. Они ждали ее ночь и утро. Свою дочь они

нашли через день замерзшей в двух метрах от дороги, ведущей в сторону Окуневки. За дело взялась милиция, она ничего подозрительного не обнаружила. Все пришли к единому выводу. Дергунова просто-напросто заблудилась и замерзла.

Узнав о том, что Маша похоронена в деревне, Иванов попросил юного жителя показать ее могилу. Кладбище находилось возле леса. Шли по бездорожью, утопая по колено в снегу. Гордеев не без труда нашел могилу своей односельчанки. Курсант подошел к небольшому снежному бугорку и тяжело вздохнул. Фамилия и инициалы, год рождения любимой девушки, написанные на деревянном кресте, ему до боли в сердце были знакомы. Он опустил на колени и громко заплакал. Неожиданно подул сильный ветер. Тысячи снежинок оказались в воздухе и на какое-то время заслонили пришедших от остального мира. Молодой мужчина в военной форме рыдал и рыдал. Мальчишка же все это время с недоумением смотрел на происходящее, затем незаметно покинул кладбище. Он все еще не понимал, почему военный так сильно страдал по умершей. Он иногда слегка хмыкал и все сильнее прижимал к своей груди неожиданный подарок — банку сгущенного молока...

Возле занесенного снегом холмика Иванов сидел несколько часов. Со стороны можно было подумать, что молодой человек сошел с ума. Причиной этому было его странное поведение. Он то гладил руками небольшой бугорок земли, то целовал холодный крест, то отчаянно крестился. Ему все еще не верилось, что его любимая Машенька ушла в иной мир, ушла навсегда, ушла безвозвратно. Ушедшая для него была его первой любовью, любовью безответной. Он казнил себя за то, что за все эти годы он не набрался мужества сказать ей про свои чувства. Возможно, все было сейчас по-иному. Он плакал и довольно часто просил Бога оживить его любимую. Ему казалось, что она вот-вот проснется и встанет. Он крепко возьмет ее на руки и понесет по Земле, и будет делать все возможное для ее счастья. Но она не вставала...

Над кладбищем начали опускаться вечерние сумерки. Владимир еще раз поцеловал деревянный крест и неспеша покинул кладбище, затем вышел на шоссе. Он шел и шел, не чувствуя ни обжигающего ветра, ни падающих снежинок. Вдруг позади раздался звуковой сигнал машины, путник на него не прореагировал. Водитель машины объехал

шедшего и остановился. Из «УАЗа» вышел невысокого роста милиционер, он принял путника за своего сослуживца. Увидев заплаканное лицо курсанта, он с недоумением спросил:

— Земеля, кто тебя обидел? Или у тебя что-то случилось?

Иванов скрипнул зубами и слегка покрутил головой из стороны в сторону. Сержант не стал больше докучать расспросами высокому молодому человеку. Он взял его за руку и посадил в кабину. Мужчины в погонах молчали до самого районного центра Называевск. Возле отделения милиции они тепло попрощались. На железнодорожном вокзале Иванов взял билет до Омска. Вечером он был уже в училище. В казарме никого не было, за исключением суточного наряда. До начала учебы была целая неделя. Он зашел в спальное помещение, снял обмундирование и лег в кровать. Долго не мог заснуть. От пережитого сильно болела голова. За очень короткое время он потерял все, что делало любого человека счастливым на этой Земле. Он лишился любимых родителей и любимой девушки. Он не видел смысла жить дальше, не говоря уже о какой-либо военной карьере. Утро наступило незаметно, он все продолжал лежать в постели и размышлять. К обеду в подразделение пришел командир роты. Иванов решительно постучал в дверь канцелярии. В руках у него было заявление об уходе из училища. Осенью его забрали в армию.

ГЛАВА 2. АРМЕЙСКИЕ ИСПЫТАНИЯ.

Служить Владимира Иванова направили в Группу советских войск в Германии. О ГДР, как об одной из развитых стран социализма, а также о ГСВГ он уже много слышал и читал. Его путь из Омска в центр Европы был довольно долгим, везли поездом. Он побывал на вокзалах Москвы, Бреста и Дрездена. Он и двое его земляков оказались в небольшом городе Бернбург, расположенном на реке Заале, притоке Эльбы. В нем дислоцировался мотострелковый полк, он находился на окраине города, неподалеку от

старой крепости. Территория советского городка была огорожена забором и обнесена колючей проволокой. Первый месяц сибиряк проходил курс молодого бойца, затем новобранцы приняли военную присягу. Иванов ее не принимал, он принял ее еще в стенах военного училища. Для бывшего курсанта первые дни службы больших проблем не приносили. Они начались, как только он попал в третью мотострелковую роту. В ее составе почти семьдесят процентов были выходцы из Кавказа и Средней Азии. Десять молодых солдат, в числе которых была два омича, почти незаметно растворились в общей массе военнослужащих. Иванов, как и его земляк Касаткин, радостно вздохнули, надеялись на то, что «старики» их не достанут. Однако «салаги» жестоко просчитались. Они почти каждый день и ночь выполняли указания тех, кто прослужил чуть-чуть их больше.

Солдатская служба значительно отличалась от курсантской, здесь были свои неписанные законы. Стрельбы, наряды, парко-хозяйственные дни Иванов считал необходимым элементом армейской жизни. Он обо всем этом знал, когда поступал в военное училище, трудности офицерской службы его нисколько не пугали. Ему претило совсем другое, которое ни в одном уставе Советской Армии не прописывалось и не указывалось. Все тяжелые работы в роте ложились на плечи молодых солдат, на полугодков. Они составляли тягловую силу подразделения. Если днем как-то служба пролетала быстро, даже незаметно, в основном определялась уставом, то ночью изобиловала причудами «стариков». Они, как правило, определяли перечень издевательств. Кроме подшивки подворотничков, чистки сапог, «салаги» перед сном чесали им пятки, пели песни, кукарекали, громко кричали, сколько дней или паек масла осталось им съесть до дембеля. Кое-кто из старослужащих доходил до цирковой фантазии, не удосуживался самостоятельно сходить в туалет. Их выносили из спального помещения на руках или просто-напросто вместе с кроватью, как при рабовладельческом строе. «Фараон» гордо восседал и о чем-то радостно мурлыкал себе под нос. В туалете молодые очень осторожно опускали кровать на пол. «Старик» заходил в кабину и опорожнялся, туалетную бумагу ему также подавали.

Не избежал издевательств и Иванов. Он из-за причуд старослужащих сильно злился, ругал себя за то, что не имел мужества противостоять. Своими мыслями он поделился с земляками. Они в ответ молчали или крутили пальцем возле виска. Это означало, что все это бесполезно. Советская армия так жила и живет уже десятки лет. В том, что вся система унижения человеческого достоинства построена на силе и на страхе одного перед другим, Иванов уже нисколько не сомневался. В этом он убедился через месяц. В роте неожиданно появился очередной салага, парень довольно загадочный. На деле он оказался молодым, но ранним. Он был чуть выше среднего роста, с бритой головой, нос был перебит, да и вес был у него приличный, порядка 90 килограммов.

После отбоя, как обычно, молодые получили свое: кто гладил обмундирование, кто стоял у тумбочки за дневального и т.п. Получил свое первое задание и новенький, ему предстояло драить туалет. Через некоторое время исполнители показали результаты своей работы. Из туалетного заведения информации не поступало, не было и самого работника. «Старики» заволновались, послали гонца. Он известил, что в туалете все без изменений. Новенький ничего не делал, стоял и курил сигарету. Сверхнаглое поведение салаги, оно могло разрушить неуставную систему, которая ковалась десятилетиями, вызвало законное возмущение стариков. Казах Куйманов, как лев, рванулся в туалет. Открыл дверь и остолбенел. Бритоголовый стоял возле окна и спокойно курил. Старик стремительно подбежал и сильно размахнулся, намеревался стукнуть кулаком в зубы ослушника. Вышла осечка, притом большая. Роман, так звали молодого солдата, увернулся и молниеносно врезал казаку в зубы. Куйманов отшатнулся и упал, ударившись головой об оконное стекло. Стекло треснуло, осколки вонзились в затылок поверженного. У него мгновенно прыснула кровь. На шум прибежали «старики», человек десять. Новенького обилие старослужащих нисколько не испугало. Он, наоборот, как исполин перед кучей муравьев, с иронией посмотрел на казаха, державшему руку на затылке, и спокойно произнес:

— Я твоей казахской мордой буду чистить свои сапоги, и не только твоей... Я чихал на тебя, старик... Мне такие гавнюки по одному месту...

Затем он смачно плюнул на пол, повернулся в сторону старослужащих и сквозь зубы процедил:

— Мне такие гавнюки по одному месту...

Потом он неспеша вышел из туалета и скрылся в спальном комнате. Никто из стариков не шелохнулся, не хотели иметь приключений. Неожиданно раздался сильный скрежет, кто-то открывал дверь в противоположном конце коридора. Прибежал дневальный из соседней минометной батареи и проинформировал, что помощник дежурного по части проверяет службу внутреннего наряда. Все мгновенно разбежались. Бросился наутек и Иванов, он почти два часа простоял возле тумбочки. «Старик» в это время играл в карты. Через полчаса офицер ушел. Владимир встал с постели и направился в туалет. Дверь бытовой комнаты была открытой. Старики тщательно «паковали» голову пострадавшего, дабы утром она не попала на глаза офицерам роты. Остаток ночи молодые спали, как убитые. Утром после завтрака командир роты представил новенького. По приказу командира дивизии рядовой Зайцев был переведен в подразделение из спортивной роты. Всем стало понятно, почему так уверенно действовал салага. Он оказался земляком Иванова. Благодаря «крыше» омичей в роте больше уже не трогали. Куйманов и его окружение после случившегося в туалете заигрывали и заискивали перед новоиспеченным стариком. Роман в молодости занимался боксом в одной из секций города Омска. Еще на приемном пункте его завербовали в спортивную роту дивизии. Он долго там не продержался, виной этому была пьянка. Однажды он зашел без сопровождения офицера в немецкий ресторан, напился и стал гонять немцев. Посетители кабака испугались, позвонили в полицию, та — в часть. В итоге боксер оказался на гауптвахте, потом в мотострелковой роте.

К сожалению, «крыша» для омичей оказалась непродолжительной. Их земляка через месяц вновь откомандировали в спортивную роту. Ему предстояло защищать честь гвардейского соединения на первенстве ГСВГ. Для Иванова наступили далеко нелегкие времена. Земляки потерпевшего казаха, а таких оказалось порядка пяти человек, не могли простить ему дружбы с «крышей». Попытка Владимира найти контакт с русскими оказалась безуспешной. Их было около десятка, в основном они уже «стариковали».

Бывший курсант все больше и больше убеждался, что русские сплочены значительно слабее, чем земляки других национальностей. «Старики» продолжали искать повод для унижения его достоинства. И такой повод нашелся, все произошло в парко-хозяйственный день. Иванова, стрелка-автоматчика направили в парк боевой техники. Он, справившись с участком работ, что определил ему командир отделения, направился в курилку, немного отдохнуть. Неожиданно его окликнули. Сержант Оганесян, видя то, что его подчиненный закончил работу, дал ему очередной приказ — навести порядок в отделении командира боевой машины пехоты. Солдат свесил ноги в отсек и очутился на дне машины. Вдруг кто-то чем-то тяжелым, скорее всего, это была подошва сапога, ударил его по кисти правой руки, она еще находилась наверху бойницы. Удар был такой сильный, что хрустнули фаланги пальцев. Руку мгновенно обожгло, будто по ней прошел электрический ток. Владимир, превозмогая боль, вылез из БМП, посмотрел по сторонам. Рядом никого не было. Он тяжело вздохнул. Кто-то из подонков в армейской форме ему мстил, мстил исподтишка. В медицинский пункт он не обратился. Прекрасно знал, что «старики» все равно узнают об его визите. Последуют очередные экзекуции.

Прошло полгода. В третьей мотострелковой роте всевозможные издевательства прекратились, что было полнейшей неожиданностью для молодых. Они сами узнали о причине столь необычного явления. Военный городок ожидал командующего армией. Большой начальник хотел проверить боевую готовность мотострелкового полка, который из-за многочисленных правонарушений получал всевозможные прозвища и клички: китайский, чепэшный, интернациональный и т.п.

Из-за визита генерала переполошилось, в первую очередь, командование части. Зашевелилось и ротное начальство, усилилась индивидуальная работа. Однажды Иванова в канцелярию пригласил заместитель командира роты по политической части. О старшем лейтенанте Коновалове разное судачили. Все знали, что он пришел в армию после окончания гражданского вуза. Офицер расспросил подчиненного о родителях, где и как учился. Откровенного разговора между мужчинами не получилось. Владимир, глядя в глаза начальника, задавал себе один и тот же вопрос: неужели он, как политработник, не знал о ночных издевательствах, о маленьких пирушках «стариков»? О чем шел разговор

с замполитом, он никому не рассказал. Позже он узнал, что «старики» всерьез волновались, когда до них дошла информация о посещении им канцелярии замполита. Деды наладили четкую систему слежения за своими офицерами во время их пребывания в казарме. Она действовала без сбоев. Во внутреннем наряде был «свой человек», стукач. Он в случае необходимости информировал старослужащих о любых перемещениях офицеров. После отбоя, когда они уходили домой, перед входом в казарму, как правило, выставлялся молодой солдат. Он бдил по-настоящему, как на войне. Не дай Бог, если он проморгал офицера. Считай — пропал...

Обстановка в мотострелковом полку с каждым днем и ночью «накалялась». Предстоящий визит генерала требовал не только всевозможных бумаг, но и реальных результатов. На полигонах и стрельбищах все грохотало и ухало. Боевая стрельба в составе роты для мотострелка Иванова оказались последней, он и сам не мог об этом предполагать. Подразделение капитана Назарова было уже готово к началу стрельб. Боевые машины пехоты стояли в походном порядке, розданы боеприпасы. Старший начальник неожиданно отдал «отбой», то ли стрельбище не было готово, то ли была другая причина. Ротный командир приказал никому от исходной позиции далеко не отходить. Иванов, воспользовавшись моментом, направился в небольшой лесок, по малой нужде. Неподалеку от дороги он увидел двух «стариков», они сидели на небольшой куче валежника и уплетали солдатскую тушенку. Дембеля на все и вся «забили», ответственная стрельба им была до лампочки. Неожиданно один из них с усмешкой прокричал:

— Ты, салага, почему не приветствуешь гражданских и не машешь им руками? Смотри, береги другую, а то...

Дальше Иванов никого не видел и не слышал. Неожиданный прилив ненависти сделал свое дело. Он мгновенно вытащил из подсумка магазин с полной обоймой, вставил его в автомат, затем передернул затвор и нажал на спусковой крючок. Только Божья сила, сдерживала его от того, чтобы не навести ствол АКМ на подонков. Получилось, как в настоящем боевике. Пули свистели вокруг кучи валежника, кое-где задевали кустарник. Стрельбу услышали офицеры и солдаты. Первым к месту происшествия прибежал

замполит роты, от увиденного у него стала дергаться голова. Перед копной валежника, на которой лежали два солдата, в метрах десяти стоял бледный молодой солдат. Он двумя руками держал автомат, из ствола которого струился сизый дымок. Коновалов стоял вначале, как вкопанный, не зная, что и как делать дальше. Затем он стремительно рванулся к копне валежника. К стрелявшему в этот же миг подбежал командир роты. Капитан пытался выхватить из его рук автомат, но это ему не удавалось. Солдат в силу каких-то причин не отдавал боевое оружие. Только через некоторое время к Иванову пришло осознание того, что он совершил. Слегка шатаясь, он в сопровождении ротного пошел в направлении командного пункта руководителя стрельбы.

Коновалов, подбежав к дембелям, все еще не мог понять: живые ли они или убитые. Обе версии отпали, как только прибежавший фельдшер прощупал пульс солдат. От лежащих исходил неприятный запах человеческого дерьма. Кто из них навалил в штаны, прапорщик не проверил, наверное, ради приличия, или просто не хотел пачкаться. Старики пришли в себя только через полчаса. Тем временем о чрезвычайном происшествии были проинформированы руководитель учений, командир полка и командир дивизии. Стрельбы отложили на два часа. Иванов, как основной виновник ЧП, в срочном порядке был доставлен в кабинет начальника политического отдела соединения. Почти час длилась беседа молодого солдата и седого полковника. Иванову ответил не только на вопросы офицера, но и написал объяснительную записку. Причиной своей неожиданной стрельбы он назвал издевательство старослужащих. К учениям его не допустили, направили в часть. Через два дня его перевели в комендантский взвод при штабе полка. До конца своей службы он работал в строевой части писарем. Заполнял всевозможные документы. То, что его, как основного виновника ЧП, не подвергли аресту или очищению через комсомольские организации, было правильно и закономерно. Запоздалые визиты офицеров полкового звена, соединения дали свои позитивные результаты. В третьей роте была вскрыта «дедовщина». Произошли и кадровые перестановки. «Вонючек» перевели в соседний полк. Замполита роты «сослали» на должность начальника солдатского клуба. Капитан Назаров через месяц заменился в Союз.

Несмотря на периодические визиты воспитателей с большими и малыми звездами, полк продолжало лихорадить. Он выдавал на-гора все новые и новые правонарушения, в том числе и сексуального плана. Преуспевали здесь солдаты, что было закономерным явлением. Отсутствие представительниц прекрасного пола давало о себе знать.

«Сексуальное» ЧП произошло буквально через месяц после громкой «стрельбы» Иванова. Произошло оно во второй роте, подразделение находилось этажом ниже, чем третья рота. Героя любовной истории рядового Суленова, казаха по национальности, Иванов близко не знал, хотя часто видел его на построениях. Красотой солдат не отличался, он был маленького роста и с кривыми ногами. Его голова с редкими короткими волосами чем-то напоминала школьный глобус. Сама история произошла на Акенском полигоне в день рождения солдата. Ему исполнилось двадцать лет. Командир роты именинника от выполнения боевых стрельб освободил, поставил дневальным по роте. Как только рота покинула полевой лагерь, Суленов решил по-своему отметить день рождения. Сначала он направился к своему земляку, на кухню. Плотно покушав, он пошел в немецкую деревню, она была почти рядом. Возле дома, стоящему на окраине, он украл велосипед. На нем подъехал к магазину. Для покупки пива и сладостей у солдата не было денег. Он попросил у покупателей. Они охотно ему помогли. Затем с полной сумкой съестного и двумя бутылками пива Суленов оказался в лесу. На маленькой полянке устроил пикничок. После сытой трапезы, благо еще погода была теплая и солнечная, он немного вздремнул. Проснулся, захотел пива. Он вновь подъехал к дому на окраине деревни, постучал в дверь. Дверь открыла женщина лет 35-ти, стройная, симпатичная, с рыжими волосами. Увидев перед собой советского солдата, она его нисколько не испугалась. Большинство немцев ГДР видели в них друзей и товарищей. Госпожа Тойфель не так давно была в городе Росслау, в Доме офицеров советского гарнизона. Читала свои стихи на русском языке. Она долго обсуждала со своим мужем теплый прием русских. Ей очень понравились русские матрешки, солдатский подарок. И солдат также перед ней не растерялся, он приложил руку к пилотке и решительно вошел в дом. Немецкого языка Суленов не знал, но немка все его жесты понимала. Она его накормила, налила рюмку коньяка, предоставила ванну. Все

должно было закончиться так, как происходило раньше на встречах и банкетах. Все улыбались и поднимали тост за вечную и нерушимую дружбу между ГДР и СССР... Сейчас же произошла осечка. Суленов захотел красивую женщину «поймать». Его желание хозяйка категорически отменила, несмотря на его физические попытки склонить ее к сожительству. Не помог солдату и штык-нож от знаменитого автомата Калашникова. Хайда оказалась далеко не из робкого десятка, она выбежала из дома, закрыла дверь на замок и позвонила по телефону-автомату в полицию. Стражи порядка приехали почти мгновенно и надели наручники на пьяного солдата. К вечеру неудачный кавалер уже находился в родном полку на гауптвахте.

Через неделю в мотострелковом полку произошло очередное подобное чрезвычайное происшествие. На этот раз не упустил возможность побывать «на свободе» и пообщаться с немками сержант Никодимов из автомобильной роты. Перемахнуть через забор большого труда для него не стоило. Жилые дома немцев находились в двух десятках метров от шлакоблочных плит. Самовольщик вошел в одну из квартир, в ней проживала одинокая немка, ей было лет за семьдесят. Верзила почти двухметрового роста изнасиловал старушку. Она позвонила в полицию. Стали разбираться. На следующий день «китайцы» были построены на строевом плацу, порядка двух тысяч человек. Немку привезли на коляске. Она все еще не отошла от насильника. Сопровождала ее целая свита военных. В ее составе были: командир и замполит части, комсомолец полка, двое полицейских. Майор Гульков, отвечающий за политико-моральное состояние личного состава, на этот раз был в роли рикши. Он останавливал коляску с потрепавшей перед каждой шеренгой солдат и офицеров и на ломаном немецком языке что-то ей объяснял. Почти двухчасовое путешествие старой немки по строевому плацу не дало позитивного результата. Она, несмотря на все старания, не нашла своего насильника. Это было и невозможно сделать. Одинаковая форма одежды, подавляющая схожесть физиономий солдат на нет сводила усилия старухи. История закончилась ничем, ее исход был выгоден для командования части. Очередное ЧП не вошло в копилку полка, хотя все это могло закончиться очень плачевно. Информация о подобных чрезвычайных

происшествиях моментально доходила до правительства ГДР. Берлин информировал Москву.

Наступил последний год службы, дембельский год. Владимир Иванов поразительно преобразился. Он не только поправился и раздался в плечах, но и стал важной персоной в части. Многие «звездочки» с ним здоровались за ручку, кое-кто из них позволял себе спросить об его личной жизни. Сержант со всеми мило раскланивался, но о субординации не забывал. За время службы он пришел к однозначному выводу. Его недавнее желание стать офицером было жизненной ошибкой. Жизнь людей в погонах была очень тяжелой, иногда даже экстремальной. Судьба многих из них, в том числе и их семей, часто зависела от командира части или старшего политработника. В этом он неоднократно убеждался, когда заполнял офицерам всевозможные требования, документы на проезд, отпускные. Вся армейская демократия определялась наличием серого вещества, которое было в голове старшего начальника. Наличие или отсутствие волос на ней существенной роли не играло. В мотострелковом полку, где служил Иванов, все и вся также определял командир части.

Подполковник Хрякин к «китайцам» прибыл относительно недавно, прибыл из соседней дивизии. От ушедшего на пенсию полковника Марова новенький разительно отличался. Главным его «достоинством» была жадность и самодурство. Через год ему предстояла замена в Советский Союз. Оставшееся время чиновник использовал на всю катушку для личного обогащения. С этой целью использовались солдаты, которые работали на немецких предприятиях. Сколько денег они зарабатывали и куда эти деньги уходили, никто не знал, кроме командира. Кое-кто из офицеров пустил слух, что полковой шеф купил две легковые машины. Одну ему в Саратов отогнал прапорщик, вторую — он сам. Никто иномарок на территории военного городка не видел. Иванов также их не видел. Однако он слышал и видел другое, что не укрепляло авторитет полководца. Почти все дефициты, которые поступали в офицерский магазин военного городка: ковры, мебель, сервизы и т.п. оседали в квартире Хрякина. Кое-что перепало его заместителям, до младших командиров ничего не доходило. Комиссия, созданная для распределения товаров, бездействовала и молчала о проделках начальника.

Кое-кто из жен офицеров писал или звонил о барских замашках командира полка. Делали это анонимно. Противостоять открыто боялись. Знали какие последствия грозили их мужьям по службе. Начальника боялись все, от мала до велика. От него можно было ожидать не только мата или дисциплинарного взыскания, но и увесистого кулака. Хрякина, наверное, и стоило бояться. Это был высокого роста мужчина, атлетически сложен, с большой лысой головой, с большим горбатым носом, с пудовыми кулаками. К достопримечательностям офицера относились и его кривые ноги. Кривизна особо выделялась еще и потому, что он носил «глаженные» сапоги. За три месяца до замены отец-командир практически отсутствовал в части, занимался покупками. Заводилой в этом деле была его жена, смазливая женщина. Она была его моложе на лет двадцать. Супружеская чета садилась в командирский УАЗ и устраивала своеобразное турне по всей социалистической Германии. Жители военного городка радовались, что начальники улетучивались. Однозначной оценки на самодурство командира у офицеров не было. Кое-кто из них, особенно в период принятия спиртного, даже гордился своим «отцом». У нас мол, еще нормально. Вот в соседнем танковом полку командир в день присвоения ему звания полковника напился и выехал на боевом танке на строевой плац. Потом стал «толкать» речь. Новоиспеченный полковник в этот день умудрился свою новую папаху потерять. Ее украл кто-то из подчиненных...

Замены подполковника Хрякина ждали все, особенно ему неудобные. Торжественная часть его проводов проходила на строевом плацу с соблюдением всех воинских ритуалов. Культурная часть, в полку это называли «пьянкой», состоялась в офицерском кафе. Список приглашенных составляла боевая подруга командира. Встреча старого командира с вновь прибывшим, в силу определенных причин, не состоялась. Все ждали более «цивилизованного», хотя бы более порядочного. Но увы, ожидания и надежды не оправдались.

Нового командира представили через месяц после проводов старого. Это был мужчина 40-45 лет, татарин, невысокого роста, с русской фамилией. Его лицо было почти круглое, с глубоко посаженными глазами, волосы черные, как смола. Военной выправки, как считал сержант Иванов, у него не было. К удивлению обитателей военного городка майор

Симонов не спешил вникать в дела «китайцев». Он ездил на всевозможные инструктажи в соединение или во время службы гулял со своей женой по Бернбургу. Знакомился с достопримечательностями районного центра. Симонов вплотную стал выполнять свои обязанности только через две недели. И начал он довольно круто. Первыми под его «пресс» попали офицеры. По его приказу они сняли с рук обручальные кольца, по ночам стали дежурить в подразделениях. Личному составу было приказано по плацу ходить только строевым шагом, командир это довольно часто контролировал. Он поднимался на свою «правительственную» трибуну и садился на стул. Через несколько мгновений все вокруг громко шлепало и топало, все переходили на строевой шаг.

Преуспел майор и в наведении марафета. По его приказу некогда серые ворота контрольно-пропускного пункта части стали зелеными. По городку поползли разные слухи и толкования. Старожилы и то стали недоумевать и задаваться вопросом: «Зачем КПП перекрашивать, как-никак это компетенция командира соединения, а то и повыше».

Прошло три месяца, как майор Симонов правил «китайцами». Новая метла мела по-новому, но старое оставалось без изменений. Для сержанта Иванова не было удивительным, когда он увидел, что новый «отец» равнодушен к спиртному. Симонов расслаблялся после обеда или под вечер, когда подчиненные ему офицеры не докучали или уходили домой. По делу службы Иванов часто приносил в кабинет командира всевозможные бумаги. Сначала ему было неприятно видеть розовощекого мужчину, от которого исходил сивушный запах. Несколько позже он привык. Ему уже казалось, что запаха и вообще не было. Майор что-то употреблял для того, чтобы запах исчезал. Выдавало его другое. В состоянии опьянения он ничего разумного не говорил. Несколько лучше у него получалось на трезвую голову, да и то не всегда...

Вскоре пьянство молодого комполка и подвело. ЧП было довольно необычного содержания. Симонов пытался изнасиловать дочь начальника штаба, своего подчиненного. Их кабинеты находились на одном этаже, напротив друг друга. Ира Пятакова заканчивала десятый класс, на вид она была рослой, стройной и красивой. В гарнизоне средней школы не было, детей ездили в Росслау, где находился штаб соединения. Однажды девушка в силу каких-то причин не успела на автобус. Отец, узнав

о том, что Симонов ехал на совещание к командиру соединения, попросил его довести свою дочь до школы. Тот охотно согласился.

Школьный автобус вернулся в военный городок в четыре часа дня, как обычно. Иры в нем не было, родители забеспокоились. Они стали опрашивать одноклассников, те подтвердили ее присутствие на занятиях. Майор Пятаков позвонил командиру в кабинет, никто к телефону не подошел. Не было его и дома. Симонова прождали целую ночь. Только утром дежурный по КПП доложил начальнику штаба о приезде командира. Отец внезапно исчезнувшей школьницы к проходной прибежал в трусах и увидел ошеломляющую для себя картину. Его любимая и единственная дочь сидела в машине на месте старшего и имела довольно неприглядный вид: ее платье было разорвано, лицо заплакано, от нее пахло спиртным. Не лучшим образом выглядел и командир. Его лицо было в ссадинах, левый глаз затек, изо рта обильно текла слюна. Майор спал, развалившись на заднем сидении. Пятаков поняв, что между командиром и ее дочерью произошло что-то неладное, покраснел, напыжился и мгновенно открыл дверцу водителя. Затем схватил его за шиворот и резко выдернул из кабины. Несколько пуговиц с гимнастерки солдата посыпались на асфальт. Водитель рядовой Осокин сильно трухнул и все выложил, как на духу.

По дороге в Росслау командир все время болтал со школьницей, рассказывал ей анекдоты. Потом предложил ей после окончания совещания заехать в немецкий ресторан и выпить кофе. Ира охотно согласилась. На обратном пути заехали в довольно большой гаштедт. Симонов купил сосиски, конфеты, лимонад и пиво. Себе купил небольшой шкалик водки. Солдат от пива отказался, он съел сосиски и выпил бутылку лимонада. Затем вышел на улицу и сел в машину. Командир с девушкой появился через пару часов, он и она были навеселе. В дороге офицер предложил остановиться и немного отдохнуть. От предложения никто не отказался. Солнце, несмотря на приближающийся вечер, продолжало нещадно палить. Для отдыха выбрали полянку, в метрах двадцати-тридцати от дороги. Алкоголь делал свое дело. Командир и девушка под лучами солнца разомлели. Они оба дружно храпели словно паровозы. Водителю созерцать за спящими надоело, и он пошел в небольшой лесок. Его бесцельная прогулка продолжалась

недолго. Неожиданно раздался истерический женский крик. Солдат молниеносно рванулся к машине и невольно стал свидетелем непривычной для него картины. Майор, в чем его мать родила, пытался изнасиловать школьницу. Она была почти голой, только лифчик голубого цвета скрывал ее тугие груди. Сначала Осокин растерялся. Насильником был его командир. Оцепенение у него прошло мгновенно. Причиной этому стали душераздирающие крики Иры. Он резко схватил майора за шею и с силой оторвал его от девушки. Офицер упал спиной на землю и с недоумением поднял глаза к небу. Перед ним стоял его водитель, салага. Он зло зыркнул глазами и резко дрыгнул ногой. Удара, как такового, не получилось. Спиртное на нет мужчину ослабило, немало сил ушло и на попытку овладеть девушкой. Он вновь дрыгнул ногой. Через несколько мгновений что-то тяжелое опустилось на его левый глаз...

Вскоре обстановка на полянке разрядилась, стала довольно спокойной. Мужчина с черными смоляными волосами лежал на траве наполовину голый, его задница была прикрыта офицерской рубашкой. Девушка, едва пришла в себя, дико завопила, схватила одежду и стремительно рванулась в лес. Незаметно подошли вечерние сумерки. Солдат, боясь за жизнь молодой девушки, начал кричать, звать ее к себе. На крик она не реагировал, он направился в лес. Пятакова сидела на корточках перед деревом и рыдала. Через некоторое время она успокоилась и вместе с солдатом стала обсуждать план дальнейших действий. Однозначно было решено: в машину не садиться, в часть идти пешком, до гарнизона было около пяти километров. Молодые люди шли по обочине дороги, взявшись за руки. Кое-кто из немцев останавливался и предлагал их подвести. Они с улыбкой отказывались. Перед въездом в Бернбург они решили ждать командирскую машину. Боялись огласки, особенно Пятакова. Командир приехал где-то через пять часов, приказал садиться в машину. Вел он себя спокойно, даже нагло, будто ничего и не было. Началось «воспитание». Солдату было приказано молчать, в худшем случае гауптвахта с небольшими перерывами ему будет обеспечена. Определены были рычаги воздействия и на школьницу. Симонов однозначно сказал, что быть или не быть командиром части ее отцу будет решать только он один. И никто

другой. Затем он передал управление машиной солдату. Сам уселся на заднее сиденье и тотчас захрапел.

Семейство Пятаковых очень долго совещалось, единого мнения у них сначала не было. Отец пострадавшей хотел чрезвычайное происшествие скрыть. Причина для этого у него была. Во время последнего отпуска он «выбил» для себя местечко в военной академии в Киеве. Супруга также была в восторге от предстоящей возможности спокойно пожить. Сейчас же ее словно подменили. Она взбеленилась, решила постоять за поруганную честь и достоинство своей единственной дочери. Муж в конце концов ей уступил. Дочь под диктовку матери написала петицию военному прокурору и врачу. Все делали по-честному. Синяки и царапины на юном теле дочери родители пересчитали дважды. Солдата во внимание не брали. Гауптвахта ему обеспечена. С начальником, с майором, который уже на должности полковника, было куда сложнее. Пятаков почти час сидел в своей комнате, листал Уставы ВС СССР. Подходящей статьи не находил. Его план по наказанию преступника, согласованный с женой и с дочерью, применение оружия не включал...

Майор Симонов проснулся далеко за полдень. Сначала принял ванну, затем «отметился» у жены в постели. Плотно покушал, опохмелился. После развода караулов он неспеша покинул домашний уголок и направился в служебный кабинет. Делать ему ничего не хотелось. Мягкое кресло и легкий шум вентилятора клонили мужчину ко сну. Неожиданно дверь открылась и он перед собою увидел начальника штаба, в руке у него был пистолет Макарова. С возгласами: «Сука татарская, убью!» вошедший нацелил пистолет в сидящего. Майор страшно трухнул. От страха у него внизу живота появилось темное пятно. Обмочился. Подчиненный испуг своего начальника чувствовал и видел. Он не стал дальше испытывать свою судьбу. Разрядил всю обойму в стену. Над головой комполка просвистело несколько пуль...

Дневальный по штабу полка, услышав выстрелы, позвонил дежурному по части. Вскоре перед сотнями военнослужащих, они с песнями шли по плацу в направлении солдатской столовой, предстала довольно привлекательная сцена, чем-то напоминавшая советский кинобоевик. Из дежурки выскочил офицер, в одной руке у него был пистолет, на другой —

красная повязка. Позади него ускоренным шагом двигалась дюжина караульных с автоматами, снаряженными боевыми патронами. Затем вооруженные люди поднялись на второй этаж, на нем находились кабинеты комполка и его заместителей. Капитан, недавно прибывший из Союза с кадрированной роты, явно был в растерянности. Он впервые заступил дежурным в «китайском» полного состава полку. Первые минуты и уже ЧП! Он то и дело размахивал пистолетом и бегал по коридору. В полулысой голове бедолаги каких-либо разумных мыслей не было. Мало того. Два «старика» из состава караула сильно нервничали. Поставил ли капитан свой пистолет на предохранитель?! Так можно и до дембеля не дожить!

К счастью, все обошлось без жертв и выстрелов. К штабе полка находился начальник секретной части, прапорщик. Он подошел к дежурному и что-то нашептал ему на ухо. Офицер с его доводами согласился. Ни китайских, ни западногерманских диверсантов в штабе не было. Вскоре караульные были выведены из помещения. Капитан и прапорщик стали действовать по обстановке. Они на цыпочках подошли к кабинету командира, постучали. Никто не отвечал. Открыли дверь. Перед вошедшими предстала поистине анекдотичная картина. Комполка стоял на коленях перед своим подчиненным и плакал. Увидев вошедших, Пятаков махнул рукой, дал понять, чтобы они покинули кабинет... Информация о ЧП дошла до дивизии, приехал начальник политотдела, последовали визиты других начальников. «Китайцам» было не до боевой подготовки, хотя составлялись расписания, заполнялись журналы боевой и политической подготовки. Разбирательство с комполка длилось около двух месяцев. Закончилось оно по-армейски, как всегда. Симонов остался на месте, Пятакова перевели в соседнюю дивизию, на должность командира полка. Вышестоящая должность была своеобразным авансом для отца пострадавшей.

Сержант Владимир Иванов уволился в конце октября. В родную и далекую Сибирь он летел на самолете, затем ехал поездом. Разные мысли кружились в его голове. Несмотря на серьезные трудности и проблемы армейской жизни, «дембель» считал, что прошедшие два года были прожиты не зря. Советская Армия для него, как и для

миллионов простых ребят, явилась серьезным испытанием на выносливость, проверила его как мужчину.

ГЛАВА 3. ПОИСКИ МЕСТА В ЖИЗНИ.

За полгода до увольнения Иванов все больше и больше задумывался о предстоящей гражданской жизни, ничего райского он в ней не видел. Иногда ему хотелось остаться в части и пойти в школу прапорщиков. В армии по команде кормили, укладывали спать, неплохо платили. «Гражданка» его пугала. Нередко после отбоя, плотно укрывшись одеялом, он плакал, плакал по своим родителям, по своей первой любви...

Поезд на станцию Омск-Пассажирский прибыл глубокой ночью. Город уже был в крепких объятиях сибирской зимы. Схватив чемодан, сержант быстро соскочил с подножки тамбура и ринулся в здание железнодорожного вокзала. Здесь ему все до боли было знакомо: эти подземные переходы, аптечные и книжные киоски, даже усатый милиционер, ходивший по вокзалу, и тот невольно всплыл в его памяти. Иванов улыбнулся, ему сейчас казалось, что у него за плечами и вовсе не было армейской службы с ее причудами и достоинствами.

Первая электричка, идущая в сторону разъезда Агафоно, отправилась в шесть часов утра, точно по расписанию. Пассажиров было немного, причиной этому было воскресенье и крепкие морозы, они давали о себе знать. Вагон, в котором сидел Иванов, практически не отапливался. Кое-кто жаловался о холоде контролеру, проверяющему билеты, тот обещал помочь. Шло время, электрические батареи были только чуть-чуть теплыми. Сержанта донимал не только холод, но и голод. Он длительное время стеснялся кушать, но его организм требовал своего. Вытащив банку тушенки и хлеб, он принялся за обе щеки уплетать последние съестные запасы. За этим занятием и застал его мужчина, севший в электропоезд на промежуточной станции. Ему было на вид лет пятьдесят, он был серьезный, подтянутый. Некоторое время он сидел возле окна и молчал или читал газету. После того, как военный закончил кушать, он протянул руку и представился:

- Иван Николаевич Лихов, подполковник запаса, он же директор школы. Мне очень интересно было наблюдать за молодым человеком, который одет в форму советского солдата. Я всегда гордился этой формой, она нас многому обязывает. Так ли я говорю, товарищ сержант? – Иванов, почувствовав крепкое рукопожатие незнакомца, привстал и громко отчеканил. – Я с Вами согласен, товарищ подполковник... Я также подумал, что Вы военный человек, их можно сразу определить по физиономии или по походке...

Ответ дембеля рассмешил Лихова. Он еще раз крепко пожал ему руку и по-дружески похлопал по его плечу. Через несколько минут сержант был уже знаком с основными вехами биографии своего собеседника. Лихов прожил сложную жизнь. Его родители погибли в период коллективизации, он до сих пор не знает, где они похоронены. Круглого сироту воспитывала бабушка. Успешно закончил школу и военное училище. Воевать ему не пришлось, но суровые послевоенные испытания прошел. В армии прослужил двадцать пять лет, ушел в запас в звании подполковника. Уже пять лет директор школы. Откровенность отставного офицера подкупила солдата, он пару слов рассказал о прошедшей службе, поделился своими печальями и планами. Лихов после некоторого раздумья предложил ему занять вакантное место учителя физкультуры. Два месяца назад это место занимала девушка. Вскоре она вышла замуж и быстренько укатила в областной центр, к мужу.

Предложение директора для Иванова показалось заманчивым и он утвердительно кивнул головой. Лихов предложил ему сразу же ехать с ним в школу, сержант охотно согласился. На малую родину он намеревался съездить позже, все равно его там никто не ждал. На следующее утро новоиспеченный учитель в военной форме был представлен педагогическому коллективу и школьникам. Директор оказался человеком большой души и настоящим наставником. Он на своем стареньком «Москвиче» отвез молодого учителя в Чапаевку, посетил могилы его родителей. В первый же день физруку была предоставлена комната в небольшом общежитии при школе. Кроме него здесь жили две молодые учительницы...

Прошло пятнадцать лет. За это время в жизни Владимира Иванова произошли серьезные изменения. Он женился на одной из учительниц. Молодой мужчина почти пять

лет холостяковал. Он все еще не мог забыть свою первую любовь к Маше Дергуновой. Память о ней всегда жила в его душе и в его сердце. Его брак с Татьяной был, скорее всего, не по любви, а по необходимости. От скуки иногда становилось дурно, особенно зимой. Супруги детьми на первых порах не обзавелись, потом просто не хотели. Бездетность устраивала как учителя физкультуры, так и учительницу ботаники и рисования.

Наступили 80-е годы. Перестройка дошла и до деревни Акимовки, где Иванов учительствовал. Престиж его профессии падал с каждым днем, мизерную зарплату не выплачивали месяцами. Нищета послужила основной причиной распада, казалось бы, порядочной семьи педагогов. Развод они оформили спокойно и без нервов. Татьяна, не долго думая, поехала к родителям, они жили на Дальнем Востоке. Владимир смирился со своей судьбой, как и со всем тем, что происходило дальше. Из-за отсутствия учеников через полгода закрыли школу, учителя остались без работы.

Школу после ее закрытия сразу же принялись растаскивать, сделать это большого труда не стоило. Очень старая постройка была из камыша, обмазана глиной и побелена известкой. Иванов, заметив воровство односельчан, попытался не допустить разграбления. Он не понимал своих земляков, которые без всякой боли в сердце поварварски ломали школьный забор. В один из коммунистических субботников пять лет назад они его строили для своих же детей и внуков.

Воры пришли в школу на вторую ночь, как только Иванов по своей инициативе начал сторожить. Время было позднее, где-то около двух часов ночи. В глубине школьного сада он неожиданно услышал скрип тележки. В том, что это была не конная повозка, он нисколько не сомневался. Вскоре скрип прекратился, вокруг стало очень тихо. Успокоился и сторож, он присел на чурбан, который специально взял для важного дела, и закрыл глаза. Страшно хотелось спать, такой режим работы был ему не по душе. Через некоторое время до его уха донесся стук топора, удары были все сильнее и сильнее. Владимир по-кошачьи на цыпочках вышел из-за укрытия, пробежал метров десять в глубину сада и спрятался за кустом смородины. Еще не опавшая листва служила хорошей маскировкой. Скрип и стук были у входа в школьный сад. Даже при тусклом

лунном свете он без ошибки определил этих людей. Это была семейная пара, муж и жена, оба пенсионеры, приехали в деревню на пару лет раньше, чем он. Расхитители школьной собственности, увидев учителя физкультуры, сначала несколько опешили, а потом оба навзрыд заплакали. Вещественные доказательства были налицо, добротные ворота школьного сада лежали на двухколесной тележке. Особенно волновался дед. Он то и дело вытирал слезы на глазах и повторял:

- Сынок, мой дорогой, прости меня, прости старика... Я никогда в жизни чужого не брал, да и сына воровству не учил...

Иванов, хоть как-то успокоить пенсионеров, наоборот, все время улыбался и приговаривал:

- Дядя Арсений, тетя Наташа, пожалуйста, успокойтесь, все будет хорошо... Я знаю, что сейчас всем очень трудно. Я никому об этом не скажу, честное слово...

Вскоре семейная пара успокоилась. Мужчины решили закурить. Дед Арсений достал металлическую коробку с табаком и сделал две закрутки, одну для себя, другую для учителя. Иванов, хотя и не курил, но для компании решился. Он сразу почувствовал крепость табака-самосада. Все селяне ходили к деду Арсению за табаком. Он, несмотря на преклонный возраст, частенько пропадал на своих плантациях. У него была специальная табакорезка, в зависимости от заказов он резал табак кому покрупнее, кому помельче. За свою продукцию денег не брал. Люди видели в деду человека большой души и отвечали тем же. Кое-кто приносил Пастуховым молоко, мясо, некоторые приглашали их на вечеринку.

В ходе беседы Владимир неожиданно для себя узнал, что у стариков есть сын, офицер. Он его никогда в селе не видел. Дед Арсений хвалил своего сына, гордился им, потом неожиданно замолк. У Иванова подступил комок к горлу, когда дед, сдерживая слезы, сказал, что в ходе выполнения интернационального долга в Афганистане, Андрею оторвало обе ноги. Он ничего родителям об этом не писал, боялся их тревожить. Писал, как обычно, что вот-вот приедет к старикам в гости. Просил, чтобы ответ писали на адрес его жены. Старики не вникали во все секреты и премудрости почтовой переписки, да и зачем. Дети живы-здоровы, что еще надо. Так длилось три года. Однажды вечером

принесли телеграмму. Невестка извещала, что Андрей тяжело болен и находится дома. Трагическая весть чуть было не скосила наповал родителей. Андрей неделю назад поздравил отца с днем рождения.

Утром Пастуховы уже были возле девятиэтажки. То, что случилось неладное и плохое, они почувствовали сразу. В подъезде и в квартире сына толпились люди в военной форме, кое-кто из них были с протезами рук или ног. Один из них был в инвалидной коляске. Вскоре родители узнали всю правду о своем сыне. Андрей в одном из боев с душманами получил тяжелое ранение, больше года пробыл в госпиталях, перенес десятки операций. Затем наступило нудное и тяжелое пребывание в инвалидной коляске. Еще тяжелее для безногого были укоры и слезы молодой жены. Нагоняли тоску и средства массовой информации. Раньше все и везде трубили об интернациональном долге, потом стали поговаривать о бессмысленности кровопролития в Афганистане. Старший лейтенант в отставке духом не падал. Стиснув зубы, он переносил удары судьбы. Летом ему было значительно проще, приходили друзья, сослуживцы по Афгану. Удавалось ему бывать и на природе. Зима же его убивала. Не придавал ему оптимизма и острый дефицит товаров первой необходимости. Определенные льготы и привилегии для афганцев вызывали озлобление у простых людей.

Чашу терпения у инвалида переполнила измена его жены. Виктория сказала ему об этом прямо и откровенно. Такого унижения Андрей не вынес. Ночью, когда жена была у любовника, он выбросился из окна квартиры седьмого этажа. Только утром прохожие заметили замерзший труп калеки...

Закончив рассказ о сыне, дед Арсений вынул из внутреннего кармана куртки тряпицу и очень осторожно ее развернул. На изможденной старческой руке лежал орден Красной Звезды. Это было все, что осталось в память от единственного сына. Затем он посмотрел на учителя и с гордостью произнес:

- Владимир Владимирович, с этой священной реликвией я пойду в могилу. Сын Андрюшка для меня был самым дорогим на этой земле. Он не был бандитом, не обманывал людей, не прятался за спины солдат... Он был человеком...

Что-либо сказать еще Пастухов старший не мог, его душили слезы. Плакала и его жена.

Владимир на какой-то миг растерялся, его глаза повлажнели. Ему было жалко этих людей, которых действительность заставила воровать, унижаться, терять свою честь и достоинство. Они и сегодня не пошли бы ломать забор, если бы не курьезный случай. Неделю назад в деревню за грибами приезжали городские. К вечеру пошел ливень, дорогу размыло. Неподалеку от дома Пастуховых машина забуксовала. Грибники, не долго думая, сорвали дверь с изгороди, где хрюкала одинокая свинья. Дверь послужила для них вспомогательным материалом для буксующей автомашины. Затем они забросили ее в кузов вместе со свиньей. Полунищих стариков в то время дома не было, они собирали шиповник в лесу. Только поздно вечером они заметили свои пропажи. О том, что произошло в тот вечер, Пастуховым позже рассказали соседские мальчишки, которые были невольными свидетелями наглого воровства.

Два часа прошли незаметно, до рассвета было рукой подать. Старики простились, вскоре раздался скрип пустой тележки. Иванов стоял возле входа в школьный сад и от безысходности плакал. Затем он резко присел, взвалил на плечи дверь и почти бегом ринулся в глубь сада. Догнав пенсионеров, сторож бросил дверь в тележку и повез ее к их дому. От Пастуховых безработный учитель ушел поздно вечером, он отремонтировал им изгородь, лично сам навесил дверь. Прощание почти незнакомых людей было очень трогательным.

Происшедшее со стариками вновь подтолкнуло Иванова к длительным раздумьям. Он принял окончательное и бесповоротное решение уехать из Акимовки. Он не хотел видеть бесправия, нищеты и физического вымирания жителей некогда прекрасного уголка земли. Да и ему самому предстояло найти свое место в обществе. Улучшить материальный и духовный комфорт он надеялся при помощи своего друга по армии. Они когда-то вместе служили в комендантском взводе. Мирошников часто ему писал, приглашал в гости.

Однополчане встретились как настоящие кореша. Они, сидя за столом, поговорили об армии, кое-что рассказали из своей жизни, поболтали о политике. Александр жил

неплохо, имел просторный дом, последнюю модель «Жигулей», гараж. В особняке была дорогая мебель, ковры, цветной телевизор, видео. Своим хозяйством Мирошников очень гордился, успехам мужа и отца радовались также его жена и двое детей. После дембеля штабной писарь звезд с неба не хватал. Сначала он был простым рабочим, потом закончил ПТУ, получил специальность слесаря. Денег, как всегда, не хватало.

Однажды полунищий холостяк на танцах разговорился с бывшим одноклассником, который имел неплохие бабки. Юрка пригласил его работать к себе на мясокомбинат, тот охотно согласился. Сашка начинал с рабочего в убойном цехе, сейчас начальник холодильника. Хозяин долго рассказывал другу о специфических особенностях «мясной» жизни. Гостя все это в принципе не интересовало, к мясному производству душа у него не лежала. Он, имея в кармане диплом об окончании института физической культуры, который он закончил заочно, надеялся на лучшее.

Недельное хождение по организациям и учреждениям, которых в небольшом городишке Березовка можно было сосчитать на пальцах одной руки, оптимизма учителю не принесло. Если где-то и была работа, то она была примитивная или грязная. Одно же было общее – нигде не платили. В один из долгих вечеров начавшейся зимы Мирошников предложил своему гостю поработать на мясокомбинате, хоть немного, а там и гляди, подвернется более престижная работа. Иванов «опустился» на землю, согласился. Мясокомбинат находился на окраине города, неподалеку от озера. Новенький сначала работал учеником сепараторщика в жировом цехе. Работа больших физических и умственных способностей от него не требовала, нужно было готовить сепараторы, контролировать их работу, затем их мыть. После трех месяцев ученичества он сдал экзамен на 3-й разряд слесаря и стал работать самостоятельно.

Прошло полгода. Владимир все больше и больше втягивался в работу. Он уже не страшился своего белого халата и шапочки. Научился он выносить и шабашку. Для этого на вещевом рынке он купил офицерский ремень, он был значительно шире обычных. Завернутый в целлофан килограммовый кусок мяса (неофициально разрешенный директором предприятия) под ним лежал очень удобно и не давил на живот несунa.

Между тем в Советском Союзе грянула очередная волна политических потрясений. Политики заговорили о новом витке демократии, о новых экономических отношениях. Радио и телевидение затрезвонили об арендаторах, о тех людях, которым предстояло стать настоящими хозяевами на земле. Кое-какие мысли об аренде полезли и в голову Иванова. В свободное от работы время он стал посещать городскую библиотеку, читал газеты и журналы. Зашел и в сельскохозяйственный техникум, побеседовал с преподавателями по вопросам аренды. Мало того. Узнав о том, что в соседнем районе семья арендаторов добилась высоких результатов по выращиванию молодняка, он поехал туда. Все посмотрел, все расспросил. Мысль стать хозяином на земле все больше и больше овладевала мужчиной. Время поджимало, на дворе стоял апрель. Посоветовался он с Мирошниковым, тот его затею поддержал, но не очень охотно. «Дембеля» за чаркой водки пришли к однозначному выводу, если у Владимира не получится, вернется опять на «шабашку». Вопрос о напарниках исчез через неделю. Составить компанию Иванову согласились двое молодых парней из мясокомбината. «Несуны», нарушив неписанные законы проходной, были уволены с работы.

В начале мая трое мужчин, желающих стать настоящими хозяевами на земле, приехали в совхоз «Социалистическая Сибирь», расположенный в двухстах километрах от Омска. Выбрали совхоз и район неспроста, здесь жили родители Виталия, напарника. Он еще год назад имел разговор с директором о возможности аренды в родном селе. По приезду сразу же пошли к директору. К удивлению первопроходцев, сельский чиновник не испытывал к ним пылкой радости. Только через неделю он пообещал им дать на откром 150 телят. Определил и пастбище в районе бывшей деревни Николаевки. Арендаторов все это устраивало, рядом с пастбищем находился котлован с водой для водопоя. Тройка мужчин зря время не теряла. За четыре дня они отстроили загон для животных. Стройматериал добывали по-разному: разбирали сгнившие постройки в близлежащих деревнях, часть материалов покупали у сельчан за деньги или за спиртное. Загон был готов, были готовы и бумаги. Договор в 3-х экземплярах, который был подготовлен бригадиром Ивановым, лежал на столе у директора. Безграмотный мужичонка неказистой внешности по фамилии Шарашкин в конце концов подписать его категорически отказался.

Вечером уже бывшие арендаторы обдумывали план своих действий на будущее. Все выглядело неутешительно. Деньги кончились, работы не было. Хотя появилась надежда на приработок. Жителям Кормиловки, где они жили, требовались пастухи. В селе было две больших улицы. Как правило, каждая из них имела своего пастуха. Утром мужчины пошли к управляющему. Худощавый мужчина с курносый носом и веснушчатый лицом с доводами пришло согласился. Одновременно сказал, что, кому пасти и как пасти скотину, селяне решат на общем собрании. Оно состоится в конце мая. Он также посетовал на плохую погоду. Снег валил днем и ночью...

Собрание, к сожалению, на нет разрушило планы несостоявшихся арендаторов. Жители одной, самой длинной улицы села, согласились нанимать пастуха на лето, другая часть деревни отказалась. Крестьяне это объяснили тем, что им просто нечем платить, денег они не держали в руках уже больше года. Они выбрали другой вариант - каждый в отдельности или по группам (2-3 семьи) будут пасти скотину. Многих в этом деле выручали дети, особенно во время летних каникул.

Увидев безысходность положения, напарники Иванова не стали испытывать счастье в селе, они подались в Омск. Скорее всего, они сделали правильный выбор. Им было только за 20 лет, Владимиру – уже за 40. Он первым дал согласие пасти скотину. Дал согласие от безысходности. У него не было ни денег, ни семьи, ни двора.

Пасти скот неподалеку от деревни, как думал молодежь пастух, Иванов, ничего не стоило. Оказалось, что это далеко не так. И этому ремеслу надо было учиться. Советы селян пастух не игнорировал, стремился их выполнить. Крестьяне в ответ на это платили добрым отношением и даже заботой. Зная о том, что пастух живет в одиночестве, кое-кто в период выгона скота или дойки совал ему в руки все, чем была еще богата сибирская деревня в период затухающей псевдоперестройки: мясо, молоко, яйца, хлеб. Кое-кто давал и самогонку. Хотя они прекрасно знали, что баба Мотя, у которой он снимал угол, делала самый лучший первач.

Прошел месяц. Иванов уже по-настоящему научился ездить на лошади. Он на первых порах ходил как парализованный: болела задница, от непривычки ныла спина. Пес Матрос стал ему настоящим помощником. Он понимал все команды своего хозяина и был

грозой для всех четвероногих. Особенно для тех, кто щипал траву вдали от общего стада или украдкой бежал на поле, где зеленела пшеница.

В Кормиловке все больше и больше стали говорить о добропорядочности пришедшего пастуха. Иванов благодарил сельчан за теплые слова, нередко улыбался. Во время дойки он отходил от стада на метров двадцать-пятьдесят и садился на переносной стульчик, который ему подарил старик-бобыль. Неподалеку от него паслась кобыла Сивуха. Пес Матрос всегда был рядом с хозяином. Он никогда не забывал о своих обязанностях. Прежде чем твякнуть или побежать за четвероногим нарушителем порядка, он сначала смотрел на хозяина, ждал его жеста.

Последние новости в деревне и в стране до Иванова доводила баба Мотя. Доводила почти в одно и то же время, в 22 часа, когда ее постоялец садился за стол ужинать. Она за несколько минут успевала обрисовать каждого жителя села, и что с ним или с ней произошло сегодня. Содержание новостей все больше и больше стало касаться и пастуха. Однажды она, как бы невзначай, намекнула ему о том, что деревенские ищут ему невесту. Владимир ее намек пропустил мимо ушей, не до этого ему было. Он был занят, да и прошлая семейная жизнь хороших воспоминаний у него не оставила.

Время неумолимо двигалось вперед. Он заставляло Иванова все больше и больше задумываться над смыслом своей жизни, ворошить свое прошлое. Размышлять ему никто не мешал, один в поле. Несмотря на то, что его жизнь основательно потрепала, он ни имел ни богатств, ни женщин. Образ школьницы Маши, которую он никогда в жизни не целовал, все еще господствовал в его голове и в сердце. Он сейчас сожалел, что женился на учительнице и прожил с ней десять лет. Жил с той, которую никогда не любил. Жить с очередной женщиной и не любить ее, жить просто так, жить и влачить жалкое существование, особенно в это тяжелое время, ему не хотелось...

В середине лета в холостяцкой жизни пастуха неожиданно появилась женщина. Был воскресный день. Пригнав стадо на обычное место дойки, Иванов направился к небольшому березовому колку. Из-за сильной жары Сивуха и Матрос то и дело нервничали. Лесная прохлада нужна была и наезднику. Он слегка прищпорил коня и повернул свою голову в сторону деревни. И на какой-то миг замер. Вдалеке от себя он

увидел женщину с ведром. Сомнений не было, она шла в его сторону. Она была одета в спортивный костюм. Двигалась она неторопливо, с достоинством. Несмотря на ее очертания, Иванов чувствовал, что она радовалась солнцу и сказочной сибирской природе. Наездник приложил руку ко лбу и неожиданно для себя вспотел. Причиной этому был внешний вид женщины. Она была среднего роста, стройная. Спортивный костюм черного цвета с белыми полосами на рукавах куртки и на брюках, которые обтягивали ее стройные ноги, не скрывал ее фигуру, наоборот, дополнял ее женственность. Длинные каштановые волосы, обвивающие тонкую шею, были перекинута на оба плеча и концы их ниспадали на ее тугие груди. Ее лицо было немного продолговатое, высокий прямой лоб, тонкие губы были слегка подкрашены помадой. Глаза были голубые, большие, с длинными ресницами.

Мужчине, сидящему в седле, стало не по себе, когда перед ним появилось красивое создание природы, да еще с ведром. Ему казалось, что это просто мираж, и только. Он кисло улыбнулся и слегка опустил голову. Опешил перед красивой женщиной не только пастух, но и Матрос, который почему-то сейчас не лаял как обычно на незнакомых, а сидел, раскрыв рот, и пускал слюни. На какой-то миг пастух вышел из оцепенения. В его голове появилась мысль о своей несуразности и убожестве своего внешнего вида. Он и вправду желал намного лучшего. Простые брюки с заплатами да серенькая рубашка, бумажная пилотка, спадающая на его уши, не могли конкурировать с ослепительной красотой незнакомки. Мужчина и женщина, скорее всего, одновременно об этом подумали и весело рассмеялись.

Хозяин пастбища быстро спрыгнул с лошади, отстегнул от седла стульчик и вежливо предложил красавице присесть. Та мило улыбнулась и очень тихо прошептала:

- А меня зовут Галина, еще проще... Галя...

После этих слов она протянула руку для приветствия и невольно задержала ее в огрубевшей ладони мужчины. Он почти молниеносно почувствовал нежность женской руки с длинными красивыми пальцами и с ярко накрашенными ногтями. В его ладони остались мельчайшие капельки пота, которые нельзя было видеть, их можно было только

чувствовать. Волновался и Иванов. Он почему-то очень сильно сжал руку шатенки и с заиканием произнес:

- А меня зовут Владимиром... По батьке я также Владимир... Одним сло-вом, мы познакомились...

Несколько необычная форма представления, скорее всего, успокоила нервную систему молодой особы. Она громко рассмеялась и еще раз пожала мужчине руку. Минут через десять они перешли на более доверительный разговор. Первой рассказала о себе Галина. Она уже десять лет работала в системе народного образования. В Кормиловке более трех лет, преподает литературу и русский язык. Бывшему учителю было очень приятно слушать коллегу, ему до боли в сердце были знакомы школьные проблемы. Одновременно он несколько раз прокручивал в своей голове моменты возможной встречи с этой женщиной. К своему удивлению, он не находил.

Иванов, глядя красивую женщину, не удержался. Спросил ее о том, замужем она или нет. Она, наверное, ждала этого вопроса и долго смеялась. Затем, немного покраснев, ответила отрицательно. Потом вновь засмеялась и очень коротко рассказала несколько любовных историй из своего прошлого. В группе, где она училась, был всего лишь один парень. С первого дня учебы он мечтал о карьере ученого. По этой причине он все свободное время проводил в библиотеке, влезал в доверие парткому, комитету комсомола. Честно говоря, он нравился Галине, да и другим девушкам. Он был высокого роста, стройный, симпатичный, имел сильный голос. Это признавали все, когда он выступал на каких-либо торжественных собраниях. На выпускном вечере Галина набралась храбрости и пригласила Александра на танец, затем шепнула ему о том, что он ей нравится. Ее партнер неожиданно остановился, на какое-то время даже замер. Затем он снял очки и несколько дрожащим голосом девушке ответил:

- Знаешь, Галочка... Мои родители категорически против моего брака, особенно отец. Сначала я закончу аспирантуру, а девушки потом...

Более солидный любовный роман у Федоровой чуть было не получился во время ее работы в районо. Она часто бывала на различных совещаниях и на собраниях в районе и областном центре. Нередко выступала и с трибуны. Он расплывалась в улыбке, когда

видела пожирающие ее взгляды молодых и пожилых чиновников. Ей, как женщине, это льстило. Однажды она зашла в столовую одного из райкомов партии, которая располагалась в подвале. К столику, где она обедала, подошел мужчина и попросил разрешения присесть. Она не отказала. Затем молодые люди познакомились, разговорились. На следующее воскресенье Карпов пригласил ее на базу отдыха одного из крупных заводов областного центра. Каждое партийное и советское учреждение имели «свои» базы отдыха, где ответственные работники и члены их семей поправляли свое здоровье. Это были своеобразные притоны для пьянства и любовных утех.

К приезду Виктора Петровича, так звали заведующего отделом райкома партии, на базе готовились основательно. Галина, переступив порог хлебосольного особнячка, впервые в жизни поняла, что на деле означали привилегии советских чиновников. На какой-то миг ей очень понравилось роскошество комнат и обилие всевозможной закуски. Радовал ее и ухажер, он был далеко неурод и при высокой должности. Мало того. Прежде чем сесть за стол, Ипатов признался в любви к работнице районного отдела народного образования. Федорова в ответ ничего не сказал, лишь слегка улыбнулась. После первой рюмки коньяка мужчина стал заглатывать в себя все, что стояло на столе. Набив желудок деликатесами, он предложил женщине сходить в парилку. Галина не противилась этому. И не только по долгу службы... В парной полового акта не получилось. Карпова сильно разморило. Мало того. Он неловко спрыгнул с полки и поскользнулся, в результате чего упал и разбил себе бровь.

Федорова, закончив полуанекдотическую историю из своего прошлого, внимательно посмотрела по сторонам и неожиданно заплакала. Оглянулся и пастух. Его стадо больше чем наполовину лежало на земле. Людей вокруг не было. Рассказчица тем временем успокоилась, вытерла слезы и низко опустила голову. Скорее всего, раздумывала, что ей делать дальше.

Иванов, сидя на траве напротив, молча наблюдал за нею и ждал ее дальнейших откровений. Затем он вскочил на колени и приблизился к шатенке. Потом стал осыпать поцелуями ее лицо и голову. Через несколько мгновений их губы сомкнулись и разомкнулись. Так продолжалось несколько минут. После этого мужчина подошел к

лошади и снял мешок, в котором было ватное одеяло и плащ. Неподалеку от опушки леса сделал «постель». Галина сама опустилась в постель и внезапно замерла. Затем закрыла глаза. Она не сопротивлялась незнакомому мужчине, пастуху. Иванов, сняв с женщины бюстгалтер и плавки, принялся целовать ее нежное тело. Легкий ветерок, гуляющий по полю, пьянил ему голову, разносил приятный аромат духов и запах женского тела, которое истосковалось по мужской ласке и силе. Он целовал каждую частицу ее тела, ее тугие груди с коричневыми сосками, к которым еще не прикасались губы младенца. Целовал и ласкал стройные, длинные ноги, ее руки. Наконец губы красивой женщины и симпатичного мужчины сомкнулись, и они слились в единое целое, в единый порыв движений, любви и страсти. Им было очень хорошо и счастливо в этой «постели». Они оба впервые в своей жизни обрели душевный покой. Обрели его на небольшом клочке земли, где не было ни людей, ни городов, ни суматохи. Их было здесь только двое. И эти двое, не испившие до сих пор чашу сердечного влечения, сейчас творили свою любовь, свое счастье. Владимир, упав от изнеможения, пристально посмотрел на Галину. Она также окинула его взглядом, затем широко улыбнулась. Он вновь принялся целовать нагое тело женщины...

Неожиданно рванул сильный порывистый ветер. На небе собралось несколько тучек, затем пошел летний солнечный дождь. Влюбленные, словно дети, быстро вскочили и побежали нагими по травянистой дорожке в сторону озера. Бежать было легко и приятно, трава ласкала и немного щекотала пятки. Добежав до озера, они присели на траву и наблюдали за тем, как маленькие капли дождя стучали по глади водного водоема. Дождь прекратился так же быстро, как и начался. Засветило яркое солнце. Затем появилась радуга, она многоцветной дугой опоясала полгоризонта. Красота была неопишуемая. Нагие улыбнулись и вновь оказались в объятиях...

Федорова приходила к пастуху еще несколько раз. Взаимное понимание и любовь ее окрыляли, давали надежду на совместное будущее. Баба Мотя уже давно заметила внезапно появившуюся радость жизни и веселый огонек в глазах своего квартиранта. Она с нетерпением ждала от него объяснения. Иванов и сам был не против поделится с пожилой женщиной своими радостями и думами. Однако он не делал этого, не делал

специально. Чем чаще он встречался с Галиной, тем больше болела у него душа и сердце. Причиной этому была его неопределенность в будущем, скорее всего, безысходная тоска. Во время одной из встреч он решил поговорить с ней по душам. Он не хотел обижать или обманывать красивое создание, которое подарило ему самое святое, что есть у женщины - любовь. Разговор получился прямой и откровенный. Галина, как и он, поняла невозможность полноценной, цивилизованной жизни в условиях, при которых жили миллионы россиян. Надежд на лучшее не было, не было времени и для раскочки. Они решили однозначно. По дороге жизни дальше идти в отдельности. О прекрасных мгновениях любви нисколько не сожалели. Она дала возможность каждому из них хоть на какой-то миг с оптимизмом смотреть на жизнь, искать какие-то пути самовывживания.

Между тем нарастающий ход событий в стране Советов неумолимо втягивал в политическую орбиту все новые и новые слои населения. Чувство неудовлетворенности своей жизнью подталкивало Владимира Иванова к непосредственному участию в демократическом переустройстве общества. Во время пастьбы он имел довольно много времени для осмысления происходящего. Он завел специальную тетрадь, в которой делал пометки по радикальному переустройству советского общества. Новый импульс этому придали события в августе 1991 года в Москве. Ему захотелось самому «пощупать» демократию, проверить ее на прочность. Найти замену ему помогла баба Мотя, она предложила ему своего внука Алешку. Иванов с ее предложением охотно согласился. Уже в первый день поездки у мужчины начались проблемы. Купить билет из периферийного города даже в сентябре оказалось не так-то и просто. После переплаты, да и то в кассе возврата, он купил билет и сел на поезд. В плацкартном вагоне, как и в «застойные» времена, была та же убогость обслуживания, та же тощая подушка, тот же вонючий матрац. Появилось и новое «демократическое»: в чае без сахара плавали не то соринки, не то соломинки. По вагону прохаживались подозрительные типы, в руках они держали колоды карт с обнаженными женщинами, другие товары сексуального характера.

Москва встретила пастуха из глухой сибирской деревни пасмурной погодой. Над столицей плавали облака темного цвета, моросил холодный дождь. Быстро одевшись, с заросшей щетиной пассажир, в вагоне не работала розетка, сразу же ринулся в привокзальный туалет. Надеялся придать себе человеческий вид. Его надежды не оправдались. Туалетное заведение вообще не выдерживало никакой критики. Из небольшого помещения несло воню, на полу валялись окурки, было наплевано, везде раздавался мат. У входа возле двери сидела «механизированная» по последнему слову техники гадалка. К ней на прием выстроилась целая вереница мужчин. При помощи компьютера она за три рубля определяла судьбу каждого, сколько кому осталось пожить в этом мире и подышать воздухом надвигающейся демократии.

На пути к «Белому дому» Иванов зашел в пельменную, страшно проголодался. В забегаловке народу было тьма. Выстояв в очереди порядка получаса, гость столицы взял две порции разварившихся пельменей, цены были космические. Во время общей трапезы вдруг бабка-кассир с криками и нецензурной бранью бросилась за молодыми ребятами, которые мигом выбежали на улицу. Позже оказалось, что они с нею не рассчитались. Через некоторое время перед Ивановым предстал Дом Советов Российской Федерации, «Белый дом». С этим заведением он решил познакомиться более основательно. Сначала он обошел его вокруг, осмотрел все его подступы и пристройки. Затем он двинулся к остаткам баррикад, где совсем недавно шла борьба за настоящую демократию. Подошел он и к палаткам, они стояли почти рядом со зданием. В одной из них находилась семья - муж и жена, и двое их детей. Разговорились, оказалось, что семья арендаторов уже вторую неделю ждала встречи с Борисом Ельциным, искала заступничества и правды. Оказалось, что ни лидер демократии, ни другие чиновники им вообще не интересовались, кроме милиции и серьезных мужчин в строгой гражданской одежде.

Привлекла внимание ходока из Чапаевки и палатка возле места гибели борцов за свободу. Двое молодых парней бдительно стояли на охране цветов и другой атрибутики. Какой-либо толпы возле исторического места не было. Лишь редкие прохожие делали фотоснимки. С некоторыми из них Иванов имел короткий разговор. Единого мнения у них в отношении происшедшего в Москве не было. Одни утверждали, что социальную базу

участников этих событий составил не рабочий класс, а кооператоры и спекулянты. Многие из них были в пьяном угаре. Другие высказывали противоположное мнение. Не было единого мнения и о тех, кто погиб.

Настойчивые попытки сибиряка попасть во внутрь Белого Дома и встретиться с каким-либо чиновником оказались безуспешными. Не подействовал ему ни упитанный капитан милиции, стоявший перед входом в особняк, ни пожилая дама в дорогой норковой шубке. Она то и дело выходила и входила в здание. По совету одного из прохожих Иванов направился в приемную российского главы правительства, благо она была рядом. Поднявшись на второй этаж особняка, он узнал от дежурного, что запись на прием сегодня закончена. С довольно унылой физиономией Владимир покинул остров «демократии». Остаток светлого времени он искал место для ночевки. И здесь ему не повезло. Свободных мест в гостиницах не было. От услуг кооператоров он отказался, цены сильно кусались. Остаток ночи он провел на железнодорожном вокзале. Утром он вновь оказался у знакомого здания. В Белый дом его не пустили, не было специального пропуска. Ему ничего не оставалось делать, как идти в приемную правительства. Перед небольшим зданием стояла вереница людей. Только через три часа его пригласили в один из кабинетов. Время ожидания Иванов не терял даром. Он переговорил со многими людьми из разных регионов огромной страны, которые были вынуждены приехать в столицу.

Инвалид-афганец с обгоревшим лицом жаловался на издевательства в уральской деревушке. Из-за тяжелого ранения он физически не мог ходить в магазин. Продавщица, баба воровитая специально припрятывала его булку хлеба или не давала ее тем, кого он посылал. Нередко бывало и то, что она его хлеб перепродавала другим односельчанам.

С большим вниманием пастух выслушал и историю, которую ему рассказала женщина из Хабаровского края, ее маленький сын – инвалид. У него не было ступней. Мать два года просила у местных властей инвалидную коляску. Не дали. Со слезами на глазах она вышла и из кабинета чиновника высшего исполнительного органа государственной власти страны. И Москва ей не помогла.

Не оправдались надежды и Иванова. Его предложения по коренному переустройству общества, особенно экономики, мало интересовали референта Ульянова. Да и весь внешний вид, манера поведения пожилого чиновника говорили о его нежелании воспринимать мысли пришельца, который душой, сердцем и мозгами хотел внести посильный вклад в укрепление демократических основ большой страны. Мало того. Чиновник даже не соизволил открыть папку, в которой были напечатаны рекомендации бывшего учителя. С тяжелыми мыслями покидал Белый дом уроженец деревни Чапаевки. На пути ему встретилась большая толпа советских «западников», она стояла возле посольства США, основного врага коммунизма. Они хотели другой жизни. На какой-то миг захотелось покинуть свою Родину и тому, кто раньше об этом никогда и не помышлял...

Прошла зима. За это время в жизни Владимира Иванова многое изменилось. Он закончил свой калым – пастьбу. Сразу же после нового года устроился работать учителем в школе. Бывшую историчку, пожилую женщину во время семейных разборок убил муж. Незаметно наступила весна. Обильное таяние снегов привело к тому, что поля были затоплены. Залило и Кормиловку. Небольшая деревня была оторвана и изолирована от внешнего мира. Не было и техники. Последний трактор и тот сломался. Прекратился подвоз пресной воды и хлеба. Учительской паре Владимиру Иванову и Галине Федоровой было до слез обидно видеть своих учеников, которые сидели за партами в кирзовых или резиновых сапогах своих родителей. В небольшой деревянной постройке было грязно и неуютно. Техничка, как и учитеоля уже два месяца жили без зарплаты. Иногда хотелось выть по-волчьи от скуки и безысходности. Тяжелее было Галине, и это прекрасно понимал ее любимый. Она в его лице хотела иметь опору, поддержку и все надеялась на создание семьи. Однако жизнь вносила свои коррективы. Они все чаще и чаще не понимали друг друга, ссорились. Женщина в конце концов приняла окончательное решение о разрыве отношений с мужчиной. В середине лета она уволилась и уехала к своим родителям. Прощание было очень тяжелым. Иванов еще долго стоял на перроне вокзала и пристально всматривался в уходящий поезд, которил увозил в неведомое его последнюю надежду и любовь.

Для того, чтобы хоть как-то смягчить горечь расставания с любимой женщиной, Иванов решил посетить Чапаевку. Ностальгия по родному дому, по безвременно ушедшим родителям глубокой болью отдавалась в его сердце. Он иногда даже сам хотел отправиться в потусторонний, неведомый доселе никому мир, встретиться с родителями, обнять их, поговорить, вместе смеяться и плакать.

Электричка медленно подошла к разъезду и остановилась. Из вагона вышел мужчина, пристально огляделся по сторонам и пошел по проселочной дороге в сторону леса. Кроме него из поезда вышла молодая женщина с двумя детьми. У Иванова не было желания составить им компанию. Он прибавил шагу, через некоторое время оглянулся. Женщина и ее дети садились на мотоцикл с коляской, вскоре они скрылись из вида. Путник этому обрадовался. Он хотел остаться наедине со своими мыслями. Сейчас он шел к своему родному дому, шел почти через десять лет. Небольшая постройка из березовых бревен, как и для большинства живущих на этой земле, была пристанищем для его тела и души. Чем ближе он приближался к родному очагу и к месту погребения близких ему людей, тем он больше оказывался в плену тяжелых мыслей о смерти. Он не кривил душой. К осознанной необходимости и желанию умереть, он шел все эти годы. И сейчас ему не верилось, что его душа и тело, его организм, полноценно работающий, способный воспроизводить потомство, скоро исчезнет, как исчезает пузырь в мыльной воде. Исчезнет незаметно и навсегда.

Близость собственной смерти мужчину не пугала, а наоборот, заставляла его мозг работать четко и слаженно. Сопереживать наиболее неоднозначные события его жизни.

Еще в раннем детстве он во многом отличался от своих ровесников. В юные годы стремился быть похожим на революционеров. У них он учился честности, справедливости и умению постоять за интересы людей труда. В школе он был первым учеником. За все десять лет учебы он не получил ни одной двойки. Юноша, еще не зная жизненных передраг, строил большие планы на будущее. Его первые шаги в самостоятельную жизнь внесли очень серьезные коррективы в его миропонимание. Он быстро расстался со своей детской наивностью... Неожиданно заморосил дождь. Грязь налипала на подошвы его стоптанных ботинок. По мере продвижения по проселочной дороге его ноги тяжелели. Он

останавливался и первым попавшимся предметом, будь то прут, палочка или камень очищал обувь от грязи. Иванову еще в детстве казалось, что его поведением управляла какая-то неведомая сила, находящаяся на других планетах. Он допускал и наличие души, идентичной его. Она появилась с его рождением и являлась прообразом его духа и тела.

Прожив более четырех десятков лет, он так и не понял, почему неведомые силы на тех планетах допускали господство несправедливости среди живущих на земле. Мысль о возможной справедливости и равенстве всех в потустороннем мире путнику понравилась. Он улыбнулся, затем громко рассмеялся. Он войдет в потусторонний мир и первым сообщит об его преимуществах честным и порядочным людям на земле. Он нисколько не сомневался, что им, как и ему, надоело мучиться в так называемом человеческом обществе.

Он невольно вспомнил эпизоды из своего детства и ему стало не по себе от нелепости происходящего. В Чапаевке нередко похороны сопровождалась драками, доходило и до поножовщины. Были случаи, когда кое-кто из-за алкоголя отдавал Богу свою душу. К подобным у Иванова не было сожаления. Человек по своему разуму и воле создал умопомрачительные напитки.

Неожиданно солнце вышло из-за туч и уже можно было различать силуэты родной деревни. Его яркие лучи заставили «дымиться» мокрые куски грязи на дороге, непокрытые травой отдельные островки близлежащих полей. Тотчас же застрекотали кузнечики в траве, активнее заработал и комариный мир. Путник машинально отбивался от комаров, многих убивал. Иногда специально допускал их на свое тело. Смельчаки, напившись его крови, раздувались и тут же падали. Он невольно сравнивал их с человеком, который по своей глупости и жадности не только калечил природу, но и убивал друг друга. Иванову захотелось пить, он свернул с дороги и подошел к небольшому колку. На полянке среди низкорослой травы выбрал лужу. Она показалась ему наиболее чистой. Зачерпнув ладонью воду, он попробовал ее на вкус. Она оказалась невкусной, даже чем-то отдавала. Жажда взяла свое. Он прилег, затем привстав на полусогнутые руки, и не отрываясь от земли, стал пить. Он пил и пил, не думая ни о вкусе воды, не брезгуя соринками и жучками, которые ползали по дну лужи. И вдруг он

невольно увидел в воде свое отражение и отражение солнца. Ему показалось, что небесное светило над ним издевалось и говорило: «Ну, ты, плебей и раб, посмотри на себя, несчастный... На кого ты похож?... Что ты добился на этой грешной Земле? Ты скоро умрешь, как ничтожество, а я вечное! Я вечное!!!». Владимир ужаснулся от своих мыслей и на какие-то мгновения замер. В водяном отражении перед ним был старый мужчина. Худое, заросшее щетиной, лицо, две глубокие морщины на лбу над переносицей свидетельствовали о тяжелом его прошлом, одновременно подчеркивая сложность его натуры и твердость характера. Иванов не отрицал ни того, ни другого. Детство его не баловало.

Ему было обидно до слез за своих родителей, в первую очередь, за мать. Он всхлипывал, когда она возвращалась с работы поздним вечером, и завершив все дела по хозяйству, ложилась спать. Нередко из спальни доносились тяжелые вздохи и тихий плач уставшей женщины. Однажды пришла беда. В один из зимних вечеров с матерью на работе стало плохо. О этом малчишке сообщила соседка. Иванов до сих пор помнил ту страшную ночь. Пронизывающий до костей ветер дул ему в спину и гнал туда, где его любимая мать отдала лучшие годы своей жизни. Она лежала посредине телятника возле короба с силосом. Ему не верилось, что его мать может заболеть или, тем более, умереть. Ненависть ко всему переполняла его душу. Он хотел убить не только телят, но и тех, кто заставил его мать страдать.

И сегодня, идя к могиле своих родителей, он осознавал, что ни тогда, ни сейчас он был не в силах что-либо изменить к лучшему. Мать наверняка умерла, ежели бы в Чапаевке не оказалась старшая сестра его одноклассницы Анны, немки, с которой он учился. Полина была врачом и оказала экстренную помощь больной. Владимир до сих пор носил в своем сердце и в душе образ молодой женщины, руки и знания которой дали прожить его матери еще несколько лет...

Через некоторое время появилась Чапаевка. По деревне Иванов не пошел. Да и деревней ее нельзя было назвать. Скорее всего, это было небольшое скопище полусгнивших построек. Десять лет назад в селе насчитывалось больше сотни домов. Кладбище находилось неподалеку от заброшенного здания бывшего маслозавода. До

опушки леса было рукой подать. Иванов вновь оказался в плену своих воспоминаний о прошлом. Его мать часто рассказывала ему о своей жизни. Особый интерес у него вызывали моменты из героической жизни деда, который по ее словам, был умным и честным человеком. Он никогда не шел на сделку с совестью, несмотря на то, что его семью выселили из Украины в Сибирь. Не сломили его ни лесоповалы, ни голод, ни война. Внук гордился своим дедом, собирал полевые цветы и приносил их на его могилу. После смерти родителей он весной, как только земля основательно оттаяла, пошел в лес и выкопал маленькую березку. Посадил ее между могилами деда и родителей. Все эти годы внук и сын бережно ухаживал за могилами и березкой, которая за четверть века превратилась в мощное дерево. Ее в деревне видел каждый. Ее издали видели и те, кто забредал в эти края за грибами или ягодами.

Солнце встало в свой зенит. Вот и знакомый ориентир. Иванов сразу же увидел знакомую березку, слабый ветерок слегка шевелил ее листву. Он невольно ускорил шаг, радуясь родному солнцу и родной березке. И вдруг у него екнуло сердце. Он стремительно выбежал на шоссе, споткнулся и упал. Затем снова встал и снова побежал. Вот и окраина кладбища. Он не верил своим глазам... Дорогой его сердцу и душе могилы деда не было. Вместо нее была ровная полоска земли, от недавно прошедшего бульдозера.

Он сразу же представил картину происшедшего. Тракторист, понимая безнаказанность своих проступков в глухой деревушке, не стал объезжать большой околок, за которым шла проселочная дорога, а поехал напрямую, через кладбище. Могила, находящаяся на окраине кладбища, попала под бульдозер. Владимир не верил, что это мог сделать человек, пусть даже пьяный. Надругаться над прахом умершего, по его твердому убеждению, мог только подонок. К его счастью, могилы родителей не были повреждены, скорее всего, их спасла береза. Он упал на колени и заплакал навзрыд. Затем начал сгребать руками свежеразрытую землю к центру, стоявшей когда-то оградки. Она искореженная валялась недалеко от березы. Он не помнил, сколько времени затратил на сооружение земляного надгробия. Через некоторое время он окончательно решил уйти в иной мир и принялся рыть для себя яму. Слезы застилали его глаза.

Несмотря на то, что его руки были в глубоких ссадинах, кое-где кровоточили, он продолжал с рвением и особым прилежанием делать свое дело. Однако в его душе начали скрестить кошки. Близость ухода в потусторонний мир настоятельно требовала от него отпущения за поруганную память деда, кощунство над его могилой.

Деревня все больше и больше окуналась в темноту. Иванов тем временем сидел возле своего «склепа» и терялся в догадках, кто мог надругаться над могилой его деда. Его земляки на дикую выходку пойти не могли. Они уважали его деда и его родителей. Оставалось одно - это могли сделать приезжие или те, кто строил неизвестно что на развалинах маслозавода. Чувство мести переполняло его душу. На какой-то момент он превратился в молодого и сильного хищника, жаждущего крови...

Предчувствие мужчины не обмануло. Он незаметно подошел к деревянной будке, стоявшей неподалеку от кирпичных развалин. Сквозь зашторенные окна и переплеты железных прутьев он четко различал силуэты сидящих. Он пристально посмотрел по сторонам и обрадовался. Позади будки стоял бульдозер. Он слегка наклонился и почти на корточках подошел к трактору с землеройной машиной. С облегчением вздохнул, водителя не было. Затем внимательно оглядел технику и заскрипел зубами. Остатки свежей земли вперемежку с травой, а также поломанная штакетина из кладбищенского ограждения лежали на дне ковша. План у мстителя созрел мгновенно. Он взял из-под сидения в кабине гаечный ключ и ведро. Затем выкрутил сливную трубку топливного бака. Наполнив сосуд цилиндрической формы соляркой, осторожно подошел к будке, притаился. Все было спокойно. Пир в будке продолжался. Думать о проделках пьяных у него не было времени. Он быстро и бесшумно накинул замок, висевший на гвозде рядом, в прощину щеколды и хотел его защелкнуть. Не получилось. Затем он быстро взял ведро и плеснул жидкость на дверь и углы дощатого домика. После этого зажег спичку и поднес ее к двери. Огонь медленно, но очень уверенно стал расползаться...

Через две-три минуты Иванов уже был на кладбище возле могил дорогих ему людей. Его не пугали отблески разгорающегося домика. Ему также были безразличны вопли и призывы о помощи мечущихся людей. Для него они были подонки, они не имели право на жизнь.

Иванов сквозь слезы улыбнулся. Он рассчитался с теми, кто надругался над его дедом. В сей миг у него возникло желание по-человечески быть преданным земле. Порывшись в карманах, он достал пять американских долларов и положил купюру на горку только что вырытой земли. Затем положил на нее небольшой камень, чтобы не унесло ветром. Тяжело вздохнул и вновь улыбнулся. Он не сомневался, что утром или днем кто-либо из односельчан увидит яму и покойника. Затем купят на его деньги водку и выпьют за то, чтобы земля ему была пухом.

Недолго думая, мужчина вытащил из кармана брюк кнопочный нож, перекрестился и ... вдруг его кто-то окликнул. Он на какие-то доли секунды опешил, не мог понять, что с ним происходило. Он не допускал, что в этот момент, когда ночь уходила в свое небытие, а утро только начинало свой путь, кто-то мог быть на кладбище. В первый миг он не осознавал, чей это был голос: земной или небесный. Нет, нет, это была земная реальность. Свидетельством тому стал повторный окрик, его назвали по имени. Он неожиданно для себя стал осознавать, что он еще жив. Он уже четко слышал чужой голос. Голос был женским, даже в какой-то мере знакомый. Он быстро выскочил из ямы, прополз метров и притаился за могилой родителей. Мощная береза была надежным укрытием от посторонних глаз. Он слегка приподнялся и увидел женщину. Она, миновав калитку разломанной ограды, шла в направлении могилы его родителей. Женский голос раздался в очередной раз. И этот голос до боли в душе показался очень знакомым для того, кто притаился за деревом. Иванов невольно заставил работать свой мозг. Он, как своеобразный компьютер, отыскивал в своей памяти среди сотен, а может даже и тысяч имен и фамилий одну единственную, ту, которая появилась в предверии его смерти. Он приподнялся во весь рост и еле слышно произнес:

- Анна, Аннушка, скорее всего, это ты...

ГЛАВА 4. ДЕВОЧКА ИЗ ДЕТСТВА.

Да, это была она, Анна Майер, его землячка. Он навечно запомнил до мельчайших подробностей свое детство. И с этими фамилиями, именами, он прошел через всю свою

жизнь. Никто и ничто не вытравило из его памяти тех, с кем он прошел прекрасную страну Детство. В лучах восходящего солнца он уже четко видел ту, которая уверенно шла ему навстречу. Через некоторое время руки мужчины и женщины сомкнулись, они обнялись. Мужчина немного отошел в сторону и стал внимательно разглядывать свою бывшую одноклассницу. Симпатичная женщина улыбалась и делала то же самое. Подобное длилось недолго, но для Иванова этого было достаточно, чтобы «прокрутить» в своей голове молодые годы. Анна и в детстве была хороша собою. Особенно ему нравились ее глаза, они были большие, черные, как угольки. Прошло четверть века, как они расстались. От хрупкой фигурки школьницы не осталось и следа. Перед худощавым мужчиной с небольшими крапинками седых волос на голове стояла стройная женщина чуть выше среднего роста. Ей все было к лицу, и черные сапоги, которые плотно облегли икры ее ног и короткая черная юбка, и кофта ярко-синего цвета, за которой скрывались тугие женские груди. Он не стеснялся и продолжал любоваться той, которую так давно не видел. Он снова и снова глядел в глаза подруги детства и отрочества. Ее черные угольки светились и переливались в часы радости и веселья, и вспыхивали как искры, готовые сжечь всех тех, кто стоял им наперекор. В этом Иванов убедился еще в школьные годы. Свидетельством этому курьезный случай, он произошел во втором классе. Однажды Володя Иванов и его закадычный друг Санька Рыжов из третьего класса обчистили сад у директора маслозавода. Украли два десятка яблок. Неприятное дело стало достоянием школьной общественности. Последовали разборки. Сначала состоялось собрание звездочки, затем классное. И там, и здесь тон в осуждении проступка задавала Анна. Очень бойкая девочка с маленькими кудрявыми, как смоль, волосами тараторила как из пулемета. Иногда она поворачивала свою голову в сторону директора школы или классного руководителя. Те одобритительно кивали ей головами, что вызывало у нее новый поток обличений в адрес главного вора яблок и неизвестных никому его пособников. Ее большие черные глаза были готовы протаранить сотоварища по парте. Период идейной очистки прошел где-то через пару недель. Все стало на свои места. Иванов продолжал учиться, и как всегда, его ставили в пример другим за усердие в учебе и примерное поведение. Коллег по «сбору» яблок, он не назвал, не стал ябедой.

Шли годы. Володя Иванов не держал обиды на девушку, которую он тогда по-детски любил, любил по-своему, не как все.

Только перед самым выпуском контакты между ними стали более тесными. Причиной этому стал бильярд, купил его и подарил школе директор совхоза за помощь при уборке картофеля. Иванов был чемпионом по бильярду в школе. Не выигрывал у него и учитель физкультуры, единственный мужчина среди педагогов. Любители точного удара, среди них была и Анна, довольно часто после занятий задерживались. Она была по-своему счастлива в этой игре. Ее глаза блестели, когда она забивала шар, ее лицо и шея становились розовыми, если она промахивалась кием по шару или проигрывала. Чемпиону иногда хотелось девушке специально проиграть. Однако этого он не делал. Скорее всего, это была еще детская, а может, уже и юношеская гордость, а может, что-то другое.

Перед самым выпуском Иванов пару раз проводил Анну до ее дома. У него была возможность это сделать куда больше, но он стеснялся. В те времена это в деревне не было принято. Побаивался он и родителей девушки, немцев по национальности. На выпускном вечере Анна дважды пригласила его на танец. Он до сих пор ощущал нежность ее руки...

Через много лет они опять встретились. И они этим были счастливы. Незаметно для себя они покинули кладбище, и присели на спиленные березы, которые были навалены у совхозной пилорамы. Иванов мгновенно заметил перемены в поведении своей ровесницы. Она уже не тараторила, как в школьные годы. Ее речь была ровной и серьезной. Препными были только ее глаза. Они светились и искрились тогда, когда она рассказывала что-то веселое из своей жизни, и наполнялись грустью, когда шел разговор о тяжелом пережитом. После восьмилетки Анна Майер закончила педучилище, затем поступила пединститут. По распределению попала в Омск, где в одной из средних школ до сих пор преподавала немецкий и русский языки. К удивлению Иванова, она была еще не замужем. в средней школе. К его удивлению, Анна оказалась не замужем. Он даже не мог представить, что такая красивая женщина была еще одинокой.

В родную Чапаевку она приехала, чтобы побывать на кладбище, почтить память отца и брата. Из глаз Анны выступили слезы. В их смерти она винила только себя. Они были у нее на дне рождения. Затем поехали домой. Трактор за ними не приехал. Мужчины пошли пешком. Внезапно разыгралась метель. Они заблудились. Нашли их только через неделю, уже мертвыми. Из близких родственников у нее осталась мать и сестра. Они жили на Дальнем Востоке. Она высылала им деньги, хотела хоть в какой-то мере скрасить их тяжелое финансовое положение.

В эту ночь Анне не спалось. Едва начали исчезать ночные сумерки, она пошла по улице, проходящей возле кладбища, и заметила мужчину. Она часто бывала на кладбище и прекрасно ориентировалась в темноте, знала где и кто из односельчан похоронен. Тем более, место захоронения родителей Иванова «выдавала» большая, ветвистая береза. Несмотря на его длительное отсутствие, кое-что из его жизни доходило и до Анны. За разговорами бывшие одноклассники не заметили, как быстро пролетало время. Крохотная деревушка уже проснулась, прошло несколько животных по шоссе, пролегающей по середине расположенных друг против друга домов. Кое-где залаяли собаки, завизжали свиньи. В конце разговора Анна пригласила Владимира к себе в гости. Она знала, что родственников в Чапаевке у него нет. Он охотно согласился.

Дальняя родственница, у которой Анна нашла временное пристанище, Иванова узнала и тепло с ним поздоровалась. Затем гости позавтракали и вышли из дома, присев на скамейку возле палисадника. Они опять разговорились. Вскоре они увидели женщину, идущую по дороге, она направлялась к ним. Она, еще не дойдя до парочки, запричитала: - Люди добрые! Я новость большую несу... Сегодня ночью кто-то поджег стоянку новых русских... Один из них обгорел и лежит в больнице... – Затем, осенив себя крестом, еле слышно пробурчала. – Так и нам этим гадам...

Анна довольно спокойно приняла сообщение односельчанки. По ее словам, в Омске такие разборки происходили каждый день, люди к этому уже привыкли. Владимир на новость незнакомки не прореагировал, он промолчал.

Рассказал о себе Анне и Владимир Иванов. Его монолог был очень коротким и представлял собою набор предложений из разных периодов из его далеко нелегкой

жизни. Собеседница вопросов ему не задавала, она молчала и внимательно его слушала. Иногда она улыбалась. Улыбнулась она и тогда, когда узнала, что он не имел крыши над головой. Мало того. Она протянула мужчине руку для рукопожатия, затем привстала со скамейки и поцеловала его в щеку. Именно в этот момент, через столько лет разлуки, девочка с черными глазами, и мальчишка, посягнувший на чужие яблоки, поняли необходимость друг в друге в этой сложной жизни.

В Омск бывшие одноклассники поехали электричкой. Через два часа они уже были в городе. Анна жила на его окраине в девятиэтажном доме. Ее однокомнатная квартира с балконом была небольшая, но очень уютная. Чувствовалось «творчество» хозяйки. Владимир, согласовав с ней перечень необходимых продуктов, пошел в дежурный магазин. Кроме продуктов он купил бутылку коньяка и бутылку шампанского. Вечером, когда сумерки опустились на землю, хозяйка и ее неожиданный гость сели за стол.

Первый тост они подняли за встречу, для каждого из них она была приятной неожиданностью. Шампанское слегка подрумянило щеки Анны, черные глаза ее неистово заблестели, чувствовалось, что встрече с мужчиной из своего детства она была очень рада. После бокала шампанского она, как когда-то в детстве, стала тараторить. Она то гордилась своими учениками, то ругала мужиков за пьянку, то осуждала местных правителей. Неизвестно еще сколько времени могла болтать хозяйка, если бы ее разговор не прервал гость. Он встал из-за стола, открыл холодильник и достал бутылку «Русской», она стояла по словам хозяйки уже около года. Водку она берегла для гостей. Их то не было, а если кто-то и приходил, то приносил свою. Затем он достал из шкафа два граненых стакана и наполнил их до самого верха. Затем предложил тост за любовь. Анна сначала слегка опешила. Для нее было неожиданным такое действие от некогда тихого и стеснительного мальчишка. Несмотря на это, его тост она поддержала. Иванов, слегка полузакрыв глаза, поднес к губам стакан с прозрачной жидкостью и стал ее жадно пить. Он никогда в своей жизни еще стаканами не пил. Сейчас же он об этом нисколько не сожалел. Он только сейчас понял, что эта женщина с черными глазами вернула его к жизни. И эта женщина обязана стать его любовью, подругой на всю жизнь.

Открыв глаза и поставив стакан на стол, он с мальчишеским озорством посмотрел в сторону Анны. К его удивлению, ее стакан также был пустым. Она громко смеялась и показала рукой то на свой стакан, то на стакан гостя. Иванов несколько мгновений любовался женщиной, девочкой из своего детства. Затем он стремительно подошел к ней, сильно стиснул ее в объятиях и поцеловал ее в губы. Анна не сопротивлялась. Она не кривила душой. Этого поцелуя она ждала многие годы... Проснулись они поздно утром, они оба были уставшими и счастливыми от любви. Взаимная любовь дала мужчине и женщине, уже далеко не мальчику и далеко не девочке, новый импульс к жизни, которая с каждым часом тяжелела.

Они не верили в «прелести» нарастающего капитализма. Они знали, что власти, как в прошлом, так и в будущем ничего хорошего для людей труда не делали и не сделают. Борьба за выживание толкали Иванова к поиску работы. Его хождения положительного результата не давали. Подавляющее большинство предприятий работало не в полную нагрузку, многие вообще стояли закрытыми.

Наступил август, последний месяц школьных каникул. Анна, как истинный патриот своего дела, не выдерживала и посещала школу, где, как и по всей стране, шли приготовления к новому учебному году. Однажды она пришла из школы и сообщила Владимиру приятную новость в отношении его будущей работы в ее же школе. Для него это было неожиданностью. По ее словам, в школе работала семейная пара, муж и жена, немцы по национальности. Они получили вызов из Германии на постоянное место жительства и написали заявление об увольнении. Мужчина работал учителем физкультуры. На следующий день состоялось короткое собеседование с директором школы. На работу Иванова приняли без всяких проволочек.

Потекли рабочие будни школьной жизни. Совместная жизнь и работа давала силы для многого. Относительно молодые люди использовали свое свободное время разумно и рационально. Они посетили почти все исторические места города, частенько бывали в кинотеатрах, ходили на лыжах. Появились у них и знакомые. Первыми из них для Иванова стали соседи. Поводом для близкого знакомства послужила телевизионная передача, в которой один из «знахарей» демократической России «лечил» телезрителей

от всех болезней и «заряжал» им воду с целью исцеления. Иван Петрович, так звали соседа, в это время стоял на балконе, и как Владимир, загорал на солнцепеке. То ли из-за интереса, то ли с целью знакомства Сидоров пригласил своего нового соседа посмотреть, как он лечился целебной водой. Владимир от приглашения не отказался. К его удивлению, попасть в соседскую квартиру оказалось довольно сложно. Он преодолел заслон из двух металлических дверей. Уловив его удивленный взгляд, Иван Петрович неспеша изложил причину своих «секретов». Два года назад он пошел на заслуженный отдых. Профсоюзный комитет завода подарил новоиспеченному пенсионеру цветной телевизор импортного производства. Сидоровым подарок пришелся на радость. За всю жизнь они не имели такого телевизионного приемника. Радость была короткой. В один из воскресных дней сын пригласил их к себе на дачу, на пикник. Отдохнули хорошо, все было: и шашлык, и пиво, даже импортное мороженое. Под вечер старики приехали домой. Вошли в квартиру и обомлели... цветного телевизора нет. Осмотрели дверь, она на месте, не выбита, замок также цел... Николай, шеф малого предприятия, оно изготавливало металлические двери, свою ошибку исправил очень быстро. Для родителей он сделал запоры на совесть.

Секрет «лечения» целебной водой для гостя оказался неожиданным и смешным. На большом круглом столе перед телевизором стояло около десятка литровых банок с самогонном. Иванов не удержался и засмеялся. Он невольно подумал, до чего же русский народ богат на выдумки. Из мошенничества «знахарей» простой люд умудрялся делать «выгоду». Первую рюмку первача соседи подняли за знакомство, вторую - за двери.

Навещали Анну и Владимира и те, с которыми они работали. В основном, это были подруги Анны. За столом, как обычно, речь вели о работе, о том, что творилось в стране и кто в этом виноват. Были среди гостей и российские немцы. В разговорах все актуальней становились вопросы выезда в ФРГ. Иванов не раз был свидетелем проводов на вокзале тех, кто уезжал на историческую родину своих предков. На происходившее жители области и страны реагировали по-разному. Одни приветствовали выезд немцев, другие давали нелюбезные оценки.

Наступил учебный год. Для Анны и Владимира его начало стало очередной жизненной драмой. Школу закрыли, причиной этому было ее ветхое состояние. У города не было денег для ее ремонта, не говоря уже о строительстве новой. Учеников перевели в другие учебно-воспитательные учреждения. Часть учителей осталась без работы. Иванов бросился на поиски хоть како-либо приработка. Не получалось.

К счастью, проблема денег, точнее работы была вскоре решена. И в этом ему помог сосед Иван Петрович. Заметив, что учителя почему-то днем сидят дома, он зашел к ним и поинтересовался в чем дело. Узнав причину их безделья, обещал помочь. Через два дня он вместе с соседом поехал к своему сыну Николаю. Малое предприятие Сидорова младшего находилось на заводе, где раньше производили сельскохозяйственную технику. Сейчас предприятие стояло. Николай брал в аренду цех, где его бригада изготовляла двери для квартир. За аренду помещения он платил непосредственно директору, платил чистоганом. На этом все премудрости экономики заканчивались.

Первую неделю на новом поприще Владимир переносил с большим трудом. Вставал он очень рано, домой приходил поздно вечером. От тяжелых физических нагрузок болела спина, ныли руки и ноги. Анна, все это видя, тяжело переживала, просила его найти более легкий труд. Иванов не сдавался. В правильности своего решения он убедился уже через неделю, когда получил первую зарплату. Она превышала месячную зарплату некогда двух педагогов. Они оба были довольны. Еще через неделю нашлась работа и Анне, она стала диспетчером на фирме. Клиенты, прочитав информацию о дверях, звонили на ее домашний телефон, она затем передавала заказы директору. Иванов с каждым днем в освоении новой профессии преуспевал. Он уже свободно резал металл и сваривал металлические заготовки, самостоятельно вставлял двери в проемы «хрущевок» и других сооружений, воздвигнутых вождями партноменклатурного социализма.

ГЛАВА 5. КРАХ ЛЮБВИ И НОВЫЕ НАДЕЖДЫ?

Прошел год. Обитатели однокомнатной квартиры все больше и больше понимали друг друга. Никто из них не отрицал, что их совместное пребывание не только поднимало жизненный тонус, но и их сближало. Владимир не отрицал, что его напарница стала для него настоящим другом и женой. Нередко он задавал себе вопрос, почему они до сих пор не зарегистрированы. И тут же сам же себе отвечал. Бумажка с печатью не всегда приносила людям счастье. С этими мыслями он подходил к женщине и крепко целовал ее в губы. Анна отвечала ему таким же поцелуем и, как правило, широко улыбалась. Люди, живущие в гражданском браке, понимали, что человеческое счастье невозможно построить без улыбки, без любви. Они делали все возможное до сохранения своих чувств.

Наступила осень. Лучи сентябрьского солнца уже бегали по квартире, когда влюбленные проснулись. Владимир, он всегда это делал, выбежал на лестничную клетку, где размещались почтовые ящики. Много газет и журналов он не выписывал, как было в коммунистические времена, кроме одной областной. В «Омской правде» были местные новости, и главное – телевизионная программа. Кроме газеты в почтовом ящике оказалось письмо, адресованное Анне. Она сначала неслыханно обрадовалась письму от своей старшей сестры. Однако по мере его прочтения слезы ручьем катились из ее глаз, хотя ничего страшного в нем не было. Полина сообщала, она в декабре уезжает на постоянное место жительства в Германию. Мать раньше не хотела ехать в эту страну, не изменила она своего решения и после того, как ее дочь получила вызов. Сестра просила Анну приехать и забрать мать к себе, или в лучшем случае, остаться жить с нею. Она предлагала ей свою небольшую квартиру в районном центре, где она жила. Письмо в один миг разрушило все планы относительно молодых людей. На следующий день они отписали, что Анна согласна приехать и поухаживать за больной матерью. Через две недели к ним пришла телеграмма. Полина ждала сестру в начале декабря.

Время до отъезда Анны для влюбленных сверстников было очень тяжелым. Каждый из них, срывая очередной листок календаря, чувствовал в своем сердце что-то очень тревожное, которое не давало им жить так, как они жили раньше. Анна за это время сильно постарела, осунулась. На ее челке черных волос появилось несколько седых.

Владимир приходил с работы уставшим, но несмотря на это, он делал все возможное, чтобы хоть как-то отвлечь любимую женщину от тяжелых мыслей. Они вместе ходили в магазины, вместе смотрели телевизор или читали книги.

К сожалению, Иванов вынужден был задерживаться на работе. Он прекрасно понимал, что для отъезда Анны нужны были деньги, притом большие. Иногда он приходил очень поздно и садился кушать. Он не мог ни замечать пристальных взглядов любимой женщины, она сидела за столом напротив него и о чем-то думала. Он слегка улыбался, старался угадать ее мысли. Когда он говорил ей об этом, Анна сначала смеялась, затем плакала. Мужчина вставал из-за стола, брал любимую на руки и нес ее в постель. Потом ее очень медленно раздевал и осыпал поцелуями каждую частицу ее тела. Любви они отдавались до изнеможения...

Наступил день разлуки. Никто из влюбленных не мог повернуть ход времени вспять или хоть чуть-чуть отодвинуть этот день. Прощались они в аэропорту. Прощались молча, так как уже все было переговорено и обговорено. Слез не было, оба думали о скорой встрече. Они надеялись, что мать Анны согласится на переезд в Сибирь, в крайнем случае через некоторое время Владимир сам приедет к ним. На какое-то время губы и руки мужчины и женщины жадно сомкнулись, затем вновь разомкнулись. Каждый из них унес с собой частицу тепла губ и рук друг друга. Самолет взлетел и взял курс на восток. Иванов еще долго махал ему вслед, надеясь на то, что и любимая женщина его видит и также машет ему рукой.

Отъезд Анны во многом изменил жизнь одинокого мужчины. Он весь отдавался работе, прихватывал иногда и выходные. Заказы у жителей для «железной» фирмы были. Причиной этому был вал преступности, который в прямом смысле захлестнул страну и город. В свободное от работы время Иванов заходил к соседу, он вместо Анны принимал заказы клиентов. Мужчины для сугрева принимали пару рюмок первача, затем приступали к обсуждению жизненных проблем. Иван Петрович был для него, как отец. Чем чаще он навещался к соседям, тем больше радости он приносил старику и его старухе. Она с удовольствием накрывала стол для желанного гостя, затем ставила для мужчин бутылку первача, Нередко выпивала и сама, для общей компании. Сидоровы

были уже в курсе житейских проблем своего соседа. Они, как и он, ждали письма от Анны, его все не было. Прошла неделя, вторая... Прошел месяц, наступил другой... Писем все не было. Иванов стал строить различные домыслы, иногда довольно трагичные. Он стал действовать. Один раз в неделю он ходил на почту и отбивал телеграммы. От Анны опять ничего не было. Он пару раз заказал переговоры. Абонент не пришел. Не было ответа и на его письма. Письмо от Анны пришло накануне Дня Советской Армии. Оно было объемное, около половины школьной тетради. Его содержание получателя убило. Анна писала о сложных отношениях с матерью. Старая, парализованная женщина была категорически против ее брака с русским, то есть с Владимиром. Узнав о том, что ее дочь жила с мужчиной, с которым не состояла в законном браке, она чуть было не покончила с собой. Из письма он также узнал, что мать Анны очень набожная женщина. Она почти каждый день возила ее на инвалидной коляске в церковь. Написала она и своих бытовых проблемах. В их квартире нет угля, от сырости они часто болеют. Она прописала и о том, что она разрешает Владимиру жить в ее квартире. Денег или какой-либо помощи от него не просила. В конце письма была короткая приписка. Анна просила его, чтобы он ей больше никогда не писал и забыл. Его письма и телеграммы подрывали нервную систему ее матери. В письме также было и фото Анны. Владимир с улыбкой вспомнил историю этой фотографии, перед отъездом они вместе снимались в фотосалоне. Вторую часть с его изображением, скорее всего, она оставила себе на память. Фото в какой-то степени давало мужчине надежду на встречу с любимой женщиной. Когда это произойдет – через месяц, год или десятилетие – он еще не знал.

После непонятного и тревожного письма с Дальнего Востока прошло ровно полгода. Боль в сердце Иванова потихоньку затихла. Писем он Анне больше не писал, телеграмм также не посылал. Деньги, несмотря на запрет, отсылал на ее адрес каждый месяц в один и тот же день. Он прекрасно понимал бедственное положение женщин. На работе дела у Иванова пошли лучше, его назначили бригадиром, повысилась и его зарплата. Он каждый день и ночь жил воспоминаниями об Анне, надеялся на скорую встречу с ней. Прошло еще полгода. Он все продолжал жить одиночкой. Работа, дом и

посещение соседской квартиры по сути дела составляли основу его жизни. Он сам себе готовил, сам стирал и убирал в квартире.

Во время очередного визита к Ивану Петровичу, он не мог ни заметить особую обходительность и вежливость старика. То ли настроение у него было прекрасное, то ли он хотел показать свое красноречие и культуру для своей бабки и женщины, сидящей на диване. Сосед впервые видел эту женщину. В этот вечер, как бы невзначай, когда двое мужчин и две женщины сидели за столом и обсуждали повседневные проблемы, он пристальным взглядом окинул незнакомку. Он не кривил душой, она была симпатичной, даже очень. Короткие белые волосы, слегка переливаясь под лучами электрического света, шли, как нельзя лучше, к ее полуовальному лицу. Нос у нее был прямой, немного вздернутый кверху. Глаза у блондинки были не то голубые, не то цвета морской волны. Шея была тонкой и привлекательной. Под ее белой блузкой скрывались небольшие тугие груди. На какие-то секунды у Владимира появилось желание овладеть этой женщиной, дать простор своим чувствам и страстям. Но это был лишь короткий порыв, не более. Образ любимой Анны, ее черные глаза закрывали от него все. Они, словно за ним наблюдали и смеялись, порою с укором и грустью смотрели на мужчину, который все больше и больше уставал от одиночества.

Света, так звали незнакомку, на вид которой было лет 35-38, не больше, скорее всего, почувствовала пристальный взгляд средних лет мужчины. Ее лицо неожиданно стало розовым, нос покрылся капельками пота. Однако это была ее сиюминутная слабость, и это, наверное, она сама поняла, а может, просто хотела показать незнакомому мужчине свое равнодушие к нему. Подумав об этом, она специально выдвинула свою правую руку несколько вперед, обручального кольца на ней не было.

Отведав пельменей хозяйки, она готовила их по-своему рецепту, и пропустив по парочке рюмок первача, мужчины вышли на балкон перекурить. На улице было морозно, на покрытую снегом землю падали небольшие хлопья снега. Иванов не курил, просто иногда для компании брался за сигарету. Сделал он это и сейчас. Сосед после обсуждения погоды совсем неожиданно начал разговор о незнакомке, которая была у них в гостях. Затем он поинтересовался у Владимира, нравится ли ему эта женщина. Тот, то

ли не подумав, то ли не желая обидеть старика, а может, и не покривив душой, утвердительно кивнул головой. Симонов, скорее всего, только этого и ждал. После кивка любимого соседа он тотчас же раскрыл свои карты. Светлана была его близкой родственницей. По его словам, не сложилась жизнь у этой красивой женщины. Ее бывший муж работал сталеваром на металлургическом комбинате, получал хорошие деньги. Казалось бы, жить да жить, но его погубила водка, позднее появились и женщины. Визит к одной из них для ловеласа закончился трагически. Однажды он напился в стельку и заночевал. Нежданно-негаданно вернулся из командировки муж женщины. Зайдя в собственную квартиру, он увидел удручающую картину. В его постели с его законной женой мирно посапывал другой мужчина. Муж проститутки, по словам Ивана Петровича, больших академий не кончал, он сделал все просто. Он пошел на кухню и принес большой кухонный нож, затем со всей силой ткнул им в сердце спящему, тот даже глаза не открыл. До Светы доходила информация о проделках ее мужа. Сначала она этому не верила. Несколько позже со всем этим свыклась. Все надеялась сохранить семью, не хотела, чтобы единственная дочь росла без отца. Ради ребенка она терпеливо переносила побои мужа и все его унижения. Затем для нее наступило одиночество, тяжелое и беспросветное. Вдвойне тяжелее одиночество для красивой женщины. Она часто ловила на себе косые взгляды мужчин, работающих с ней в одном цехе. В ее душе мало кто оставался. Большинство из них не просыхало от водки. Только через пару лет у нее появился роман с женщиной, да и то очень короткий. Познакомилась она с ним в книжном магазине, она выбирала толковую книгу по математике для своей дочери. Неожиданным советчиком в ее выборе стал преподаватель института. Познакомились, стали встречаться. Арсений, так звали молодого преподавателя, уже шестой год работал над кандидатской диссертацией. Математика была у него в голове везде и всегда. Математиком он остался и в постели.

Слушая монолог соседа довольно печального содержания, Иванов удивлялся его знанию подробностей из жизни Светы. Скорее всего, ее душа истосковалась, наболевшее стало достоянием близких ей людей. Думая о судьбе одинокой женщины, он прекрасно понимал ее состояние. Таких, как она, на грешной земле тысячи, а то и миллионы. Между

тем, старик закончив монолог, на некоторое время замолк. Затем он почему-то заспешил в зал, где за столом сидели женщины. Владимир, наблюдавший через окно, увидел как Иван Петрович что-то шептал на ухо своей жене. Затем он взял небольшую банку с солеными огурцами и две рюмки с самогоном и вновь вышел на балкон. Очередная порция спиртного для Иванова была как раз кстати. Запах сигареты, да и смачное курение соседа оставило у него неприятный осадок во рту, хотелось каким-то образом все это «смыть». Симонов после стопки неестественно крякнул и вздохнул. Затем он стал говорить. Информация о том, что Анна и ее мать уехали в Германию, просто шокировала Владимира. Зная непредсказуемые последствия этой информации для соседа, Иван Петрович сиюминутно сослался на ее источник. Оказалось, что сестра его хорошей знакомой, живет там же, где и Майеры. Мало того. Она работала вместе с Полиной, сестрой Анны. Услышав это, Иванов сильно сжал зубы и с презрением посмотрел на информатора. В его голове не укладывалось, почему он все это время молчал. В его голове стали витать всевозможные домыслы и догадки. Иван Петрович, понимая душевное состояние соседа, сам напросился на то, чтобы утром вместе с ним сходить к знакомой и все расставить на свои места. Разговор мужчин прервала хозяйка, она позвала их в очередной раз отведать горячих пельменей...

Страшную для себя новость Иванов решил на время оставить в глубине своей души. В принципе, он всю жизнь так делал. Он любил с толком и расстановкой анализировать любые вопросы и проблемы, искал пути их лучшего разрешения. Несмотря на то, что сегодняшняя новость была, пожалуй, самая страшная в его жизни, он все же нашел в себе силы «упрятать» ее подальше. Он не хотел своим мрачным видом портить настроение прекрасным соседям, да и красивой блондинке. Сквозь пелену то появляющегося, то уходящего от него алкогольного опьянения, он старался поддерживать разговор сидящих и одновременно продолжал наблюдать за происходящим. Он все больше и больше рассматривал очаровательную родственницу пожилых соседей. Взгляды стройного мужчины с небольшими полосками седых волос на голове и блондинки нередко перекрещивались. Даже на несколько мгновений становились единым целым. Основания для этого уже были. Света нисколько не

сомневалась, что ее дядя рассказал симпатичному мужчине об ее достоинствах и проблемах. Спиртное также развязывало ей руки. У нее с каждой минутой росло желание поговорить с мужчиной из железной фирмы. Она поделилась с ним впечатлениями о новом фильме, который, затаив дыхание, смотрели миллионы советских телезрителей. Было в ее поведении и совсем другое, даже очень официальное. Она на какое-то время замолкала и становилась угрюмой. Однако алкоголь не давал ей это сделать. Ее голубые глаза все чаще и чаще стремились найти ответную реакцию у рядом сидящего мужчины.

Через некоторое время хозяева встали из-за стола и пошли отдыхать. Ушли они сознательно, дали возможность более молодым людям поговорить о своем наболевшем. У оставшихся, сначала разговора, как такового, не получилось. Вместо этого они смиренно сидели и смотрели друг на друга, словно играли в детскую игру под названием «кто кого пересмотрит». Мужчина прервал ее первым и предложил тост за знакомство, его предложение женщина поддержала. Они пригубили рюмки, скрестив руки. Слегка втягивая в себя дурманящую жидкость, каждый из них смотрел в глаза партнера и чувствовал его надрывное дыхание. Владимир поставил пустой сосуд на стол и тут же заключил в свои объятия Светлану. Затем ее поцеловал. Блондинка его не оттолкнула, она лишь слегка откинулась на спинку кресла. Затем он, опустившись на колени, стал осыпать поцелуями ее грудь, бедра, низ живота. Он целовал ее тело через одежду и не мог ни почувствовать ответную страсть женщины к себе. Это его радовало и разжигало его страсть...

Первой опомнилась женщина, она ласково шепнула мужчине на ушко, что они здесь не одни, и о том, что она не против провести ночь вместе в его квартире. Иванов ничего не ответил. Он быстро встал и тотчас же вышел вон. Придя домой, он разделся и принял ванну. Сидя в теплой водой, он почувствовал, что его «развозит». Он включил холодную воду и подставил голову под кран. Сколько времени он пробыл в ванной, он точно не знал. Ложаясь в постель, он посмотрел на будильник. Он показывал ровно два часа ночи. Проснулся он к обеду, его разбудил громкий звук. Открыв дверь, он увидел перед собой соседа, и сразу же вспомнил о необходимости визита к его знакомой. Лида, так звали знакомую Ивана Петровича, жила совсем рядом. Она без всяких уговоров и проблем

достала из шкафа около десятка писем от своей сестры, последнее из них она дала Иванову. Он не мог поверить в то, что в письме сообщалось. Надежда информировала о том, что она хорошо знала немцев Майер, в том числе и Анну, которая иногда получала денежные переводы из Сибири. Она также писала, что Анна с матерью подали документы на выезд в ФРГ. Владимир слегка дрожащими руками отдал письмо назад. Затем скрипнул зубами и на некоторое время закрыл глаза. Несколько успокоившись, он пришел к выводу о небезнадежности отношений с любимой немкой. Сосед его просто-напросто немного дезинформировал. Анна еще не уехала, а собиралась уезжать. Это в корне меняло существо проблемы. Насторожила его информация и о том, что Анна иногда, а не ежемесячно получала его денежные переводы. Письмо, исходя из указанной даты написания, Лида получила неделю назад. И это также вселило ему уверенность в возможность успеха. Владимир решил действовать. Он пошел на междугородний переговорный пункт и заказал переговоры с Анной. Затем, наспех перекусив, сел за стол. Написал ей письмо. Оно получилось объемное. Он написал о своей работе и о том, что он сильно скучает по любимой женщине. Также поинтересовался тем, почему она ему не пишет и не приходит на переговоры. Опустив письмо в почтовый ящик, он находился прямо в его дворе, у него невольно возникла мысль о необходимости написать еще несколько посланий. Он знал, в какой стране живет и как работает почта. Он просидел целую ночь напролет. Письма, на его взгляд, получались, по мере их увеличения, все более нежными. В одном из них он сочинил короткий стих, посвященный любимой женщине. Затем при свете настольной лампы он прочитал его «с толком, с расстановкой», как в далекие школьные годы читал стихи великих поэтов. К утру он выдал на-гора пять писем. В почтовый ящик опускал их через день. писем было написано. Владимир решил их не посылать одновременно, а по одному в день. К сожалению, контакт с Анной у него вновь не состоялся. Она не пришла на переговоры, ни через день, ни через неделю. Не получил он ответа на свое первое, второе, третье, четвертое... и двадцатое письмо. Желание поехать к ней на Дальний Восток он неоднократно в себе подавлял. Он не хотел травмировать свою любимую и ее больную мать.

Прошло полгода. Надежда на возможность дальнейшей жизни с любимой женщиной у Иванова угасала с каждым днем. Она вообще погасла, когда его сосед принес очередное письмо от своей знакомой. В нем черным по белому было написано, что Майеры уехали в Германию. О подробностях отъезда женщина ничего не сообщала. Эта весть убила Владимира наповал. Для осмысления происшедшего ему нужно было время, притом не один день. Он взял месячный отпуск. Два дня лежал в постели, все раздумывал. Итог пережитого был далеко неутешительный. Он опять на этой земле без надежды на будущее, без близкого ему человека. Прошла неделя. Отрешенность от внешнего мира, от людей негативно сказывалась на мужчине. Он начал пить, благо деньги были, да и сосед не прочь был составить ему компанию. Спиртное, как отечественного, да и импортного производства он не покупал. Боялся отравиться. Магазины были нашпигованы «левой» водкой, которая была далеко не лучшего качества, не говоря уже о ларьках. В народе эти заведения называли «комками». Владимир прибегал к услугам своего соседа. Иван Петрович изготавливал прекрасную «самогонку – коньяк». В производстве первача не обошлось и без его рекомендаций, которые он получил в свое время от бабки Моти в деревне. Сидоров сначала отказывался от денег за спиртное, однако потом уступил уговорам соседа. Он почти всегда составлял ему компанию в выпивках, хотел таким образом развеять его дурные и печальные мысли. Одновременно его сдерживал от того, чтобы тот не напился до чертиков. В основном это удавалось, но не всегда. Страдалец иногда так напивался, что не всегда определял время суток. Он все больше и больше сдавал. Не стал бриться, зарос щетиной. У него появилась борода, в которой преобладали седые волосы. Некогда ухоженное лицо осунулось, лоб покрылся сетью морщин. В шевелюре на голове, которая и раньше не была густой, кое-где стало просвечиваться, во многих местах появились островки седых волос. Владимир и сам прекрасно понимал, что он катился в бездну, из которой он может и не выбраться. Мысль об этом его очень страшила, доводила порою до безысходности. Он опять стал думать о бессмысленности своей жизни, о серии неудач, которые его преследовали и преследуют всю жизнь. Стремясь забыть все это, он пил. Пил с соседом, пил и без него. Алкоголь и сон стали его основным занятием.

Однако и на этот раз судьба распорядилась с Ивановым по-иному. Однажды проснувшись после очередной пьянки, он решил опохмелиться. Он подошел к холодильнику, где стояла бутылка «коньяка» и банка соленых огурцов. Едва он открыл дверцу и прикоснулся к бутылке, как его кто-то резко, но легко ударил по плечу. От неожиданности мужчина онемел и даже присел на пол. Сидел без движений, повернуться назад боялся. По его спине побежали мурашки, остатки вчерашнего застолья как рукой сняло. Его первой мыслью было то, что в его квартире оказались бандиты. Он молниеносно стал прокручивать в своей голове план отражения непрошенных визитеров, одновременно ожидая очередного, но уже тяжелого удара кулаком или какой-либо монтировкой. Но увы... удара все не было, как и не было окрика или русского мата. Владимир решил действовать смело и быстро. Вдруг раздался женский голос. Это был знакомый голос Светы, блондинки, которая была у соседней на вечеринке. Он обернулся и обомлел. Перед ним стояла, да, она, Светлана. Она была без трусиков, без лифчика, нагая. Бородач, сидя на полу, стал невольно ею любоваться, разглядывая ее снизу вверх. Он был без ума от ее стройных ног, ее бедер, ее живота. Женщина ловила искрящимися голубыми глазами восхищенный взгляд сидевшего и заигрывала с ним. Ее взъерошенные короткие белые волосы придавали ей вид озорной, молодой студентки, даже старшеклассницы. От нее тянуло молодостью, женственностью и духами. Вполне возможно, запах духов непрошеной гостьи был острее и приятнее, но Иванов все это не мог правильно оценить. Из его рта несло сильным перегаром, что было следствием недельной пьянки. Он сейчас это прекрасно понимал и стыдился своего внешнего вида. При виде красивой нагой женщины у него что-то внезапно застучало в голове, какая-то неведомая сила заставила его молниеносно встать и приблизиться к ней. Но увы... не тут-то было. Светлана отпрыгнула от него как молодая козочка и, забежав в ванную комнату, закрыла за собой дверь. Через минуту-две зажурчала вода и потом раздался ее тоненький голосок:

- Владимир, мне сейчас нужен тот мужчина, которого я видела на вечеринке у Ивана Петровича. Он был мне очень приятен и хорош собою...

Бородач вновь присел на пол. Затем заскрипел зубами. Не с этого он хотел начинать более близкое знакомство с родственницей соседа. Через некоторое время Светлана вышла из ванной комнаты. Она была и на этот раз абсолютно голая. Играя своими крутыми бедрами, она прошла мимо изумленного хозяина и легла на диван. Хозяин только сейчас заметил, что его мягкая мебель была застелена чистой белой простыней.

До нужной «кондиции» Владимир доводил себя довольно долго. Он сначала почистил зубы и побрился. Затем принял ванну, переоделся. Потом он направился в парикмахерскую, очереди там не было. Высокие цены за обслуживание значительно сократили потоки клиентов. Он давно заметил, что в Омске число заросших и бородатых мужчин с каждым днем возрастало. Потом он забежал в гастроном, купил бутылку шампанского, колбасы, торт и мороженое. Идя по улицам города и дыша прохладой летнего дня, он на какое-то время забыл об Анне, думал о той, которая набрав смелости, пришла к нему. Пришла не только как одинокая женщина, а как человек, питающий надежду на лучшее совместное будущее. При этой мысли ему стало обидно за Светлану, он стал корить себя за ту ночь, когда она ждала его, а он, как последний подонок, заснул.

Светлана за время отсутствия хозяина навела порядок в его квартире, накрыла на стол. Разносола не было. На столе было все то, что было в холодильнике. И поэтому она очень обрадовалась, когда Владимир вытащил из целлофанового мешка купленное. Не мог не заметить он и то, что его постель была аккуратно застелена чистой белой простыней, заменены были и наволочки на его подушках. Постельные принадлежности в шифоньере имелись. Мужчина в последнее время их очень редко менял. До стирки у него руки не доходили.

За стол сели только к полудню. Светлана вела себя в квартире как полноправная хозяйка. У нее все и вся было приготовлено очень вкусно. Она предложила первый тост за хозяина. Взяв бокал с шампанским, она подошла к мужчине и поцеловала его в губы. Затем последовали другие тосты. Пили за Светлану, за любовь, за здоровье соседей. Потом они вышли на балкон, подышать свежим воздухом. Иванов через какое-то время зашел в комнату, включил приемник местного радиотранслятора. Вновь направился на балкон и внезапно остановился. Стал разглядывать женщину, наготу которой скрывал

лишь легкий дедероновый халатик. Светлана, то ли почувствовав взгляд мужчины, то ли услышав музыку, повернулась к окну и громко засмеялась. Затем она сняла халат и подошла к Владимиру. Поцеловав его в губы, стала кружить его в медленном танце. По заявке радиослушателей исполнялась популярная песня «Свадьба». Если кто-нибудь со стороны наблюдал за происходящим в небольшой комнате, то он бы, наверное, не мог понять причину слез двух людей – стройного, убеленного сединой мужчины и белокурой женщины. Танцуя под музыку песни, каждый из них думал о своем. Владимир думал о своей первой любви и девушке, так глупо погибшей, думал он и об Анне, которая жестоко его обманула. Похожие мысли, были и у Светланы. Из ее глаз катились слезы. Иванов то и дело слизывал слезы с лица женщины, и осыпал ее плечи и шею поцелуями. Танец продолжался недолго, так как концерт по заявкам закончился и стали передавать местные новости. На какое-то время тела танцующих сомкнулись, как и их губы... Мужчина, чувствуя жадную страсть и влечение женщины к себе, в какие-то доли секунды подобных ей одиночек жалел. Он невольно воспроизводил в своей памяти эпизоды из повседневной жизни, когда кое-кто из так называемого сильного пола хвалился тем, как он переспал с очередной женщиной. Иванов не слушал эти сплетни, он быстро покидал компанию или переводил разговор на другую тему.

Жизнь Светланы была довольно тяжелой, в основном она совпадала с тем, что рассказывал Владимиру Иван Петрович. Была и определенная доля дезинформации, а может, и сознательной лжи со стороны старика. Света не была ему родственницей, она была хорошей знакомой. Их знакомство произошло из-за детей. Дочь Светланы и внучка Сидорова учились в одном классе. Дед очень любил свою внучку и всегда интересовался ее учебой.

Поделилась блондинка и своими чувствами к Иванову. Он ей сразу понравился во время первого знакомства. Она все это время сожалела, что он не пригласил ее к себе в ту ночь. Она делала все возможное для очередной встречи. Она мимоходом узнала от Ивана Петровича номер его домашнего телефона и график его работы. Несколько раз ему звонила и сразу же ложилась трубку. Стеснялась, а то и просто стыдилась. После каждого несостоявшегося звонка страшно себя ненавидела. Затем вновь строила планы

для встречи. Хотела прийти к нему на квартиру или пригласить к себе. При этом тяжело вздыхала. Женским сердцем понимала, что он никогда не выбросит из своей головы и сердца образ любимой немки. Это не только понимала она, понимал и ее знакомый Иван Петрович. Узнав от него о трагической любви соседа, она по-человечески его очень жалела. Одновременно не сомневалась, что только она, и никто иной, может вернуть почти незнакомого мужчину к нормальной жизни.

Лежащие в постели громко хохотали, когда Светлана поведала об предыстории своего визита к Владимиру. Дело было вечером, в пятницу, после окончания рабочей недели. В ее квартире зазвонил телефон. Звонила дочь и сказала, что она с подружкой уезжает на выходные дни в деревню, к ее бабушке. Света этому очень обрадовалась. Она захотела к себе пригласить Владимира. Набрала номер телефона, трубку никто не брал. Она сделала еще три звонка, опять молчание. Время близилось к вечеру. Город все больше и больше опускался в ночную темноту. От внезапно появившегося плохого предчувствия у женщины заболела голова, тревожно стало и на душе. Она машинально одела спортивный костюм. В большую целлофановую сумку бросила халат, нижнее белье и вышла из дома. Входная дверь у Иванова оказалась не закрытой на ключ. Она осторожно вошла в квартиру, тот, кто не давал ей душевного покоя, лежал в постели. Лежал в одних трусах, без одеяла и так храпел, что ей казалось, что стены вот-вот обвалятся. Понимая, что хозяин в стельку пьян и бессмысленно его будить, она нашла в шифоньере простыню, постелила ее на диван и заснула...

Два выходных дня пролетели как два часа. Владимир и Светлана никуда не выходили, не реагировали ни на какие звонки. Они почти все время были во власти любви. Перед своим уходом Светлана не то с иронией, не то с горьким сожалением сообщила Владимиру, что ей неделю назад Арсений сделал предложение. Дела у математика пошли на поправку. Он защитился, организовал компьютерные курсы, неплохо зарабатывал. Он дал ей месяц на размышление. Сказав об этом, блондинка заплакала. Немного успокоившись, она как бы невзначай, сказала, что она безмерно была счастлива, проведя это время с Владимиром. Затем она сквозь слезы дала ему напутствие, которое его очень поразило. Она предлагала ему в отместку Анне жениться

на немке и уехать в Германию. Затем найти некогда любимую и с нею разобраться. Взяв карандаш, она прямо на столе написала два телефонных номера, свой и Арсения. После этого она засмеялась и сказала, что по первому телефону можно звонить без проблем, а по второму, надо еще подумать, как звонить. Владимир еще долго стоял на балконе и пристально всматривался в женщину, идущую к остановке общественного транспорта. Он знал, что она идет и плачет. Порою ему хотелось открыть окно и окликнуть ее, позвать ее к себе и оставить ее у себя навсегда. Однако он этого почему-то не делал...

Иванов очень тяжело переживал разлуку с поистине уникальной женщиной. Он лежал два дня в постели, и как беспомощный ребенок, был отрешен от внешнего мира. Только через неделю он стал более или менее соображать, стал думать о своем будущем. Идея Светланы ему понравилась. Да и он сам с каждым днем понимал, что он не в силах больше жить в этой стране. Тем более, Анна была уже в Германии. Он все больше гулял по городу и предавался размышлениям. Он испытывал в себе двоякое чувство: чувство потерянных лет, несбыточных надежд и чувство собственной слабости. В душе он проклинал свои попытки перестроить это общество, найти хоть какую-то правду в этой стране. Имея высшее образование и десятки лет честного и напряженного труда, он за все это время не заработал ни тачки, ни квартиры. Сейчас он завидовал однокурсникам по институту, коллегам по работе, большинство которых, лицемеря перед начальством, добились карьеры и получили жилье. Для склада же его ума и характера это было неприемлемо и противно. Одновременно он ненавидел себя за эти принципы, что привело его к нищете. Его бесило и то, что он практически всю жизнь жил и живет один, без той женщины, которая могла бы стать ему хорошей женой. На его пути уже было немало умных и красивых женщин. Он не кривил душой. От его эгоизма, принципиальности и честности многие из них страдали. Страдала от этого и Света. И в эти прогулки, как и раньше, какая-то неведомая сила заставляла его что-то доказывать Анне, искать пути выезда на ее историческую родину.

За день до выхода на работу Владимир решил по-настоящему заняться этим вопросом. Он сел в автобус и поехал в редакцию городской газеты. Отдел знакомств размещался на седьмом этаже. Лифт не работал, пришлось подниматься по лестнице. Вошедшего на

этаж, где размещалась редакция газеты, сразу удивило обилие кабинетов. Через открытую дверь отдела знакомств струился табачный дым. У мужчины от табака даже перехватило дыхание и запершило в горле. Он осторожно вошел в кабинет и увидел за большим столом трех ярко покрашенных женщин. Они были не только расфуфыренными, но и страшно толстыми. Казалось, что сигареты непомерно укрепляли их здоровье. Троица оказалась довольно разбитной компанией. Женщины без остановки сыпали комплименты в адрес своей службы. В итоге было написано объявление и уплачены деньги в кассу. Неделя прошла незаметно. На специальный код Иванова в редакцию пришло пять писем. Мало этого. Две женщины принесли небольшие записочки со своими координатами. Содержание писем и записок было однообразным. Каждая из немок писала, что она прекрасная хозяйка, симпатичная и отзывчивая женщина. Все в скором будущем намеревались уехать на постоянное место жительства в Германию.

Владимир начал круг знакомств с первого поступившего письма, начал в выходные дни. У первой особы не было домашнего телефона, поэтому ему пришлось порядочно поколесить по городу. Она проживала на окраине города. Улица композитора Балакирева мало кому была известна, из-за этого приходилось довольно часто наводить справки у прохожих. В итоге поездка, включавшая в себя несколько пересадок, заняла около двух часов. Дверь квартиры открыла довольно заспанная женщина. Она моментально произвела на вошедшего мужчину отталкивающее впечатление. Ее редкие рыжеватые волосы небрежно падали на ее крупные плечи. Возле ее далеко не короткого носа непоколебимо сидела большая бородавка. Да и ростом, как показалось Владимиру, она была значительно его выше. Уже не говоря об ее крупногабаритной фигуре. Познакомились. Из довольно примитивного набора предложений пришелец узнал довольно многое из жизни хозяйки. Ее рассказ сопровождался иногда вздохами, иногда и слезами. Исходя из ее информации, перед глазами Владимира открылась довольно примитивная картина жизни, характерная не только для этой немки, но и для многих советских женщин. Она в семнадцать лет вышла замуж за прапорщика. Знакомство с ним состоялось на вечеринке летом у подруги в деревне. Смесь самогонки и вина на какое-то помutilи ее сознание. Проснулась она утром в стогу сена, рядом с ней был военный.

Через некоторое время она поняла, что беременная. Рванулась к своему «любимому». Тайком от родителей в офицерском общежитии военного городка, который располагался в трех километрах от китайской границы, они сыграли незаметную свадьбу. Вскоре родилась дочь. Надя, так назвала себя хозяйка, очень тяжело переживала болезни своей малышки. Ей также надоедало однообразие армейской жизни, отсутствие какой-либо цивилизации. Около двух десятков семей офицеров и прапорщиков ютились в бараках, подобие солдатской казармы. На приготовление пищи иногда уходили часы, так как у единственной газовой плиты стояла вереница женщин и мужчин. Маленьких детей купали в той же комнате, где и проживали. Непокойствие на советско-китайской границе негативно сказывалось на образе жизни семей. Возле общественного туалета по ночам выставлялся вооруженный часовой, так как боялись нападения китайцев. Особенно трудно было зимой. Крепкие морозы и многочисленные поломки в системе отопления увеличивали количество простудных заболеваний, в первую очередь, среди детей и женщин. Кое-кто немка рассказала и о других негативах. Большинство офицеров и прапорщиков пьянствовали, что негативно сказывалось на жизни их жен. Кое-кто из них уезжал к родителям, были и те, кто вообще назад к мужьям не возвращался. В части процветало воровство, особенно среди начальников. Алексея, так звали мужа Надежды, через три месяца после рождения дочери направили на уборку урожая в Саратовскую область. Уже через месяц она узнала о том, что он во время «правительственного задания» пьянствовал и блядовал с молоденькой продавщицей деревенского магазина. Она быстро собрала свои скромные пожитки в небольшой чемодан и уехала в Сибирь. В настоящее время первая дочь стала взрослой, вышла замуж и живет самостоятельно. О своей второй дочери Надя рассказала почему-то очень туманно и как-то вскользь. Получалось, что она ее с кем-то «нагуляла» и поэтому разговор перевела на другую тему. Затем она пригласила гостя попить чая. Он вежливо отказался, сославшись на то, что он совсем недавно плотно покушал. Внезапно открылась дверь и в квартиру вошла женщина в военной форме, среднего роста, лет 30-35. Аккуратно пригнанная форма шла ей к лицу, и даже значительно ее молодила. Вошедшая поздоровалась, и окинув незнакомого мужчину взглядом, непонятно почему улыбнулась. Надя представила Владимира и

рассказала о цели его визита. Алена, так звали ее подругу, очень обрадовалась гостю и начала бойко рассказывать о том, как они вдвоем сочиняли ему письмо. Алена оказалась проворнее и нахрапистей хозяйки и без всяких обиняков попросила гостя бежать за выпивкой и закуской в магазин. Близлежащий магазин встретил его безрадостной пустотой. Несколько банок березового сока и пара десятков буханок хлеба, да длинный ряд бутылок водки вперемешку с женскими трусами, разположенных на одном прилавке, не радовали глаза и душу покупателей. Владимир купил две бутылки водки, килограмм столовой колбасы и буханку хлеба. В холодильнике хозяйки лежал небольшой кусочек сала и бутылка кефира. Уже после первой рюмки подруги пустились без всякого стеснения обсуждать жизнь военных. Через несколько минут одинокий мужчина узнал от Алены всю подноготную жизнь воинской части, в которой она служила. Она четко доложила ему о том, сколько любовниц имеет командир, что он жрет и что пьет. Да и сама она оказалась баба не промах. Заключив контракт с армией и занимая должность оператора-наводчика боевой машины пехоты, она без особого усердия тянула ляжку военного человека. Она иногда в части отсутствовала неделями и все это ей сходило с рук. Одновременно исправно получала деньги. На вопрос Владимира, как же ей такое удастся, она рассмеявшись сказала, что ей очень нравится командир батальона.

В самый разгар скромного пиршества пришла вторая, младшая дочь хозяйки. Девочка была бледная и болезненная. Она, буркнув что-то невнятное себе под нос, с криком набросилась на мать и стала настойчиво просить чего-нибудь покушать. Пришлось делиться тем, что было на столе. По утверждению ребенка, она в школе не питается, так как обеды в школе дорогие, ее неработающая мать не в состоянии их оплачивать. Девочка, наевшись колбасы и выпив чая, незаметно вышла на улицу. Надя, уже приняв значительную дозу спиртного, более охотнее стала рассказывать о своих проблемах. В первую очередь, о жилье. Оказалось, что квартиру в доме барачного типа ей выделил директор совхоза, при условии если она будет работать на ферме, расположенной в двух километрах от города. Если за дояркой при коммунистах приезжала машина или автобус, то при демократах-болтунах ей приходится очень рано утром вставать и идти пешком. Транспорт совхоз не может обеспечить, нет горючего и

запчастей к автомобилям. Проработав около десяти лет на ферме дояркой, Надя стала жаловаться на здоровье. Пролеживала в больнице неделями. Директору такие прогулы надоели, и он решил избавиться от болеющей, и конечно, стал требовать освободить квартиру. Поиски жилья по городу не увенчались успехом. Если кто-то сдавал угол или квартиру, то требовал оплату вперед и только в американских долларах. И еще. Если желающие сдать жилье, узнавали, что она без мужа и с двумя детьми, просто молча закрывали перед ней дверь. Найти жилье, точнее остаться жить в старом бараке, ей помог случай. Однажды вечером она, стоя на автобусной остановке, неожиданно увидела возле водочного киоска Петра, водителя директора совхоза. Он приехал за коньяком для комиссии из налоговой инспекции. Водитель пригласил ее в машину и довез ее до дома. В машине она посетовала на тяжесть с жильем и о том, что директор собирается ее выселить. Петька почесал за ухом, хлопнул ее по плечу и сказал, что все будет, как в лучших домах Лондона и Парижа. На следующий вечер директорский УАЗик увез Надежду в густой сибирский околос. Петька хоть и молодой мужик, но оказался очень опытным. По утверждению хозяйки, ей ничего не оставалось делать, как сочетать приятное с полезным. Кое-чем она поделилась и о своем любовнике. Анатолий Андреевич, директор совхоза, мужчина лет 65, был некрасивый, сутулый и с большими ушами. Однако он успел попортить в своей жизни не один десяток баб, особенно в молодости. Он являлся близким родственником первого секретаря горкома партии, ему довольно часто все сходило с рук. Однако, несмотря на такие связи, однажды он сильно на женском фронте погорел. То ли кто-то из его сослуживцев, то ли кто-то из потерпевших заснял фотоаппаратом его любовь на берегу сибирской реки. Полового «гиганта» вызвали на ковер в партийную комиссию, отчитали и дали... руководящее кресло в совхозе. Из партии не исключили, но вежливо предупредили. Практически каждую неделю Петькин УАЗик возил свертки в одно из серых зданий на главной площади города, своеобразный оброк партийному боссу. По утверждению Нади, об этом ей все Петька сам рассказал. Владимира очень удивила развязанность своего газетного абонента. Он порою терялся в догадках, как можно обливать себя и других грязью, изрекать пошлости при незнакомом мужчине. Через некоторое время сидящие

опустошили две бутылки. Алена, попросив денег у незнакомого спонсора, побежала за очередной бутылкой водки. За время ее отсутствия хозяйка вылила очередной ушат «новостей» из своего любовного романа с директором. Оказывается, он иногда «прихватывал» ее и зимой, увозя в отдельную городскую квартиру. Ему нравятся молодые и пухлые бабы. Прошедшая совсем недавно волна перемен в стране боком обошлась директору. Полгода назад его за крупные хищения убрали из руководящего кресла, убрали очень тихо и незаметно. Потерял лакомый кусочек и Петька. Несмотря на то, что Надя лишилась своих протееж, она продолжает жить в квартире, пока не тревожат и не выгоняют, и слава Богу. Прибежала Алена. Кроме бутылки водки она принесла две пачки сигарет. Женщины дружно принялись курить. Клубы дыма окутали небольшую комнату. Владимиру стало душно и он, извинившись, вышел на улицу. Посмотрел на часы. Они показывали ровно восемь часов вечера. Немного подумав, он решил умыться, подошел к водной колонке и нажал на рычаг. Вода была очень прохладной.

Затем он некоторое время побродил по улице, зашел на рынок. Торговцы уже сворачивали свои палатки. Возле входа на рынок стояла вереница бабушек и дедушек, предлагавших водку и самогонку, кое-что для закуски. Владимир все время раздумывал, что делать дальше, как вести себя. В принципе он уже не горел большим желанием жениться на немке, да и Анна его уже столь не тревожила. Прошел час после того, как он покинул квартиру теперь уже знакомой немки. Он решил вернуться. Подошел к двери, затем решительно ее открыл. В квартире было тихо, правда, еще чувствовался резкий запах табака. В кухне, где они когда-то сидели, на столе возле пустой бутылки из-под водки лежал лист бумаги, на котором было написано, что хозяйка ждет Владимира. Скорее всего, это написала Алена перед своим уходом. Он осторожно зашел в спальню и замер. На диване в чем мать родила лежала Надя. Прерывистый храп и сонное бормотание нагой женщины вызывали у него отвращение. Ему стало не по себе и он стремительно выбежал из квартиры. На этом закончился его первый визит к первой немке.

Второй претенденткой была Ирина Рафаэловна. На вид ей было где-то 40-45 лет. В письме она указала свой номер телефона, найти ее большого труда не представляло.

Встреча проходила в кафе за чашкой кофе. Тихая музыка способствовала разговору. Немка работала сторожем на стройке, хотя по специальности была инженером-конструктором. Конструкторское бюро на неработающем заводе сократили. Она, дабы не только не умереть с голоду, но и хоть что-либо купить из одежды, в свободное от работы время приторговывала газетами и книгами. Книги брала у знакомой из книжного магазина. По ее словам, такой бизнес не давал большого наvara, да и маленькая шпана часто воровала. У нее, как и у предшественницы, основная причина развода и развала семьи - пьянство и измена мужа. После развода осталось трое маленьких детей, да мизерные алименты. На прощание женщина настойчиво приглашала Владимира в гости, давала намек, что она не против зарегистрировать с ним брак. В течение недели он побывал в гостях еще у трех женщин. Не обошлось и без курьезов. Анна, так звали незнакомку, написала в письме, что проживает в селе и умело ведет хозяйство. И то ли внасмешку, то ли всерьез написала, что хочет найти серьезного мужчину, можно с ребенком, так как для дюжины ее детей не хватает всего одного.

Владимир, прочитав письмо, утром сел в электричку и поехал в село, оно находилось рядом с железнодорожной станцией. День был воскресным и выдался очень теплым. Он поэтому не спешил в поисках указанного дома, да деревня и не город, здесь все знают друг друга. Все сельчане знали Анну-немку. Он подошел к небольшой избушке и остановился. Он сразу же понял, что здесь давненько не было настоящего хозяина. Какая-либо ограда отсутствовала. Под перекошенным окном избушки лежала куча толстых чурбанов. Он без всякого желания подошел к двери и сильно постучал. На его стук вышла маленькая девочка, босая. На его вопрос, где родители, она ничего не ответила, а просто провела его в комнату. Владимир переступил порог и содрогнулся от увиденного. Основное, что его поразило - это нищета и убогость быта. Спертый воздух, единственная деревянная кровать, на которой лежало четверо детей, отсутствие каких-либо занавесок или штор свидетельствовали о «достойном» образе жизни хозяев. За деревянным столом сидели мужчина и женщина. Оба они были неряшливые. Вошедший на какой-то момент прервал их пьянку. На столе стояла неполная бутылка самогона, несколько сваренных «в мундирах» картофелин, тарелка квашеной капусты. Мужчина на

правах хозяина, спросил вошедшего, кто таков и зачем пришел. Владимиру пришлось соврать и представиться инспектором городского отдела народного образования. Услышав это, женщина преобразилась и стала рассказывать ему о своих проблемах. Оказалось, что ее муж по пьянке залез наверх водонапорной башни и где-то с высоты пятнадцати метров бросился вниз головой. После смерти он оставил одиннадцать детей. Женщина заплакала и опять начала рассказывать о своих жизненных проблемах. Ни совхоз, ни райисполком не оказывают ей помощи. Мало того, в райисполкоме ей сказали с упреком: не надо было плодить такое стадо детей. На вопрос «самозванца», какую помощь ей оказывает организация немцев Сибири, хозяйка ответила молчанием. Затем резко встав с табуретки, она решительно шагнула к стоящему возле входной двери пришельцу, и обняв его, заплакала навзрыд. Владимир опешил, так как его поразило неординарное поведение незнакомой женщины. Да не только это. В первую очередь, его поразило несоблюдение, точнее, отсутствие каких-либо правил и норм личной гигиены. Ее запах изо рта представлял собой смесь самогонного перегара и махорки. Ее желтые, кривые зубы, никогда не видевшие зубной пасты и зубной щетки, кроме физического отвращения ничего не вызывали. Гость невольно опустил голову вниз. И здесь перед ним открылась безрадостная картина. Через переднюю часть стоптанных резиновых тапок у женщины выглядывали пальцы ее ног с длинными не стриженными ногтями. От хозяйки вообще исходил далеко неестественный запах. У Владимира возникла подспудная мысль, а вообще, моется, ходит ли в баню эта женщина. Как никак немцы в бывшем Союзе считались и являются людьми высокой культуры, не говоря уже о чистоте физической.

Дальнейшее лобзание, которое, наверняка, могло бы быть продолжено, только в других формах, остановил пьяный мужичок. Однотипный сожитель хозяйки резко ее одернул и посадил на табуретку. Это Владимира и спасло, через пару секунд его бы вырвало. Однако приключения «жениха» на этом не закончились. Подвыпившая хозяйка, порывшись в груде книг и старых газет, отыскала замызганную тетрадь, карандаш и стала писать жалобу на райисполком. Пришельцу сначала даже хотелось рассказать об истинной цели визита, но он передумал. Он все продолжал стоять у порога и ждать, пока

немка писала свою петицию. Уже потом позже, сидя в электричке и разбирая каракули женщины, он думал о далеко нелегкой жизни многодетных семей, да не только их. В его родной деревне также была многодетная семья, в которой было одиннадцать детей. Мизерная зарплата родителей не позволяла досыта их накормить. Да и родители не спрашивали детей об их сытости, они прекрасно понимали, что они полуголодные. Дети сами боролись за выживание: летом делали запасы грибов, ягод, собирали крапиву и т.п.

Владимир несколько раз «прокручивал» в памяти встречу с сельской немкой и решил оказать ей хоть какую-то помощь. На следующий день он ушел с работы несколько раньше обычного и зашел в здание облисполкома. Перед входной дверью внезапно появился милиционер с автоматом. Узнав цель визита, потребовал паспорт. После тщательного просмотра практически всех страниц документа страж порядка указал номер нужного кабинета, который находился на пятом этаже. Хозяин кабинета, молодой холеный человек небрежно взял написанный немкой лист бумаги, пробежал глазами его содержание. Затем взял телефонную трубку и кому-то стал звонить. Из его разговора Владимир понял, что он звонил в райисполком. После окончания разговора чиновник заверил правдоискателя, что в районе с этой жалобой разберутся и заявитель получит разъяснение на месте.

Очередной визит «жених» нанес Даше, которая жила на левом берегу сибирской реки. Немка была довольно красивой женщиной, на вид ей было лет сорок, а может, и чуть-чуть больше, работала она техничкой в средней школе. Ее жизненный путь не был усыпан розами. Раньше она с родителями жила в Казахстане, там закончила школу. Постепенно из хрупкой девочки-немки выросла красивая девушка. Затем окончила техникум. Через неделю после его окончания в автомобильной катастрофе погибли ее родители. Погибли не по своей вине, а по вине водителя КАМаза, который был пьян и несся на бешеной скорости навстречу неказистому «Запорожцу». Девушка осталась одна. Родственников и близких у нее не было. Квартиры также не было. Ее родители снимали дом, хозяева которого уехали на заработки на Крайний Север. Она на первых порах жила у подружки-казашки. В деревне по специальности не удалось устроиться, работала техничкой в конторе. Работа у нее была несложная, рано утром убирала в

небольшом помещении, днем выполняла отдельные поручения управляющего. Управляющий, по национальности казах, мужчина лет 40-45, стремился не загружать ее разными поручениями. Он только иногда смотрел со стороны на красивую девушку и от удовольствия щелкал языком. Тогда Даше и в голову не приходило о том, что какие коварные планы строил против нее этот сельский чиновник. В сентябре у нее был день рождения. Для нее этот день запомнился на всю жизнь. В этот день она пришла на работу, как обычно, в 7 часов утра. Управляющий уже был в конторе и сидел за столом. Увидев ее, он встал из-за стола и подарил ей цветы. Чувство растерянности и смущения почему-то охватило именинницу. Затем мужчина предложил ей идти отдохнуть и прийти в контору к концу рабочего дня. По его словам, после работы в конторе состоится небольшое торжество по поводу ее дня рождения. Даша охотно выполнила указание начальника. Пошла домой, немного поспала, почитала книгу. Затем одела свое лучшее платье. Ровно в шесть часов вечера она с волнением открыла дверь конторы. Стол был накрыт по деревенским меркам богато. Кроме изысканной закуски стояли бутылка шампанского, бутылка коньяка и пиво. Максим, так звали управляющего, с улыбкой встретил девушку, любезно усадил ее за стол. На ее вопрос, где остальные работники конторы, он ответил, что они скоро придут. Однако никто не пришел ни через пять, ни через десять минут. Даша стала волноваться, испытывать неудобства, видя ухаживания пожилого мужчины. Он, чувствуя ее беспокойство, предложил выпить за здоровье именинницы. Первые глотки шампанского придавали ей некую уверенность, раскрепостили девушку. Последующие рюмки коньяка медленно, но уверенно стали туманить ей мозги. Она стремилась каким-то образом заставить свой головной мозг трезво мыслить, но он ее почему-то не слушался... На улице стало темнеть, управляющий зашторил окна, включил свет. Даша уже не понимала происходящего. Какой-то мужчина, щекоча упругими усами целовал ее губы, щеки и груди. У нее в глазах потемнело. Она порою также ловила чьи-то губы, однако это не всегда получалось. Потом ее кто-то поднял и понес на диван. Сквозь пелену неожиданно нависшего тумана она так и не могла до конца понять суть происходящего с ней.

В свою очередь, чиновник, как опытный половой стервятник, завладев нетронутой и чистой девушкой, любовался красотой ее обнаженного тела. Он насиловал ее жадно и жестоко, как животное, как садист... Рано утром Дашу разбудили. Неожиданно перед ней всплыл образ управляющего. Она все еще не могла представить, что же с нею случилось. Только через несколько минут ее мозг пронзила страшная мысль. Быстро одевшись, она выбежала из конторы. Сиeminутно произошло отрезвление, ей не хотелось жить. Позор и бессилие перед этим казахом, безысходность положения доводили ее до отчаяния. Хотелось куда-то забиться и забыться навсегда. Ей было обидно за себя, что она впервые в жизни так глупо отдалась не тому, кого любила. Честно говоря, в свои двадцать она еще никого не любила. За огородами, в небольшом березовом околке ее вырвало. Это произошло после того, когда она вновь представила, как ее целовал липкими губами, со специфическим запахом казах, притом далеко не образованный, далеко не воспитанный. На следующий день он вновь оставил ее поздно вечером в конторе. Он уже без всякого стеснения раздел ее и изнасиловал. Вначале девушка хотела сделать заявление о случившемся в районную милицию. Однако, Максим, предугадав ход ее поступков, предупредил ее не делать этого. По его словам, в милиции работает его брат и все ее попытки будут напрасны. И с эти пришлось смириться. Доказательством этого являлась ее предыдущая жизнь. Из двухсот жителей в селении было около тридцати русских. Казахи верховодили не только здесь, но и в районном центре. Особенно тяжело приходилось русским женщинам, если они были красивы и стройны. Нередко при посещении клубов и магазинов в их адрес раздавалась матерщина или другая похабщина.

Почувствовав, что она забеременела, Даша решила уехать в Сибирь, в город на реке, где училась на товароведа. И возможность, казалось, для этого появилась. Федор, так звали односельчанина-немца с согласия родителей был не прочь помочь ей в трудоустройстве. Но увы, отъезд не состоялся. Управляющий не дал ей трудовую книжку. Кроме этого, предупредил, в случае бегства ее просто засекут.

Между тем по деревне стали расплзаться слухи о сексуальных связях местного начальника с молодой немкой. Максим и не стеснялся этих связей. Он довольно часто

насиленно затаскивал девушку в «Ниву» и увозил ее в лес. Она какое-то время носила в себе мысль об убийстве садиста. Но судьба распорядилась совсем иначе. Недаром в народе говорят: «Не было бы счастья, да несчастье помогло». Управляющий неожиданно заболел и слег в больницу. Бразды правления взял его сын, Марат. На вид он был неказистый, некрасивый, очень маленького роста с кривыми ногами. Голова облысевшая, несмотря на молодой возраст. Даша решила использовать появившуюся возможность для отъезда в Сибирь. На следующий день она пришла на прием к вновь испеченному князьку. После долгого разговора молодой управляющий пообещал оформить документы честь по чести, если просительница рассчитается за услугу натурой, то есть своей красотой и телом. Через три дня Марат на отцовской «Ниве» увез ее на железнодорожную станцию, предварительно насытившись ею.

К сожалению, на этом сексуальные приключения Даши не окончились. Проводник-казах, предчувствуя возможность позабавиться любовными утехами безбилетной и безденежной пассажирки, посадил ее к себе в купе. За время поездки он ее кормил и поил вином, конечно, за соответствующую сексуальную мзду.

По рассказу Даши, ей ничего не оставалось делать, как рассчитываться с этими вонючими зверьками свои телом. Она хотела во что бы то ни стало покинуть этот зловонный клочок земли. У нее ничего за душой не было, кроме ее красоты и стройной фигурки. В городе она сразу же обратилась в адресное бюро, нашла Федора. Некоторое время жила у него, потом получила малосемейку. Маленькая Аня пошла в садик. Сама она также устроилась работать. Много лет живет одна. За разговором не заметили, как пришла из школы Аня, ученица десятого класса. Она не была похожа на казашку, она взяла красоту от матери. И, наверное, этим очень гордилась.

Дальнейшего союза или каких-то контактов у Владимира с Дашей не получилось. Узнав о том, что для выезда в Германию требуется куча документов, она вообще отказалась ехать на свою историческую родину. По ее словам, на все документы надо делать запрос в Казахстан. Это ей никак не хотелось делать. На этом и пришлось расстаться.

Первый объезд женских абонентов не дал положительных результатов. Владимиру пришлось давать повторное объявление. Пришло около десятка писем. Очередное хождение по «невестам» пополняло багаж его приключений. Некоторые из них запоминались на всю жизнь, вызывали, как в народе говорят, смех и грех.

Во время посещения Валентины, водителя трамвая в дверь ее квартиры кто-то сильно постучал. Это была ее соседка Нина. Не успела хозяйка закрыть за собою дверь, как вновь раздался стук. Соседка со слезами на глазах просила не открывать дверь, так как за нею стоял ее пьяный муж, татарин. Хозяйка не послушала и открыла. Тотчас же вбежал взъерошенный Петя, Петруня, так нарекала его Валентина. Дальнейший ход событий доказал, что женщина психологию и педагогику не изучала. Не успел ее пьяный сосед и пару шагов сделать по ее квартире, как она так шарахнула Петруню скалкой по зубам, что у того мигом губы вздулись, будто он целую ночь целовал свою любимую. Из его носа пошла кровь. Нина, конечно, такой развязки не ожидала. Она мигом бросилась к муженьку и стала его обнимать. Затем они быстро вышли вон.

У Владимира моментально пропало желание претендовать на брачный союз с женщиной, имеющей такие методы «воспитания» с представителями сильного пола. Он сделал вид, будто ничего не произошло. Валентина пригласила его за стол покушать свежих вареников с картофелем, налила рюмку русской. Спиртное оживило компанию. Все то, что говорила немка, гостя уже мало интересовало. Он уже решил однозначно: никакого союза с этой женщиной. Определенный интерес у него вызвала информация Валентины о своей соседке. Она, оказывается, уже с 15 лет увлекается мужчинами, независимо от возраста и состояния. По двору ходили целые легенды и мифы о ее половых страстях и приключениях. Родители за эту страсть ее часто избивали, не помогало. К ее совершеннолетию они нашли ей жениха, татарина. Петя был очень счастлив, его не интересовали прошлые любовные потехи невесты. Сам он тогда не пил, был комсомольцем, почетным донором и активным членом добровольной народной дружины. Его портрет даже висел на доске Почета завода. Казалось бы, жить да жить. Но увы... уже во время свадьбы его Нина уехала на природу с водителем «Волги», который раскатывал молодоженов по памятным местам города.

Одним словом, не сложилась жизнь у комсомольца. Партийный комитет завода, узнав о семейных проблемах активиста, отказал ему в приеме в ряды коммунистической партии. Петя не выдержал, запил, притом запил страшно. Пил неделями, а то и месяцами. В итоге его выгнали с работы. Заливаясь смехом, Валентина рассказала поистине анекдотичный эпизод из совместной жизни соседей. Дело было на День Победы. В этот день женщины сотворили с единственным мужчиной злую шутку. Петруня, как обычно, по праздникам лежал в постели в дугу пьяный. Он и в этот день так «натюкался», что из туалета почему-то вышел без трусов. У женщин мгновенно возникла озорная мысль... С очень тяжелой головой кормилец поехал на работу. В раздевалке начал раздеваться, глянь - трусов-то нет. Ну и хрен с ними, подумал он про себя. Протянул руку к шкафу за «робой». В этот момент раздался смех мужиков из его бригады. Петя сразу и не понял, в чем дело. Уже потом он увидел красный бант между своих ног. С этого дня к нему навсегда прицепилась кличка «бантик с ...», то есть с самым распространенным словом в русской обиходной речи. Соседи Валентины живут вместе почти два десятка лет. Передраги в семье не утихают ни на день. Буквально два дня назад соседи по подъезду вызвали милицию из-за дебоша семейной четы. Петруня пробил жене голову. Два милиционера приехали на УАЗике и его забрали, а Нину не тронули. Все бабки из подъезда дома обрадовались, наконец-то «антихриста» упекли. Но увы... на следующий день Петруню привезли назад домой. Привезли в целости и в сохранности. Правда или нет, но в подъезде, да и во всем дворе судачили о том, Нина сама выручила мужа, разделив постельное ложе с двумя приехавшими ментами, за то, чтобы ее возлюбленного не били в камере. Говорили и другое. Петруня отремонтировал родственнику одного из ментов импортный телевизор. Милиционер сжалился над пьяницей и отпустил его на все четыре стороны.

Дело близилось к вечеру. Владимиру, честно говоря, уже надоели сплетни хозяйки, и он, сославшись на занятость, стал прощаться с нею. Она пригласила его прийти на следующий день для более конкретного обсуждения плана для выезда в Германию. Он одобрительно кивнул головой и вышел. Больше он к этой женщине не приходил и не звонил, не видел смысла.

В его «коллекции» были и такие женщины, которые занимали определенные ниши в структурах власти, работали в системе народного образования и т.п. Кое-кто из них по-настоящему искал себе друга жизни. Были и те, кто преследовал свои корыстные цели.

Наиболее четко выразила свои корыстные цели Оля, работающая в одном из райисполкомов областного центра. Разговор с нею состоялся в холле первого этажа учреждения. И продолжался он порядка десяти минут. Ярко накрашенная и «наштукатуренная» особа, в первую очередь, спросила мужчину о том, какую должность он занимает и сколько денег зарабатывает. Узнав о том, что перед ней просто рабочий, она откровенно высказала свои соображения о своей будущей жизни в Германии. Она не имела желаний «зарабатывать» трудовые мозоли на исторической родине своих предков. По ее словам, от работы кони дохнут. И поэтому ей муж нужен такой, который бы ее там хорошо обеспечивал. Она очень любит золото и меха. На этом разговор и закончился. У Владимира не было ни первого, ни второго, ни третьего... Одним словом, у него ничего для нее не было. Аналогичные мысли были и у Риты, секретарши одного из строительных трестов города. Далеко невзрачного вида женщина, с большим горбатым носом, на котором сидели большие очки, закрывающие ее узкие зеленые глаза, строила поистине наполеоновские планы в Германии. Работать она в этой стране не собиралась, планировала заняться коммерцией. Как она хотела это сделать, она Владимира не «просветила». Для укрепления взаимопонимания между вероятным мужем и двумя ее детьми, она предлагала ему пожить в ее квартире ровно год. «Жениха» это не устраивало.

Были письма и от неразведенных женщин, или тех, чьи мужья находились в бегах. Узнав об этом, Владимир моментально извинялся и сразу же их покидал. Эти женщины, как правило, в его памяти не оставались. Ему хотелось найти подругу жизни по душе, которая хоть в какой-то мере напоминала ему Анну. Он опять оставался в одиночестве. Оно его страшно угнетало, не спасала от этого чувства и работа. Уже прошло два года после того, как девушка из его детства покинула свою уютную квартиру. Ему порою очень хотелось женского тепла и ласки. Он очень хотел любить женщин, как мужчина, и как уже загнанный зверек, прозябающий на работе и в четырех стенах.

Идя по городу, он часто заглядывал в глаза проходящим женщинам, ловил их взгляды. Увидев его пристальный взгляд, многие из них улыбались, кое-кто отворачивался. Были и те женщины, кто выдерживал его взгляд и ему порою хотелось остановиться возле этой незнакомки и сказать что-то ласковое. Одиночество заставляло его искать Ее величество любовь, то есть ту женщину, с которой было бы интересно жить.

Казалось, такая женщина появилась среди немок. В конверте очередной претендентки вместо пространныго письма была небольшая бумажка, в которой указывался номер телефона и имя. И больше ничего. Набрав номер телефона, Владимир услышал властный женский голос, в котором сразу чувствовались начальственные нотки. Оказалось, что отвечали из общежития. Через некоторое время к телефону подошла и сама Анжела. Встреча с нею состоялась в субботу вечером, в кабинете коменданта общежития. Первые минуты знакомства у мужчины вызвали к ней симпатии. Она была не красавицей, но и не лишена привлекательности. Она не рассказывала, как большинство предыдущих немок, похабные истории, от которых вяли уши, не курила. Чувствовалось, что она знает цену жизни, умеет понимать настоящего мужчину. Очень серьезно она рассказала и о своих жизненных проблемах. С мужем развелась два года назад. У нее уже не было мочи жить в однокомнатной квартире с пьяницей. Детей не было, и это ее не держало. Сначала жила у подруги. Позже через подругу-комендантшу удалось снять комнату в рабочем общежитии. Она рассказала Владимиру и о том, что ее бывший муж был и останется ее первой любовью. Она и по сей день все думает о нем. Анжела полгода назад лишилась работы. До этого работала секретарем в приемной начальника трудовой колонии. Ушла она по собственному желанию, ей надоело бесцеремонное поведение офицеров, их тупость и невежество. Да и сам начальник неоднократно делал попытки склонить ее к сожительству, особенно тогда, когда узнал о ее разводе с мужем. У него большой популярностью пользовались блондинки. Некоторые девушки специально обесцвечивали волосы, дабы не попасть ему в немилость. Кое-кто из женщин нередко использовали «половые слабости» шефа в своих корыстных целях.. Он, по сути дела, делами колонии не занимался, все «тянул» его заместитель. Шеф часто звонил в приемную и сообщал секретарше о том, что его сегодня уже не будет, он уезжает на

совещание. На самом деле он уезжал с кем-либо из вышестоящих чиновников на очередную пьянку или в баню. Иногда он прихватывал с собой одну, а то и две сотрудницы. Анжела, зная всю подноготную жизнь колонии, могла без ошибки определить, кто из женщин был на «приеме» у начальника. Они, как правило, быстрее получали квартиры или лучшие комнаты в общежитии, в летнее время уходили в отпуск.

Не упустила Анжела возможность рассказать и об анекдотическом эпизоде из своей молодой жизни. После свадьбы она с мужем снимала комнату в частном доме. Платили кварплату за год вперед. При первом знакомстве она не могла не заметить очень пристального взгляда хозяина. Предчувствие ее не обмануло.

Зимой в одну из суббот она, как обычно, пошла в баню. Она мылась почти всегда одна. Ее муж в эти дни дежурил в охране. Закрыв дверь на крючок, квартирантка наподдавала воды на каменку печи и стала париться. И вдруг сквозь клубы пара она увидела голого хозяина. Она закричала и стремительно выбежала на улицу. Пятнадцатилетний сын хозяина, убирающий снег во дворе, стал свидетелем удручающей картины: за молодой голой девушкой по двору бегал в чем мать родила его родной отец. Анжела со слезами на глазах забежала в свою комнату, за ней хозяин. Сорокалетний мужчина, видя, что любви, как таковой, не получилось, здорово тухнул. Но для него эти приключения не закончились. Утром пришел муж немки, который решил заявить в милицию. Вечером того же дня к молодым пришел хозяин и предложил замять «конфликт». Он предлагал им жить в его комнате в течение года бесплатно. Они согласились. Позже оказалось, что хозяин надпилил крючок в двери бани и поэтому ему не стоило больших трудов попасть к желаемой женщине. Неизвестно, как еще долго продолжался разговор, если бы в комнату не вошла пожилая женщина, комендант. Улыбаясь, она показала на часы, они показывали ровно десять часов вечера, что означало - ей пора идти домой и пора запирать кабинет.

Владимир извинился и вышел из кабинета, затем уселся за журнальный столик, расположенный в коридоре, и начал перелистывать газеты. Газеты были месячной давности, но это не помешало ему скоротать где-то двадцать-тридцать минут времени. Примерно через такое же время из кабинета вышла комендантша и Анжела, они

поднялись на второй этаж. Владимир продолжал читать газету. Минут через пять раздался стук каблучков тувель комендантши, она спускалась к выходу. Проходя мимо Владимира, она мило улыбнулась, и подмигнув ему, вышла из общежития. Через некоторое время он тихо и незаметно поднялся на второй этаж. В самом углу коридора в одной из чуть-чуть полуоткрытой комнаты пробивался свет. Владимир каким-то чутьем уловил, что, вполне возможно, здесь находится Анжела. Он тихо постучал в дверь, и не дождавшись разрешения, тихо ее открыл. Свет в комнате внезапно погас. Этот момент он запомнил на всю жизнь. Свет луны освещал небольшую комнату. Анжела лежала на раскладном диване на белой простыне. Белый пододеяльник небрежно закрывал часть ее ног и живота. Мужчина плотно закрыл дверь, решительно подошел к лежащей и крепко ее поцеловал. Она не сопротивлялась, а, наоборот, еще сильнее прижала его к себе. Они стиснули друг друга в объятиях. Нет, это была не настоящая любовь, просто это была страсть, жажда женщины к мужчине, мужчины к женщине. Запах духов, лака для волос, теплота женского тела на некоторое время затуманила голову вошедшего. Тихое всхлипывание женщины, ее захватывающие поцелуи, свидетельствовали о том, что они принадлежали друг другу. Анжела, уставшая от любви и страсти, ласково смотрела на столь уже близкого и родного ей мужчину, которого она раньше никогда не видела и не знала. Он ей очень нравился. Ее бывший муж, пьяница и неудачник с неприятным запахом перегара и табака, даже в редкие минуты их совместной половой жизни кроме отвращения ничего у нее не вызывал. Несмотря на это, она все его продолжала любить. Она сама все еще не могла понять этого. После ухода от бывшего мужа Владимир был первым в ее постели.

Иванов покинул общежитие рано утром. Настроение у него было приподнятое. И в этом была львиная «заслуга» Анжелы. Он увидел в ней ту женщину, которая покорила его не только своей страстью и жадной любви, но и своим умом. Он надеялся заключить с нею брак. Однако его планы через два дня провалились. Анжела позвонила ему поздно ночью и сказала, что она намеревается бывшего мужа лечить у нарколога. Он в душе не осуждал ее решение, скорее всего, оно было продиктовано ее настоящей любовью к этому мужчине, которого он никогда не видел. Он даже завидовал незнакомому

алкоголику, которого любила эта женщина. Даже мимолетное знакомство с Анжелой внесло определенные изменения в его понимание окружающего мира. Он опять решил «опуститься» на эту грешную землю. Ему опять захотелось жить, как все простые смертные. Он хотел спокойно работать, пить как все, даже воровать, как все. Прошла неделя, он вроде успокоился. Успокоился только на немного. Одиночество с новой силой давало о себе знать. Появилась у него и еще одна проблема, бытовая. Его квартира с каждым днем приобретала все более и более убогий вид. Сказывалось очень длительное отсутствие Анны. Для наведения должного порядка у Владимира не было ни времени, ни желания. Заходя в квартиру, он ее иногда не узнавал. Вместо некогда чистых штор висели не то серого, не то дымчатого цвета какие-то тряпки. По всей квартире валялись кучи грязного белья и различной одежды, откуда они появились он иногда даже и не знал.

Вместо некогда вкусных блюд и его любимых пельменей, приготовленных Анной, у него было постоянно одно блюдо: не то суп, не то борщ. Он готовил его в большой кастрюле, которого ему хватало на целую неделю, а то и больше. Очень редким дополнением к основному блюду была жареная картошка с мясом. Эти постоянные спутники желудка одинокого мужчины, доводили его до определенного неприятия этих блюд, но голод «творил» чудеса. Утолив жажду желудка, он на какое-то время забывал убожество своей пищи. Так продолжалось изо дня в день, из недели в неделю, из месяца в месяц... Постоянство его питания иногда нарушалось, и это происходило благодаря соседям. Старики, приглашая его в гости, стремились поставить на свой стол больше пирогов и разносолов. После неудачного «замужества» Владимира со Светланой Иван Петрович на какое-то время поостыл к соседу, но только на неделю. Потом все стало по-старому. Старики, наоборот, стали для него настоящими консультантами в поиске невест. Они также переживали, как и он, если у него были проколы на любовном фронте. Он довольно часто выслушивал житейские советы пенсионеров и в какой-то мере даже завидовал им. Они прожили несладкую жизнь, которая не изобиловала большими деньгами или шикарными автомобилями. Скорее всего, эти в какой-то мере проблемы и неудобства помогала преодолевать им их любовь. За все время пребывания Владимир не видел ни разу косога взгляда друг на друга у этих по-своему прекрасных людей. Они,

наверное, и никогда не спорили. Единство взглядов и взаимное понимание друг друга давали возможность пожилым людям жить без нытья, без лишней суеты и нервозов.

Владимир часто думал об их совместной жизни с Анной, и не мог не видеть, что многое у них получалось. Всевозможные трудности они всегда стремились преодолевать вместе. Он и сейчас в своей душе питал надежду на то, что и среди немцев найдется порядочная женщина, которая станет для него надежной женой и опорой. Именно с ней будет легче преодолевать возникшие трудности. Он прекрасно знал, что и в Германии не все будет сладко, тем более, у него возраст был довольно солидный. Все придется начинать с нуля. И это его очень беспокоило. Своими мыслями о сложностях возможной жизни он делился с соседями. Они все это прекрасно понимали, однако сворачивать с пути ему не советовали. Особенно усердствовал в этом плане Иван Петрович. Его усердие Владимира иногда пугало, так как он в этой стране вообще не был. Старик уверял его в том, что в Германии никто и никогда не пропадал и не пропадет. Нужно только честно работать. Во многом Владимир соглашался, он сам прекрасно видел реальную жизнь в своей стране, которая с каждым днем все ухудшалась и ухудшалась. В его памяти остался эпизод, рассказанный Иваном Петровичем. Он в расцвете сил, когда еще работал на заводе, на имя младшей дочери положил тысячу рублей на сберкнижку. Деньги по тем временам были большие. Хотел в день ее совершеннолетия сделать подарок. День в день, час в час, только через пятнадцать лет пенсионеры пришли снимать вклад. Пришла и дочь с новым паспортом. Сотрудница очень долго искала бумаги. Нашла, стала считать. Молодой гражданке демократической России причиталось получить всего...16 копеек!!! У стариков дух перехватило, Ивана Петровича чуть удар не хватил. Ему было стыдно перед дочерью за все то, что творилось в стране. Было обидно и за деньги, которые он отдал тем, кто грабил людей, сделал его старость нищенской, рушил надежды молодых на лучшее будущее...

Владимир вновь дал объявление в газету. Содержание одного из писем его сильно заинтересовало, обнадежило. Людмила, так звали очередную «невесту», писала о том, что у нее прекрасная семья, дети уже взрослые, все имеют свои семьи, жилье, работают. Прописала и о том, какого она хочет иметь мужа. В отличие от других абоненток она не

приглашала его к себе домой, а сама навязчиво к нему просилась в гости. Владимир сначала страшно расстроился. Его жилье к такому визиту явно не «дотягивало». Выручили жениха его соседи, которые обещали устроить женщине достойный прием. Продукты питания и все остальное прочее Владимир взял на себя. Он решил лицом в грязь не ударить. На рынке купил все самое свежее и лучшее. Спиртное купил в самом престижном магазине города.

Людмила приехала на такси в воскресенье, в полдень, как и было договорено. Из такси вышла довольно солидного вида женщина и довольно богато одетая. Несмотря на то, что на дворе стояла уже глубокая осень, и не так было холодно, она была одета в черную норковую шубу, из такой же живности и такого же цвета была ее красивая шапка, из-под которой выглядывали локоны ярко крашенных рыжих волос. Даже ее первые шаги по грязной дорожке к подъезду свидетельствовали, что эта женщина далеко не промах и знает себе цену. В этом убедились сразу же в квартире. Владимир, принимая из ее рук богатое одеяние, даже не знал, куда его получше повесить или положить. Трухнул и Иван Петрович. Он, как только «невеста» села на диван и начала разговор о погоде, мигом побежал в спальню переодеваться. Через пару минут из комнаты уже вышел «другой» мужчина. На нем ладно сидел костюм черного цвета, на его груди висела целая дюжина значков, напоминающих о трудовых достижениях в годы коммунистических пятилеток. При всем при этом сосед был при галстукке, что рассмешило Владимира. Он давненько не видел старика в таком наряде.

Первый тост был за знакомство, второй за Людмилу. Жених все пристальнее рассматривал свою невесту, которая сидела напротив его. Эта была женщина с очень крупной фигурой, откровенно говоря, о какой-либо ее стройности речи нельзя было вести. Плечи у нее были прямолинейного «покроя», груди довольно большие. Они почему-то сильно выпирали, несмотря на то, что особа была одета в яркую красного цвета кофту, поверх которой плотно сидел черный пиджак. «Качество» ног он не мог определить, так как она была в брюках. Скорее всего, они были почти одинакового роста. В весе жених явно уступал, невеста «тянула» за центнер, а то и более. Владимир мельком окинул живот женщины и улыбнулся, когда представил себе, с каким трудом ей приходится

стягивать его окружности и прятать расползающиеся складки жира. Его визуальное наблюдение за гостьей, которое сопровождалось теоретическими рассуждениями и анализом внутри его головы, было внезапно прервано сидящей особой с накрашенными губами и черными, как смоль, бровями. Она как-то незаметно протянула свою руку к его руке и сильно ее ущипнула. Мужчина улыбнулся, только и всего. Женщина поинтересовалась у него, курит ли он. Он покрутил головой, что значило, не курит. Несмотря на это, Людмила не успокоилась, а попросила его сходить в магазин и купить дорогих сигарет, дважды назвала их марку. На этом ее просьбы не закончились. Уже вслед уходящему она скороговоркой намекнула, что не мешало бы купить американское виски, которое она пила на дне рождения своей подруги. Закрыв за собой входную дверь, мужчина остановился. Ему хотелось вернуться назад и сказать этой особе, что американской водки у него нет, но есть другое импортное спиртное, которое также крепкое и дорогое. Однако он эту дурную мысль быстро от себя отогнал, ему не хотелось выглядеть простачком.

«Комок» находился недалеко от дома. К своему удивлению, название сигарет Владимир забыл. Наверное, у него даже память отшибло, уж больно неординарно вела себя в гостях его новая «невеста». Пожилая продавщица киоска, не то казашка, не то корейка в сортах или марках сигарет никакого понятия не имела. Пришлось купить три пачки самых дорогих. Виски были, однако на этикетке было невозможно прочесть страну изготовителя. Сигареты и спиртное в общей сложности «потянули» в денежном эквиваленте довольно приличную сумму. По дороге домой Владимир невольно думал, до чего же бывшие советские люди наивные и глупые. Под маркой импортного и заморского они видят панацею от всего того, что может излечить, обучить и даже одурманить. Вал импорта в большинстве своем был левым. Фальшивые товары местных ловкачей-производителей захлестнули все и вся на территории громадной страны. Личности, некогда убежденные в правоте идей и дела всенародной партии, быстро перестроились и стали через какой-то миг потребителями дешевого ширпотреба всевозможных мировых производителей.

Людмила купленное одобрила, оказывается, что она таких сигарет еще не курила и такое виски не пила. Пропустив очередную рюмку спиртного, она стала на все лады его нахваливать. Для Владимира оно ничего такого сверхъестественного не представляло. Невесту стало понемногу «развозить». Она принялась очень оживленно говорить и курить. Курила она мастерски, как заядлый курильщик. Чувствовалось, что она имеет довольно приличный стаж курения, а может, и курила всю свою жизнь. Через клубы дыма, которые она мастерски выпускала в разные стороны, порою нельзя было видеть сидящих. Владимир стал разглядывать ее руки. Нельзя было на все сто процентов утверждать, что они принадлежали человеку умственного труда. Пальцы ее рук были прилично толстыми, их кожа в некоторых местах была со вздутиями. Кое-где на коже были видны не то серые, не то темно-синие маленькие пятна. Одним словом, руки женщины нельзя было отнести к разряду красивых. Недостающую природную красоту компенсировало их «одеяние», что говорило о богатстве сидящей. На ее больших пальцах обеих рук красовались два увесистых перстня красивой отделки. Жених никакого понятия ни в золоте, ни в серебре не имел, но даже такая «осведомленность» позволяла ему думать о том, что эти два перстня и два кольца своеобразной формы, почему-то надетых на оба мизинца, могли составить приличное состояние, особенно для нищих людей. Ее запястья обеих рук охватывали толстые цепочки из золота.

Соседи, как и Владимир, не ожидали такого разворота событий. Иван Петрович, сидя в официальном костюме, был весь в поту и почему-то не горел желанием взять сигарету импортного производства. Он сидел молча, иногда дежурно поддакивал Людмиле, которая умело дирижировала хозяевами. Особенно доставалось хозяйке-бабке. Сначала она бегала как молодая, стараясь угодить незнакомой женщине. Потом притихла. Она, быстро раскусив далеко не женские «достоинства» гости, все время пропадала на кухне, только изредка высовывала голову в ожидании очередного указания от своего мужа.

Чем дальше продолжалось застолье, тем больше Владимир убеждался, что Людмила далеко недурная женщина. В этом он убедился, как только они подошли к обсуждению главного вопроса, ради чего она, собственно говоря, и приехала. Она без всякого стеснения «прочитала» монолог о своих достоинствах и о своих проблемах, что

очень ошарашило жениха. По ее словам, она «произошла» от родителей, которые были чистокровными немцами, и поэтому она сама является чистокровной немкой. И это достоинство, по ее мнению, не вызовет проблем на ее исторической родине. Не забыла она и сказать, что в настоящее время русские немки на особом счету. У нее самой не один десяток претендентов, которые хотят уехать за бугор. Она очень боится ошибиться в своем выборе, поэтому к делу относится очень скрупулезно. Она успела похвалиться и тем, что к ней свататься приезжают не только простые клерки, но и мужчины с «Мерседесами». Консультантом в этом деле для нее является бабка из ее подъезда, где она проживает. Только знахарка, по ее словам, может определить по фотографии или просто так мужчину, который может занять любовное ложе с чистокровной немкой. Не последнюю роль в этом играет и книга-гороскоп, откуда бабка черпает знания о совместимости или несовместимости Людмилы и ее будущего мужа. Из рассказа полупьяной гостьи получалось, что только Владимир ей пригож и только он ее достоин. Жених всему этому не придавал особого внимания, его невеста была уже в пьяном угаре. Совсем другую реакцию у него вызвало поведение его соседей, которые после окончания монолога немки, стали нахваливать своего жениха. Они то одновременно, то в отдельности расписывали деловые и человеческие достоинства своего любимого соседа. По пьяной лавочке они надавали «пинка» Анне, и всем тем, кто когда-либо обманывал Владимира. Не забыли они и упомянуть о том, что его зарплата превышает в несколько раз зарплату самого умного профессора. В какой-то момент у Владимира возникало желание остановить их сладостные монологи, стукнуть кулаком по столу и на этом прекратить сватовство-спектакль. Однако он этого не делал. Ему было жалко стариков, которые чисто по-человечески, чисто по-отцовски, чисто по-матерински хотели помочь ему, как сыну, как великовозрастному ребенку, который все еще не нашел свою нишу в этом обществе. Ловя себя на этих мыслях, он продолжал слушать хвалебные речи в свой адрес, иногда что-то бурчал себе под нос. Он только порою чувствовал, как его уши становились то холодными, то горячими. Очередной тост за здоровье Владимира все выпили стоя. Он уже не мог не видеть восхитительного взгляда Людмилы в свою сторону, не говоря уже о соседях. Старик с бабкой были на седьмом небе, они как дети по

переменке подходили к жениху и чмокали его в маленькую плешинку на его голове. Все это смешило Владимира, но он понимал, что соседи делают все возможное, авось - что что-то разумное и получится.

Людмила неожиданно для всех заплакала. Оказалось, что ее бывший муж сгорел от водки десять лет назад, оставив ей двух маленьких детей. Она в настоящее время живет в старой «хрущевке» и не имеет возможности пригласить Владимира к себе в гости, так как ее квартира требует капитального ремонта. Денег для ремонта нет. У жениха сразу же защемило сердце, когда он увидел ее крупные слезы и услышал ее причитания. Даже клубы табачного дыма, которые она продолжала выпускать, стали для него приятными и сладкими. Его чувства жалости и сострадания прервала сама Людмила. Она подошла к своему жениху, чмокнула его в щечку и ласково произнесла:

- Вовчик, мой дорогой, ты мне судьбой послан... Помоги мне деньгами, я всю жизнь одна лямку тянула и тяну...

Владимир от ее неожиданной просьбы несколько опешил. Через несколько мгновений он вообще чуть было не потерял дар речи, когда немка назвала ему сумму. Она была со многими нулями. Он сначала не мог из-за алкогольного дурмана их по-настоящему сосчитать. Он стоял и молчал. Людмила продолжала наседать. Со слезами на глазах она стала заверять мужчину в том, что перед выездом в Германию она продаст свою квартиру и с ним рассчитается. Затем вновь повторила, что он у нее твердый кандидат для создания семьи. Владимир от ее истошных заверений несколько протрезвел, ему уже с трудом верилось в искренность этой женщины. Скорее всего, он бы отказал в ее просьбе. Помешал ему это сделать Иван Петрович, который встал на сторону молящей. Они начали оба жалобно просить у него денег для ремонта. Жених кисло улыбнулся и покинул компанию. Через некоторое время он принес требуемую сумму денег. На радостях Людмила подошла к своему спонсору и крепко поцеловала его в губы. Он на ее поцелуй не ответил. Он почему-то почувствовал, что это ее первый и последний поцелуй в его жизни. Он невольно подумал и о том, что его трудовые деньги никогда к нему не возвратятся.

Впоследствии это так и оказалось. Через пару дней Иванов с одним из работников фирмы поехал выполнять заказ клиента. Адресат проживал в самом отдаленном микрорайоне города. Улица, на которой он жил, представляла собою грунтовую дорогу, пестрящую ямами и горами выброшенного мусора. Владимира страшила не только улица, но и дома, в которых жили люди. Двухэтажка, в которой жил его заказчик дверей, представляла собой не то барак, не то большой саманный дом старой постройки. Стены «особняка» настолько были обшарпаны, что виднелись полусгнившие бруски или доски. Вход в подъезд напоминал собой каток, на котором в случае неудачного падения можно было если не убиться, то основательно пораниться. Владимир с трудом открыл тяжелую дверь, которая скрипела, как несмазанная телега у нерадивого хозяина. Затем он поднялся по шатающейся скрипящей лестнице и стал стучать в дверь квартиры, номер которой был указан в заказе. Никто не отвечал, постучал опять и сильнее, опять молчание. Он постучал еще сильнее, так, что казалось - дверь не выдержит. Стучал он без всякого злорадства, работа с клиентами его многому научила. Были случаи, когда заказчики забывали о своих дверях. Бывало и другое... Владимир постучал в дверь соседей. Никто на его стук не реагировал. Он прислушался. По шуму, который исходил из соседней квартиры, он не сомневался, что там шла глубокая пьянка, притом чувствовалось преимущество мужчин. Он еще раз постучал. Через некоторое время дверь открылась и на пороге появился мужчина, который был упитанный и высокого роста. Узнав о цели визита незнакомца, он вошел в зал и стал звать соседа. Сосед пришел не сразу, скорее всего, у него не было большого желания покинуть компанию, пир был в самом разгаре. Он пришел минут через пять. Это был мужчина лет 40-45, лысый, с коротким несколько крючковатым носом. Узнав о том, что ему привезли дверь, он неслыханно обрадовался. Он то ли на радостях, то ли у него появилось желание еще выпить стал навязчиво приглашать Владимира к столу. Тот отнекивался, ссылаясь на нехватку времени. Но не тут то было. Неизвестно откуда появился знакомый упитанный. Он и лысый буквально внесли Владимира в коридор, а затем усадили его в кухню, за маленький столик. Толян, так назвал себя заказчик, принес ему полный стакан самогонки и предложил выпить за здоровье Людки, так звали его соседку. После этого он мгновенно

исчез, заверив работника фирмы, что через десять минут возвратится. Владимир, недолго думая, немного пригубил. Из своего жизненного опыта он прекрасно знал, что в этих компаниях лучший друг – это пьяный друг. Он также знал, что любая попытка трезвого человека навести здесь порядок может плохо закончиться. В лучшем случае, набьют физиономию или выкинут в окно, или того хуже... При этих мыслях он несколько съежился и втянул голову в плечи. Затем снял шапочку с головы и положил ее на стол. Он решил еще раз пригубить, поднес стакан к своим губам и внезапно его опустил. Стакан был явно грязный, на его дне было что-то синее, скорее всего, его по-настоящему не промыли, и следы не то из-под синьки-порошка или другого какого-то красителя в нем остались. Владимир, как опытный знаток самогонки, прекрасно знал чудодейственные и очистительные свойства первача. Дальнейшее «знакомство» с сосудом совсем отбило у него желание пить эту жидкость. На самой верхней части стакана остались следы чьих-то пальцев, обильно смоченных слюной, а может, и соплями... Это было отчетливо видно, тем более, что лучи солнца через кухонное окно весело играли на стакане. Сжав губы и полужакрыв глаза, он взял стакан и его содержимое быстро вылил в раковину. После «распития» он стал прислушиваться к голосам тех, кто сидел за столом в зале. Среди мужских голосов гость четко прослеживал голос женщины. При этом женский голос ему был явно знакомый. Невольно для себя, он почувствовал, что какая-то неведомая сила заставляет его выглянуть из-за шторы на кухне, которая условно служила дверью. Он осторожно встал из-за стола и высунул голову. За длинным столом, стоящим посреди зала, сидело около десятка мужчин. Все они были далеко не пионерского возраста. В самом центре стола, скорее всего, на правах хозяйки, сидела не кто иная как Людмила, его невеста. При виде важной некогда особы, которая нагнала страх на соседней-стариков, ему на какое-то время стало не по себе. Он машинально отпрянул и скрылся за занавеской. Он стал осмысливать происшедшее и происходящее. Он несколько не сомневался, что верховодила пьяной компанией именно эта немка, у которой он был самый твердый кандидат в женихи. После двух-трех минут размышлений он вновь высунул голову из-за занавески. Пьяной компании было не до него, никто из сидящих на него внимания не обращал. Сейчас он имел возможность спокойно наблюдать за

Людмилой. В метрах семи - десяти перед ним сидела уже другая женщина, которая была у него совсем недавно. Это была довольно толстая женщина с рыжими взлохмаченными волосами. Ее упитанное лицо без всякой «штукатурки» представляло собою обычную физиономию насквозь пропитой бабы. Вместо черных бровей, которые делали ее несколько раньше привлекательной, были не то рыжие, не то даже полубелые волосы. Она сидела без бюстгалтера, свидетельством этому являлось то, что ее груди были «распущены». Они то и дело выпадали из-под ее халата.

Наблюдение из засады продолжалось недолго. Однако этого для Владимира хватило, чтобы четко понять, в какое он дерьмо наступил. Толян почему-то все не приходил, а показываться на пьяный мир ему ой как не хотелось. Ситуация складывалась довольно непростая. Владимир решил ждать. Прошло пяти минут. Пьянка продолжалась полным ходом. Хоть каким-то образом скоротать время он решил выйти из засады. Он незаметно и очень тихо вышел в коридор. Коридор был очень узкий, где-то метр с небольшим и порядка четырех метров длины. Стены его были обшарпаны, кое-где виднелись ямки не то от выдернутых гвоздей, не то от следа молотка или от другого металлического предмета. Пол в коридоре, как и на кухне, был очень зыбкий, словно хотел провалиться вниз и обрушиться на голову соседей, не то был готов отпружинить идущего по нему и немного подбросить его к потолку. Потолок также был далек от идеального состояния. На нем проглядывались следы полусгнивших досок. Удивила Владимира и лампочка, висящая под потолком, она была черного цвета и висела каким-то образом на оголенном электрическом проводе. Скорее всего, когда-то произошло короткое замыкание и все перегорело, а умелых рук в этой квартире явно не доставало.

Его осмотр «достопримечательностей» прервал какой-то мужчина, который стремительно выскочил из зала и мигом пересек коридор, затем быстро скрылся за синими дверями неведомого помещения. Владимир мужчину полностью не видел, он появился за его спиной. Он только слышал, что в штанах бегущего что-то пукало и свистело, и все эти «процессы» обильно сопровождалась матерщиной, которую он изрекал. Владимир развернулся на сто восемьдесят градусов и посмотрел в сторону синей двери. Неведомым помещением оказался туалет. В этом он уже несколько не

сомневался. Посетитель приятного заведения так бурно и страстно оправлялся, что, казалось, его не то кряхтение, не то смачное сморкание слышали жители соседнего подъезда или даже соседнего дома.

Владимиру ничего не оставалось делать, как ждать, когда посетитель выйдет и вызовет в очередной раз Толяна. Через некоторое время дверь туалета открылась и из него вышел не кто иной как заказчик двери. Толян, увидев работника фирмы, сначала не «врубился», наверное, надеялся увидеть своего собутыльника, желающего, как и он, сходить по-маленькому или по-большому. Он тупо смотрел на Владимира и хлопал маленькими глазами. Только через некоторое время, скорее всего, у него что-то «замкнуло» в голове и он вспомнил о своей двери.

Установка двери заняла около двух часов, хотя у большинства клиентов Владимир с напарником устанавливал значительно быстрее. Виновником этому явился хозяин, по словам которого, он сам делал попытку установить новые двери, правда не железные, а деревянные. Деревянные косяки были страшно изуродованные.

Не успели еще занести железную дверь, как ее хозяин быстро разделся и полез в ванную. Он открыл кран с холодной водой и стал заполнять ею емкость. Вскоре он, немного поеживаясь и фыркая от удовольствия, начал вести монолог о своих собутыльниках и о своей соседке. Его собутыльниками в основе были офицерами из трудовой колонии. Основной «удар» Толян нанес по Людмиле. Он очень долго и очень многое болтал о своей соседке. Свой монолог он иногда прерывал. В это время он то засыпал, то скрывался под водой. Последнее пугало работающих, они боялись, что мужчина под водой захлебнется и отдаст концы. Особенно боялся этого напарник Владимира, который работал в фирме первый месяц и проходил испытательный срок. Молодой парень частенько заглядывал в ванную комнату, иногда брал Толяна за остатки его волос и вытаскивал его голову из воды. «Утопленник» в ответ на это что-то бормотал себе под нос. На какое-то время его мозги получали «просвет» и он вновь начинал свой монолог.

Из его пьяного монолога Владимир очень многое узнал из жизни своей «невесты». Многие для него до сего времени были неведомым. Людмила родилась в деревне, здесь

и нашла своего любимого, который после «дембеля» подался в милицию. По словам Толяна, в то время носить красную фуражку хотели те, кто не хотел работать или не дружил с грамотой. Новоиспеченному милиционеру с двумя лычками на погонах сразу же дали комнату в трехкомнатной квартире. Простому работяге в те времена даже десять квадратов в таком большом городе и не снились, а милиционеру вот дали, притом в самом его центре. Младший сержант был водителем, возил начальника. Какого начальника, Толян почему-то не сказал, не стал этим интересоваться и Владимир. У соседей сначала все шло хорошо. Через пять лет неожиданно нагрянула беда. Однажды весной муж Людмилы повез своего начальника на «блядки» в деревню, расположенную в трех километрах от города. Ну и там нализились под завязку. Из деревни выехали рано утром, хотели на работу успеть. Трагедия произошла на дороге. Небольшие лужи воды от снега, растаявшего днем под весенним солнцем, к утру основательно промерзли и представляли собой настоящий каток. Водитель УАЗа, который несся на большой скорости, то ли растерялся, то ли немного заснул за рулем, не смог справиться с управлением машины. Ее стало мотать из стороны в сторону, потом она ударилась о грузовик, который шел ей навстречу. Удар пришелся на то место, где сидел водитель. «Блядки» для милиционеров закончились очень плачевно. Водитель погиб, начальник отделался ушибами и пролежал в больнице около двух недель. Для личного состава милиции и для окружающих официально было сообщено, что сержант погиб при исполнении служебных обязанностей.

После смерти мужа на руках Людмилы осталось двое детей, сын и дочь. Жизнь у нее пошла под откос. Другого суженого она не нашла, а может, и не хотела. Лет десять назад соседка была красивой и стройной, да и сейчас она не уродина, если хорошо себя «приберет», да и в постели она баба что надо. Сказав эти слова, Толян вытащил руку из воды, и задрав большой палец руки вверх, весело засмеялся. Не скрыл он от работающих и весомое достоинство Людмилы, как ее страсть к военным. Причину этого вскоре объяснил сам Толян. Он, несмотря на воздействие алкоголя, быстро выскочил из ванной и в чем мать его родила, продефилировал к шифоньеру, который стоял в зале. Затем он вытащил из него милицейский китель и одел его на свое тело. Китель с

погонами майора милиции был еще в пору офицеру запаса. Потом он стал маршировать по залу и отдавать громкие, непонятно кому, команды. После «муштры» он снял китель и вновь залез в ванную. Смачно высморкавшись из обеих ноздрей на пол ванной комнаты, он опять начал монолог. Чем больше «испускал» информации хозяин квартиры о Людмиле, тем мрачнее и тоскливее становилось на душе у Владимира. Прошлые «невесты» убивало «жениха». Ее дети, которые по словам Толяна, «выпали» не из того места приносили женщине много проблем. Ее двадцатипятилетний первенец-сынок, не окончив восьми классов, нигде не работал. Не работала и ее дочь, которая очень любила выпить и трахаться с мужиками. Они, насытившись ею, довольно часто ее избивали. Молодуха три раза выходила замуж и все без толку.

Демократические перемены в стране внесли свои коррективы и в жизнь обитателей милицейской квартиры. Пять лет назад два соседа-милиционера уехали в горячую точку. Для одного из них командировка оказалась последней. Гроб с телом погибшего соседа привез другой сосед. Оба сержанта получили равные высокие боевые награды, правда, один посмертно, другой при жизни. В одной комнате были слезы и горе, в другой радость и страстные поцелуи. Совсем недавно соседи Людмилы выехали из «общаги». Они получили отдельные квартиры – одна как семья погибшего, другая как семья героя, правда, еще живого. Трехкомнатная квартира, в которой жила Людмила со своими детьми, нуждалась в ремонте, притом в основательном.

Информация Толяна о половой страсти «невесты» Владимира очень бесила. Она также вызывало ухмылки и у его напарника. Хотя Людка мужа не искала, однако она была порядочной стервой, которая, по словам отставника, пропустила через себя целый мотострелковый батальон. Владимиру не хотелось верить в эту чушь, но он почему-то верил. Он прекрасно знал, что подвыпившие люди, как правило, очень редко кривят душой. Ведь недаром в народе говорят, что у трезвого человека на уме, то у пьяного – на языке. И это жизненное кредо подтвердилось уже в самом конце работы. Толян не подозревал, что Владимир имел какие-то планы на его соседку. Он сказал, что Людмила вскоре выйдет замуж за нового русского, который сильно рвется за бугор. Он на радостях отвалил ей большую кучу денег для ремонта квартиры. После этого Владимир для себя

окончательно решил, что короткая история с Людмилой - уже законченный роман. У него на душе было скверно, ему неожиданно для себя захотелось расслабиться и поболтать с плешивым офицером запаса. Он вытащил из кармана деньги и отправил своего напарника в магазин. Юрка, так звали его напарника, также был не против выпить и послушать очередные сплетни лысого. Пока Юрка ходил за водкой и закуской, Толян вылез из ванной и пошел в комнату переодеваться. Через некоторое время перед Владимиром появился мужчина уже в другом одеянии. Оно было скромное и примитивное. Толян просто-напросто напялил на себя офицерские кальсоны. Они из-за частой стирки, а может, из-за давности существования, были не то серого, не то светло-синего цвета. В некоторых местах сияли дырки, из-под которых выглядывали его телеса.

Юрка вернулся очень быстро, что обрадовало ожидающих. К хлебу, колбасе и литровке-бутылке, которую он купил, хозяин прибавил малосольные огурцы и большой шматок сала. Первый тост за «железного друга» был кстати для Владимира. Спиртное приятно разошлось по его телу, немного вскружило голову. Гости наострили уши для восприятия очередных сплетен хозяина. Но не получилось. Неожиданно для всех в металлическую дверь кто-то сильно постучал. Толян открыл дверь, на пороге появилась женщина. Она быстро схватила его обеими руками за уши, притянула их к себе и смачно чмокнула губами его лысину. Толян от удовольствия крикнул и, в свою очередь, шлепнул рукой женщину по заднице. Она, восприняв это как должное, неожиданно разразилась матерной бранью в несколько этажей, которая адресовалась неведомому продавцу «комка». Гостей мат вошедшей сильно удивил. Однако незнакомые мужчины ни чуть не изменили ее поведения. Она смело вошла на кухню и не то пропитым, не то простуженным голосом стала нахваливать «деловые качества» металлической двери. Ее болтовня быстро улетучилась при виде выпивки и закуски на столе. Однако она почему-то не ринулась к спиртному. Скорее всего, причиной тому был Толян. Она только сейчас заметила его одеяние, от удовольствия чуть было не заржала. Женщина и мужчина несколько секунд стояли напротив друг друга и весело смеялись. Первой противостояние нарушила женщина, она сделала выпад в сторону Толяна и мигом схватила рукой то, что выпучивалось из-под кальсон между его ног. Тот от неожиданности вскрикнул и немного

отскочил в сторону, затем схватился обеими руками за свое интимное место. Из его глаз текли слезы. Дальнейшее поведение представительницы слабого пола работников фирмы просто шокировало. Она вошла в ванную комнату, дверь которой была открыта и стала раздеваться. Затем развернулась на сто восемьдесят градусов, и представ перед мужчинами в полной наготе, предупредила их о том, что пировать без нее запрещается. Хотя бесплатный стриптиз для мужчин был не очень продолжительным, но он произвел на них ошеломляющее впечатление. Толян объяснил причину визита Оксаны, так звали его знакомую. У нее дома не было ни ванны, ни мужа. Оксана оказалась компанейской женщиной и уже после первой рюмки стала рассказывать о себе. Кое-что она дополнила и о жизни Людмилы, которая два месяца назад устроилась работать в городском ломбарде, секретарем у директора. Он в недалеком прошлом был полковником милиции. Только сейчас Владимир понял источник «богатства» своей «невесты»... Дальнейшее пребывание у Толяна он считал бессмысленным, и он покинул его квартиру.

К сожалению, быстро попасть домой не удалось. Не успели фирмачи отъехать от дома, как их микроавтобус почему-то заглох. Попытки Юрия завести двигатель были безуспешными. Мужчины почти полчаса «колдовали» над двигателем, но он не заводился. Решили проверить бензобак, стрелка датчика была на нуле. Водитель начал чертыхаться и материться, так как перед поездкой он заправился под завязку. Затем он полез под машину и уже окончательно убедился в том, что бензин был слит из топливного бака. Радовало то, что сливная пробка была на «соплях» ввернута в его днище. Голосовать на дороге в надежде «стрельнуть» десяток литров бензина было бессмысленно. Страна, плавающая в океане нефти, задыхалась от недостатка бензина, кое-где закрывались бензоколонки. Юрка, не долго думая, побежал на автобусную остановку. В его гараже была резервная канистра.

Начало темнеть. Владимир решил немного побродить. Он никогда не был в этом районе города и поэтому каждый дом и улица были для него новыми и незнакомыми. Перед ним показался продовольственный магазин, возле которого на скамеечке сидели три бабушки и один мужчина-казах, приблизительно такого возраста, что и он. Все они торговали. Перед ними, прямо на слегка припорошенной снегом земле, стояли банки с

огурцами, а также с грибами. Здесь также стояло ведро с картофелем, небольшой мешок с семенами подсолнуха. Была и другая съестная всячина. В метрах трех от торгующих на корточках сидел молодой верзила, скорее всего, он был двухметрового роста, или около этого. Его физиономия представляла собой «изделие» далеко не первоклассной работы. Ключья густых рыжих волос, выглядывающих из-под шапки-ушанки ниспадали на его уши. Они были очень большими и напоминали собой лопухи. Верзила о чем-то болтал с бабками и все время щелкал семечки, шелуха от которых разлеталась в стороны. Перед ним стояла бутылка вина, из которой он то и дело высасывал жидкость. Он чувствовал себя как владыка. Владимир зашел в магазин, в котором торговля шла полным полным ходом. Несмотря на то, что выбор продуктов питания был достаточно велик, в первую очередь, импортного производства, покупатели брали в основном отечественный хлеб и спиртные напитки. Поглазев на прилавки, он вышел на улицу и вновь подошел к торговкам. У него появилось желание купить банку маленьких грибов у казаха. Цена «кусалась», пришлось торговаться. Неожиданно к торгующим подъехал милицейский УАЗ, из которого вышли два милиционера. Они были с дубинками и с пистолетами. Дальше события разворачивались очень нестандартно, в крайнем случае, так казалось Владимиру. Один из милиционеров, тот что был повыше ростом и покрупнее, подошел к верзиле сзади и неожиданно для окружающих резко ударил его дубинкой. Удар пришелся по спине и немного срикошетил по шее. Верзила сильно вскрикнул и упал на колени. Оскалив зубы, он пополз в сторону машины. Затем привстав, он попытался залезть на заднее сидение УАЗа. И как раз в этот момент свою «изобретательность» показал другой «слуга» народа. По мнению Владимира, он был новичком. Об этом свидетельствовала его новая форма и его мальчишеский возраст. Он с силой ударил ногой в спину верзилы. Удар получился молниеносный и сильный. От его удара рыжий вскрикнул и ударился зубами о верхнюю часть полуоткрытой машины. Экзекуция на этом закончилась, скорее всего, милиционеры, посчитали, что этого достаточно. «Владыка» смиренно сидел на заднем сидении и рукавом вытирал кровь, сочившуюся из его рта. Нельзя было не заметить, что он от первого удара дубинкой основательно обмочился.

Бабки в один голос стали благодарить милиционеров за наведение порядка на торговой точке. Правда, одна из них начала причитать и плакать. Сквозь слезы она просила деток в милицейской форме не бить мальчика, сидящего в машине. Новичок подошел к плачущей и тихо произнес:

- Бабушка, этот большой малец никогда уже не будет заниматься поборами. Не сделают этого и его дети... Одним словом, все будет у вас нормально...

Через пару минут машина уехала. Старухи еще долго судачили о благородстве милиционеров и о происках безусой пацанвы. Взрослые школьники довольно часто нарушали равномерный ход незаконной торговли бабок. Они плотным кольцом окружали торговую точку, набивали свои карманы семечками, затем убегали, конечно, не заплатив за лакомство ни копейки. Иногда издевались. Одна из бабок рассказала по этому поводу довольно плачевную историю, которая произошла этим летом. Ее подруга решила задержаться «на работе», так как люди еще бродили по улицам, да и желание подзаработать брало вверх над личной безопасностью. К ней подошли двое молодых ребят, хотели купить бутылку водки, просили за полцены. Женщина, конечно, не соглашалась. Один из парней неожиданно что-то поднес к ее глазам, от чего она потеряла сознание. Торговку сразу же отвезли в больницу. Уже позже узнали, что «пугалом» оказался муляж или нечто другое, напоминающее живую змею.

Неожиданно у Владимира в ходе затянувшейся беседы с торгашами в животе что-то заурчало, ему захотелось в туалет. Он прекрасно знал, что в этих краях общественный туалет и днем с огнем не сыщешь, и поэтому крепился, надеясь на то, что вот-вот придет его напарник и все обойдется. Но увы, не получалось. Его желудок не на шутку взбесился. Он то потел, то краснел. Чувствуя безнадежность своего «биологического» положения, он решил обратиться к мужчине-казаху. Узнав об его «горе», тот весело рассмеялся и решил ему помочь. Его дом находился в нескольких шагах от рынка. Владимир без происшествий добрался до «приятного» заведения и облегченно вздохнул. Понимал его «счастье» и Максим, так назвал себя хозяин. Он пригласил его за стол покушать и выпить. Неожиданный гость не стал отнекиваться. Юрки все не было, желудок его больше не беспокоил, да и его голова проветрилась на морозном воздухе. Максим

вытащил из холодильника литровую банку самогонки, затем налил каждому по полному граненому стакану. Такой объем спиртного Владимир пил очень-очень редко, но сейчас почему-то не отказался. Мужчины первый стакан пропустили свободно, соленые огурчики и соленые грибы были как раз кстати. Да и тема для разговора была чрезвычайно важной. Они стали костерить местные власти, которые с самого начала просоветской капитализации сделали общественные туалеты платными, что по меткому замечанию хозяина, резко сократило число засранцев из простого люда и увеличило число оных из числа верхушки. По его словам, это, вполне возможно, и правильно. Нищие живут на хлебе и воде, богатые жрут и пьют до отвала.

В подобной туалетной истории, которая приключилась с Владимиром, совсем недавно был и сам хозяин. Он работал тогда инженером и довольно часто ездил в командировки. Во время одной из них он ночью вынужден был сделать пересадку в небольшом сибирском городе, где добывалось очень много нефти. Он, довольно долго простояв в очереди, купил билет и решительно направился в зал ожидания. Возле входа, откуда ни возьмись, появились два парня в шапках-ушанках и потребовали билет. Один из них долго крутил его перед своими глазами, потом сказал, что вход в зал разрешен только тем, у кого поезд отправляется через шесть часов. Максим до времени «Ч» не дотягивал тридцать минут. Пришлось платить. Стражи порядка, пропустив его через металлическое препятствие, напоминающее вертушку для убоя скота на мясокомбинате, и получив деньги, квитанцию об оплате почему-то не выдали. На его вопросительный взгляд один из парней взял авторучку и на небольшом клочке бумаги сделал какую-то закорючку, затем усмезнулся и отдал «просящему». Тому ничего не оставалось делать, как взять сиюминутно испеченный «документ».

Зал ожидания был пуст наполовину, Максим выбрал себе место поудобнее. Он сел на скамеечку перед каким-то большим цветком или растением, и перед телевизором, который был прикреплен к потолку и висел на тонких канатиках. Место для отдыха было очень тихое и спокойное. Он снял зимние сапоги и поставил на них свои ноги, дабы дать им отдохнуть. Ремень дорожной сумки он взял под руку. Уснул он моментально, сказала дальняя дорога и небольшой кутеж в поезде. Командированный проснулся где-

то через три часа. Его первое желание надеть родные сапоги, ему выполнить не удалось. Вместо его новых, которые ему купила любимая жена на день рождения, стояли старые, разбитые сапоги. Несмотря на это, он и этому был очень рад. Они оказались того же размера, что и его уже бывшие новые.

Однако приключения на этом не закончились. Воры «увели» и его дорожную сумку, отрезав ее от ремня, который лежал рядом с ним. Пострадавшего неожиданно стал подпирать его желудок. Мужчина стремительно выскочил на перрон, надеясь найти туалет. Рядом его не было. Первый встречный прохожий сказал, что приятное заведение находился неподалеку от автоматической камеры хранения, за углом вокзала. Поиски ничего не дали, туалет как сквозь землю провалился. За углом вокзала, кроме груды камней и каких-то плит, запорошенных снегом, пассажир ничего не видел. Его выручил паренек, проходящий мимо, который с ухмылкой произнес:

- А Вы, господин, очень внимательно смотрите себе под ноги. Обязательно смотрите вниз, внизу будет лестница и подземный туалет...

Ничего не оставалось делать, как строго выполнять наставления молодого знатока. Максим сделал еще несколько шагов вперед. При очень тусклом свете фонаря он увидел небольшую дыру, которая чем-то напоминала не то лаз партизанской землянки или вход, наспех сооруженного бомбоубежища. Так как на пути дальнейшего следования в туалет никакого источника света не было, ему пришлось спускаться на авось, опираясь руками об стенку, которая внезапно появилась в кромешной тьме. На середине пути с тем, кто мечтал оправиться, произошло непредвиденное. Неожиданно он наступил на что-то мягкое, поскользнулся и кувырком полетел вниз. Он, прилично ударившись головой о что-то металлическое, невольно увидел перед своими глазами тусклый луч света. Сомнений уже у него не было, это был долгожданный туалет. Он напоминал собою небольшой подвал, из которого несло холодом и вонью. С его потолка капала вода, по углам комнаты четко вырисовывались различного размера и конфигурации белые снежные сосульки. Над отхожим местом сбоку располагалась довольно крупного сечения металлическая труба, из которой периодами не то лилась, не то просто журчала вода. Упавшему с лестницы ничего не оставалось делать, как сделать свое естественное дело.

Уже потом, когда ему значительно полегчало, он снял с себя верхнюю одежду. Его куртка, шапка, брюки и сапоги оказались в человеческом дерьме. Только сейчас до него дошло, что большинство высокоорганизованных существ, имеющих две руки и две ноги, а также и еще голову, дабы не сдавать нормативы спортивного скалолазания и не сломать себе шею, просто-напросто оправляли свои естественные надобности прямо на ступеньках. Мороз делал свое дело, и поэтому вместо лестницы получился своеобразный ледяной каток, в определенной мере состоящий из человеческого дерьма и мочи. Кучи человеческого дерьма были не только здесь внизу, но и вокруг груды кирпичей наверху. Это сейчас только понял неудачник, когда он наверху искал туалет. До этого он думал, что мало приметные бугорки, просто есть комья снега. В заключение первой части своей смешной истории Максим сделал теоретическое заключение. Нет денег – вали в штаны. Затем он предложил новый тост, правда, не за засранцев некогда богатой и великой страны, а за то, чтобы больше было бесплатных туалетов. Владимир этот тост без всяких амбиций поддержал.

Хозяин, сделав небольшую передышку, опять принялся смаковать о причудах своего пребывания на ночном вокзале сибирского города. После посещения бесплатного туалета и косметической очистки от человеческого дерьма, он в летней форме одежды направился в сторону главного входа. Шапку, брюки, пиджак, носки ему пришлось завернуть в зимнюю куртку. Сам же он остался в зимних ботинках и в спортивном трико. До входа в вокзал одинокие прохожие его не замечали, а может, им было все безразлично. Однако для желающего попасть во внутрь здания, это были только цветочки, ягодки для него, оказывается, были еще впереди. Стоило только ему переступить порог помещения, как медленно, но очень уверенно полузаспанная толпа сидящих и стоящих вокзальных зевак стала глазеть на вошедшего. Стремясь хоть как-то уйти от этих взглядов, он сделал попытку шмыгнуть в зал ожидания. Но, увы... Опять двое, но уже очень упитанных и бритоголовых стражей, преградили ему путь. Затем попросили его предъявить железнодорожный билет. Максим мотнул головой, хотя его билет и «квитанция» лежали во внутреннем кармане пиджака, который находился в «объятиях» зимней куртки. Неожиданно один из бритоголовых зажал нос и

поинтересовался, что случилось с пассажиром. Только сейчас, находясь в тепле, он и сам почувствовал вокруг себя неприятный запах человеческого дерьма. Объяснения новоявленного «туалетного» работника о причинах появления специфического запаха контролеры к своему сердцу близко не воспринимали. К пассажиру неожиданно подошел омоновец, грубо схватил его за шиворот, и подталкивая дубинкой, повел его к дежурному по вокзалу. Дежурная, довольно милая женщина, узнав об «особенностях» пассажира, позвонила в милицию и попросила срочно приехать наряд. Хотя на вокзале были и свои милиционеры, которые, наверное, не хотели возиться с вонючим пассажиром .

До приезда наряда вонючего пассажира выставили на свежий воздух. На улице было чуть за тридцать градусов мороза. В милиции сделали еще проще. Молодой тупорылый сержант, хорошо врезав дубинкой по спине казаха, приказал ему догола раздеться. Затем приказал ему идти в туалет и помыться. После окончания водной «процедуры» несчастный тщательно помыл туалет и побрызгал его одеколоном, который принес ему милиционер. Поглядеть на абсолютно голого мужика изъявил желание дежурный по отделу. Максим, приняв строевую стойку, очень бойко отвечал на вопросы офицера. Затем его попросили подписать какую-то бумагу. Его попытка, хоть что-то прочитать, успехом не увенчалась. Во-первых, почерк начальника был слишком неразборчивым. Во-вторых, милиционер с маленькими звездочками на погонах дал ему понять, что здесь он начальник и поэтому он всегда прав. Эпилогом довольно смешной истории явилось то, что домой Максим приехал только через неделю. Весь срок «наказания» он использовался, как рабочая сила. Домой приехал во всем чистом одеянии, правда, без часов. Их просто забрали стражи правопорядка, за услуги и за «вредность».

Максим оказался простодушным мужчиной, не скрягой. Он подарил гостю трехлитровую банку грибов, что, конечно, его очень обрадовало. Грибы всегда напоминали ему далекое детство и его родителей. Он тепло поблагодарил хозяина за гостеприимство и вышел на улицу.

На улице уже было темно, возле рынка также никого не было. Юрка, прогрев двигатель, ждал своего шефа. Через полчаса Владимир был дома. Он быстро разделся и

полез в ванну, затем стал анализировать то, что услышал сегодня от Толяна о Людмиле. Он еще не верил в эти возможные сплетни. Вспомнив на какой-то миг поцелуй прокуренной «невесты», он быстро встал из ванной и стал искать зубную щетку с зубной пастой. Затем стал быстро и с ожесточением чистить свои зубы и полоскать рот. Ему хотелось навсегда искоренить некогда «приятный» запах курева и поцелуя этой женщины. Он вновь опустился в воду и все думал, думал.

На следующий день Владимир к обеду позвонил Людмиле на работу. Из трубки раздался ангельский голосок, который сразу стал интересоваться его здоровьем и успехами. Его попытки перевести разговор на щепетильную тему к успеху не приводили. Женщина не давала ему раскрыть рот. Она тараторила о том, что у нее все идет гладко и без проблем. Ремонт квартиры у нее уже заканчивают и она сейчас в поте лица работает над оформлением документов на выезд. Воркующий голосок прошебетал и о финансовых трудностях. Владимир сразу понял, к чему она клонит. Он решительно прервал ее монолог, что вызвало ее явное раздражение. Вовик, так она называла своего «жениха», не на шутку рассердился. Он без всяких подходов и преамбул решил рассказать все, что он видел и слышал об этой чистокровной немке. Получилось, что он почти по-военному отчихвостил свою «невесту». Его монолог также содержал в себе нецензурную брань, построенную в несколько этажей. Владимира, как говорят в народе, прорвало. Его бесило, что так называемая чистокровная немка на самом деле была малообразованной и нищей женщиной, кроме этого, она была еще первостатейной проституткой и пьяницей. Иногда он очень близко прижимал к своему уху телефонную трубку, думал, что она его не слушает. Нет, она его слушала и молчала.

Выпустив весь свой «пыл и пар», он потребовал незамедлительного возвращения своих денег. Бывшая «невеста» очень сухо и официально ответила, что деньги она возвратит ему через пару недель. Бывший жених не получил своих денег ни через неделю, ни через две, ни через месяц... Стоило только ему звонить в ломбард, как на другом конце провода раздавались какие-то помехи, потом следовали короткие гудки. Обращаться по поводу денег в милицию ему было неудобно, скорее всего, бесполезно.

Он прекрасно понимал проигрышный исход своей партии, в которой взяла верх аферистка по имени Людмила.

Зуд по выезду в Германию у Владимира прошел быстро, постепенно стала выветриваться из его памяти и надежда когда-либо встретиться с Анной. Он стремился жить, как все люди на этой земле. Неплохой заработок позволял одинокому мужчине вести безбедное существование, но без большого шика. Зимой заказов на изготовление дверей было меньше, в субботу и в воскресенье он, как правило, отдыхал. В эти дни он пропадал в мужской компании, которая в составе 3-4 человек посещала рестораны, сауны, выезжала на зимнюю рыбалку и охоту. «Мероприятия» не обходились без хорошего застолья, частенько в кругу мужчин были и женщины. Владимир постепенно втягивался в эту новую, так называемую, рыночную жизнь страны и города. Да и сама работа вносила коррективы в образ его жизни. Через месяц после истории с Людмилой, шеф фирмы предложил ему стать одним из его заместителей. Иванов долго не думал, сразу же согласился. Его новая работа в корне отличалась от предыдущей. Ему предстояло осуществлять контроль за исполнением заказов, а также оценочная стоимость заказов и произведенных работ. Новая должность потребовала наличие собственного транспорта. К удивлению руководства фирмы, да и недавних коллег по «железным занавескам», так прозвали в фирме железные двери, Владимир купил обыкновенный «Запорожец». Машине было десять лет, но она выглядела почти новой. Хозяин-продавец оказался толковым мужиком в автомобильном деле и ее сберег. Владимир не обижался на тех, кто над ним подшучивал, когда он подъезжал к фирме на стоянку, которая пополнялась разноцветными иномарками.

Наличие «быстрого» транспорта у «нового русского», к этому сословию кое-кто стал причислять и Владимира, довольно часто становилось темой для шуток и очередных анекдотов за столом у Ивана Петровича. Частенько бывало, когда Николай после работы забегал на чай к своим родителям, одновременно приглашал к ним и их соседа. Новенький «Мерседес» достигал конечной цели через десять минут, подчиненный приезжал на двадцать-тридцать минут позже. И как уже это заведено у русских, всегда пил «штрафную». Николай все больше и больше доверял Владимиру в организации своего

производства. В этом доверии основную роль, конечно, играли деловые качества мужчины. Его значение и роль возрастала с каждым месяцем, поднимался престиж и самой фирмы. О ней стали писать в областной прессе, ее руководителей приглашали и на местное телевидение. Далеко не последнее место в укреплении ее имиджа играла благотворительность. Фирмачи оказывали безвозмездно денежную помощь многим воинам-афганцам, одиноким инвалидам и детским садикам. Сибиряки, как и вся страна, независимо от социального положения, все больше и больше одевались в «металл».

Нарастающий вал преступности вынуждал руководство фирмы совершенствовать запирающие свойства замков и дверей. Некоторые клиенты жаловались, что двери, произведенные фирмой, ворами вскрываются. Жалобы людей вынуждали руководителей «двигать» мозгами. Шеф и его заместители довольно часто просиживали в кабинете, дабы найти скорейший выход из создавшегося тупика. В городе число подобных фирм росло, они все больше и больше заявляли о себе. Николай делал все возможное, чтобы не разориться. Он лично сам побывал в тех квартирах, двери которых были вскрыты. Ради всевозможных запоров он побывал и у «новых русских», которые были его клиентами и довольно часто привозили «чудо-замки» из-за рубежа. Опирался он и на «Кулибиных» своей фирмы, в которой уже работало почти сто пятьдесят человек. Для «специалистов» ключевого дела был установлен специальный приз – ящик «Русской водки». Прямо в цехе дверь заказчика проходила апробирование «взломщиков». Прошел месяц, второй... Приз продолжал стоять. «Кулибиным» конца двадцатого века оказался один из заказчиков, «новый русский», который лично сам приехал за заказом. Мужчина лет 50-55 лет, в длинном коричневом кожаном пальто, попросил установить дверь на специально сделанное приспособление и стал рассматривать результат работы сотрудников фирмы. Дверь ему понравилась. Мастер, видя довольную улыбку солидного клиента, стал интересоваться маркой замка для заказчика. С этой целью он подвел его к стеллажу -полке, на которой лежало около полусотни чудо-замков как отечественного, так и импортного производства. Но увы... клиент все замки забраковал. Мастеру ничего не оставалось делать, как еще раз проинформировать его о технической надежности лежащих замков. Новый русский всю эту информацию почему-то мимо своих ушей

пропустил. После некоторого раздумья он вытащил мобильный телефон и стал куда-то звонить. Через две-три минуты в цех пришел довольно накачанный молодой человек, скорее всего, это был его водитель-телохранитель. Он подал своему шефу небольшой чемодан, в котором был замок импортного производства. Заказчик дал целую уйму указаний по установке чудо-замка и сказал, что завтра вечером он придет еще раз посмотреть на дверь и произведет с фирмой расчет. Мастеру ничего не оставалось делать, как проинформировать шефа о странностях богатого клиента.

На следующий день к приезду заказчика все было готово. Его дверь стояла на специальном стенде-нише, что соответствовало ее высоте, ширине и толщине, то есть тем размерам, которые он заказал. Николай и его заместители по-дружески встретили нового русского. Перед ними стоял уже немолодой мужчина в коричневом пальто из кожи, в джинсах и в добротных теплых сапогах импортного производства. Он почему-то был без головного убора, хотя на улице было очень холодно. Лицо его было необычным, во многом отличалось от тех физиономий новых русских, которые описывала печать или телевидение. На его левой щеке были заметны следы шрама, скорее всего, это был след ножа или другого острого предмета.

Новый русский еще долго рассматривал свой заказ, чувствовалось то, что все ему нравилось, все было сделано по его вкусу. После осмотра он достал из кармана брुक ключ и стал открывать дверь. Замок открылся легко, дверь также открылась очень легко, не издав никакого скрипа. Обе стороны были довольны. Клиент вытащил из кармана пальто «мобилку» и куда-то позвонил. Затем он направился в приемную директора фирмы, чтобы расплатиться за дверь. Директор по пути в свой кабинет в очередной раз похвалился качеством работы своей фирмы и сказал о том, что его замки одни из самых лучших в мире. Напомнил он и о специальном призе - ящичке русской водки. Приз, скорее всего, и «достал» клиента. Он мгновенно из серьезного мужчины, на голове которого была копна седых волос, превратился в озорного пацана. Он заверил директора в том, что откроет замки всех дверей, которые ждут своих заказчиков. Его открытое бахвальство очень сильно задело главного фирмача. Мужчины стали спорить. Николай был готов спорить на миллионы. Он был уверен в своей победе, так как сотни клиентов и его

работники как по-трезвому, так и на пьяную голову не могли открыть ни одного замка, которые использовались фирмой за последние полгода. Под бурные аплодисменты окружающих Николай предложил пари и назвал ошеломляющую сумму в десять тысяч долларов для тех, кто выиграет. Это означало, если клиент откроет двери, стоящие на стендах, то он получает эту сумму, если нет, то он платит шефу фирмы.

Услышав условия спора-договора, Владимир решительно подошел к своему шефу и отвел его в сторону. Затем шепотом стал просить его не участвовать в этой аванюре, в лучшем случае, поставить на спор одну тысячу долларов. Советы старшего по возрасту сделали свое дело, на кон ставилась тысяча долларов. Победитель также получал по ящику водки за каждый открытый замок двери, таковых оказалось пять. Жюри не было, необходимость в нем отпадала. Все работники фирмы были в цехе и наблюдали за происходящим. Каждый из них думал, что незнакомец или дурак, или такой уже богатый, что не знает куда девать деньги. Все склонялись к последнему.

Тем временем клиент вновь вынул мобилку из кармана и стал куда-то названивать. Минут через пять в цех вошел молодой человек крепкого телосложения, в руках у него был дипломат. Шеф открыл плоский чемоданчик и стал очень внимательно рассматривать его содержимое. Затем он снял пальто и подошел к первой двери. После этого он попросил всех зевак удалиться, оставив возле себя только одного начальника. Потом он вытащил из дипломата черную повязку и лично сам завязал ею глаза директора. Никто не мог видеть того, что «творил» новоиспеченный «Кулибин». Уже несколько позже, находясь в квартире своих родителей, Николай с усердием смаковал об уникальных способностях нового русского. Сам он ничего не видел, но его уши воспринимали порою что-то тикающее и свистящее, даже нечто журчащее... Через тридцать минут седой сообщил шефу фирмы, что его первый и самый трудный экспонат взят, то есть вскрыт. Еще через двадцать минут он сообщил об очередной своей победе. Терпение у шефа фирмы лопнуло, он обеими руками сорвал со своих глаз черную повязку... Экстра-взломщик спокойно сидел на стуле перед своим очередным экспонатом и также спокойно потягивал сигарету. Весть о безоговорочной капитуляции шефа мгновенно дошла до работников фирмы, которые стояли за дверями и ожидали, конечно,

другой результата, но только не провала своих технических новинок «железной» фирмы. Однако траур по этому поводу продолжался недолго. Людей как будто подменили. Некогда управляемый коллектив превратился в толпу не то зевак, не то болельщиков, которые только что узнали о жизни на Марсе или о победе своей дворовой команды над сборной Бразилии. Входная дверь в доли секунды была снесена, и люди, как мощный поток воды, втиснулись в цех. Все сообща и каждый в отдельности был поражен «техническими возможностями» нового клиента. В цехе наступила нестандартная ситуация. Рабочие, стоящие вдоль стен и возле станков, готовы были носить на руках своего «технического врага», который за какие-то полчаса очень сильно подмочил репутацию их фирмы. Всех удивило и дальнейшее поведение нового русского. Он спокойно встал на стул и очень громким, несколько властным голосом призвал стоящих к спокойствию и порядку. Затем он стал говорить. Его монолог по времени был очень коротким, но колоритной, как говорят, брал за живое. Оратор сделал короткий экскурс в историю технической мысли, не забыл он упомянуть и о космических кораблях и, конечно, о простых Иванах Кулибиных, число которых, по его словам, в демократической России растёт с каждым днем. Поразила всех и концовка его выступления. Он как будто совсем недавно всплыл из недалекого партийно-советского прошлого и произнес здравицу в честь взломщиков, которым как и сейчас, так и в будущем будут покоряться все замки отечественного и импортного производства. Услышав приятные слова о национальной гордости россиян, толпа не выдержала и мигом приблизилась к оратору. Через несколько мгновений «национальный герой» был подхвачен десятками крепких мужских рук, и с криками «Ура!» толпа стала носить его по цеху. Вполне возможно, радостное шествие продолжалось значительно больше, если бы не раздался зычный голос директора. Большинство подчиненных поняли свою ошибку и стали по-детски друг друга одергивать. Кое-кто, опустив головы вниз, боязливо и заискивающе смотрел в сторону своего шефа.

Новый русский, как и раньше, вел себя довольно прилично, что вызывало определенные симпатии и у Владимира, стоящего неподалеку от своего директора. При гробовом молчании своих сотрудников он доложил им о своем провале и вручил новому русскому тысячу долларов. Затем он собственными руками составил в один ряд

пять ящиков водки. Деньги были в руках победителя, водка стояла возле его ног. Неожиданно для всех он поднял свою руку вверх. Сотни глаз невольно впились в указательный палец сиеминутного властелина их душ. Чеканя слово за словом, как это бывает на военных парадах, он известил о том, что водку он дарит пролетариату, а тысячу долларов жертвует детскому дому, в котором он когда-то жил. Эта новость вызвала шквал аплодисментов среди зевак. Небольшое помещение, казалось, вот-вот развалится от оглушительного звука, который издавали сотни рук. Николай поднял руку, аплодисменты прекратились. Он от души поблагодарил за пристальное внимание нового русского к его фирме, пролетариату и детскому дому. Затем он тепло обнял седого и проводил его до «Мерседеса», который стоял уже на парах.

После ухода нового русского управление фирмы принялось делить водку. После простых подсчетов оказалось, что сотни бутылок не хватает, если делить по бутылке на каждого сотрудника. Требовалось еще три ящика, не больше и не меньше. Для шефа это были неожиданные расходы, притом неоправданные. Пока работники фирмы выстраивались в очередь для получения дармовой водки, директор со своими заместителями и главным бухгалтером искал выход из довольно пикантной ситуации. Коллективную пьянку никто из руководства не одобрял. Особенно против этого был сам шеф, который уже на собственном опыте убедился, зная буйство русских мужиков, особенно тогда, когда они пьют на дармовщину. Черту под различными толкованиями неожиданной проблемы подвел главный бухгалтер, мужчина лет 55-60. Он предложил все-таки купить еще три ящика спиртного, дабы скорее и безболезненно разрубить «гордиев узел». Этого лысого мужчину простые клерки боялись, заискивали с ним и заместители шефа, да и сам он. По всему городу ходили слухи, что в советские времена Аркадий Иванович, будучи главным бухгалтером одного из крупных магазинов области, на каких-то махинациях погорел. Как и почему это произошло, никто не знал, да и зачем это было знать, все это было в прошлом. Авторитет главбуха в «железной» фирме был непоколебим. Все прекрасно знали, что без Аркадия шеф в области пустой звук.

Поступили так, как сказал бухгалтер. Через час каждый работник фирмы получил поллитровую бутылку водки, на этом все пожертвования закончились. На следующий

день приехали гонцы и от нового русского. Двое молодых ребят быстро загрузили в небольшой автобус железные двери. Один из приехавших дал директору адресок, по которому главбух должен был отправить денежное пожертвование. Все было сделано, как говорят, по чести и по уму. Через месяц на имя директора пришла телеграмма, в которой руководство трудовой колонии благодарило фирму за материальную помощь...

Шло время. Иванов все больше и больше находил свою отдушину в работе, в которой ему многое нравилось, многое его и злило. Особенно тяжело ему приходилось, когда директор уходил в отпуск, оставляя его за себя. Почти каждый день на имя фирмы приходили десятки циркулярных указаний, которые поступали из разных верхов. И на все эти указания надо было каким-то образом реагировать. По рекомендации главбуха секретарша составила перечень важнейших персон области и города, служб и организаций.

Наиболее важные из них были подчеркнуты красным фломастером. Менее важные - синим цветом, второстепенные оставались без окраски. То, что было подчеркнуто красным цветом, было в компетенции руководителя фирмы и его главного бухгалтера. То, что было синим - могли разрешить и заместители директора. Замов у Николая после года существования фирмы стало два. Первый заместитель отвечал за доставку материала для фирмы, этот участок был самый ответственный. В условиях каждодневного скачка цен на металлоизделия от него требовались поистине уникальные способности. Несмотря на все мыслимые и немыслимые перипетии рынка, Петр Николаевич, так звали первого заместителя директора, с порученным участком работы справлялся успешно. Да и сам он, как человек, пользовался в коллективе большим уважением. Что только у него одна фамилия стоила... Она была очень сложной и смешной, и была явно украинской - Панибудьласка. Однако она несколько не соответствовала ни характеру, ни внешнему виду этого человека. Это был мужчина двухметрового роста, весил около центнера. Уже став вторым заместителем Николая, Владимир более подробно узнал биографию своего коллеги, который в молодости был офицером и дослужился до полковника. Свой боевой путь от командира взвода до командира полка он прошел в Забайкалье. Его организаторские способности очень сильно фирмегодились. Директор несколько не

сожалел, когда к нему пришел военный пенсионер и сразу же напросился к нему в заместители.

«Пан», так прозвали в коллективе фирмы первого зама, оказался довольно порядочным человеком. Он старался работать очень спокойно, правда, были случаи, когда он срывался. Наверное, без них и невозможно было обойтись, в огромной стране с ценами творился беспредел. Каждый стремился урвать себе побольше и про запас. Однажды из-за большого количества заказов листовое железо на фирме было на исходе, срочно требовалось еще. Поставщика железа нашли по объявлению в одной из газет, он находился в одном из областных центров Сибири. Пан быстро позвонил по телефону и договорился о встрече. Руководитель фирмы оказался молодой, да ранний. Предварительные цены за металл, о которых шла речь еще по телефону, вдруг его почему-то не стали устраивать. Отставник позвонил директору и попросил подмогу в лице главного бухгалтера. Аркадий Иванович приехал следующим утром. Казалось, богатейший опыт финансиста дал положительные результаты. Был подготовлен договор, оставалось только подписать. Пан по случаю удачной сделки взял на прокат плавательный бассейн в одном из заводов города, накрыл шикарный стол. Заплатил за все это большие деньги. Казалось, все идет к успешному финишу. Но, увы... Владелец железа опять встал на дыбы. Юнец, прохаживаясь вдоль бассейна, держал в руках «мобилку» и все кому-то названивал. Пан, закусив губу до крови, покорно следовал за ним. Через некоторое время владелец листового железа по-детски прогнусавил, что он договор не подпишет. Верные ему люди сообщили, что через месяц конъюнктура рынка изменится и он может понести убытки. Эти слова переполнили чашу терпения снабженца «железной» фирмы. Его глаза мгновенно налились кровью и стали страшными. Он, недолго думая, обеими руками схватил юнца за пояс, затем приподнял и со всей силы швырнул его в бассейн. Тело летело так ровно и быстро, как будто оно было тренировочным мешком. Директор фирмы плюхнулся в воду и скрылся под ней.

Каких-то две-три секунды Пан стоял возле бассейна и раздумывал, что делать ему дальше. Вдруг у него за спиной что-то затопало, засопело. Он понял мгновенно, что утопающему на помощь спешит его телохранитель. Он резко повернулся назад и увидел

перед собою бегущего верзилу, который был с явно не профессорской физиономией. Сомнений у него не было, верзила хотел столкнуть обидчика шефа в воду. Но увы, не получилось. Полковник запаса быстро присел и замер. Телохранитель со всего разбегу пролетел через «коня», точнее, через его спину. Пан, как молодой акробат, опять привстал и резко выпрямился. Дальше получилось, как в фильмах-боевиках. Верзила, зацепившись обеими руками за бортик бассейна, медленно, но уверенно сполз в воду. За всеми этими баталиями наблюдал Аркадий Иванович, который позже рассказал Николаю и Владимиру историю, приключившуюся с Паном-полковником. «Деловая» встреча чуть было не закончилась трагедией. Причиной этому было не неподписание договора, а принципиальность снабженца. Оказалось, что шеф и его телохранитель не умели плавать. То место бассейна, в которое их «направил» Пан, было очень глубокое. Со стороны было смешно и горько видеть двух мужчин, зовущих о помощи, которые то появлялись из воды, то вновь исчезали. В конце концов нервы у главбуха не выдержали. Он быстро снял с себя верхнюю одежду и в «семейных» трусах кинулся в воду. После «воскрешения» директор фирмы имел желание подписать договор. Однако Пан был категорически против этого. Ему не хотелось перед каким-то сопляком терять свою честь и достоинство.

Офицер запаса был на три года старше Владимира. После «дуэли» Николая с новым русским оба заместителя очень быстро сблизились, что позитивно сказывалось не только на работе фирмы, но и послужило толчком к укреплению семейных отношений. Владимир прекрасно понимал, что он всего-навсего половинка некогда бывшей семьи. Несмотря на это, ему было очень приятно быть в гостях у бывшего офицера, квартира которого все еще свидетельствовала о военном образе жизни ее обитателей. Пан жил на окраине города на четвертом этаже девятиэтажки. Двухкомнатная квартира была небольшой, не изобиловало она и шикарной мебелью. Гостю очень нравилось быть у этих людей. Содержание разговоров у Петра и его жены Людмилы носило совсем другой характер, чем у соседей-стариков. Офицер более реально смотрел на эту жизнь, под стать ему была и его боевая подруга. Владимир, наблюдая за этой женщиной, иногда

задерживал на ней свой взгляд. Она была по-своему красивая. Ее красота была естественной, без «штукатурки».

Чем больше доверяли друг другу Пан и Владимир, тем больше и тоскливее становилось на душе у последнего. Во время застолья он с нескрываемой доброй завистью наблюдал за этой парой, от души радовался их успехам. После окончания вечеринки домой он добирался на своем «горбате» или садился в общественный транспорт. После того, как он выходил из квартиры друга, ему хотелось плакать. Он все еще жил один, он все еще был один со своими проблемами и со своими радостями. Осенью ему уже исполнилось пятьдесят лет, он все еще не мог найти свое место в этом мире. Ему иногда хотелось расслабиться, бросить свою работу и напиться до чертиков. Однако опуститься на дно человеческой жизни в последнее время ему что-то мешало, скорее всего, кто-то мешал. Неожиданно для себя Владимир четко понял и осознал, что этим что-то и кто-то стали Пан и его жена. Встречи с этими людьми становились для одинокого мужчины смыслом его жизни. Очередное для него приглашение Пан сделал вечером после окончания работы, в канун праздника 8-го Марта. Получив утвердительный ответ от своего коллеги, Петр немного подумав, тихим шепотом сказал ему о том, что его Людмила в этот же день отмечает также свое пятидесятилетие.

Иванов приехал в гости ровно в пять часов вечера. Настроение у него было очень приподнятое. Для жены друга он купил на рынке ровно пятьдесят больших роз. Людмила такому подарку очень обрадовалась. Хозяева, сославшись на занятость, оставили гостя на кухне и попросили его «поухаживать» за цветами. Извинившись, они вышли в соседнюю комнату. Убедившись в том, что их гость точно выполняет все их указания, они весело улыбнулись и плотно закрыли дверь кухни. Владимиру ничего не оставалось делать, как приготовить все необходимое для сохранения роз. Ему на глаза попалась большая кастрюля и ведро, стоящие возле холодильника. Он с большим трудом поставил в эти сосуды сорок роз. Еще десять роз ждали своей участи. Пробежав глазами по немудреному кухонному гарнитуру и ничего не найдя, он немного успокоился и присел за стол. Он решил ждать хозяев, которые почему-то еще не появлялись. Неожиданно заиграла музыка. Это была музыка Мендельсона, которая всегда исполнялась при

регистрации браков. Владимир невольно открыл дверь кухни и обомлел. В центре зала стояли Петр Николаевич и Людмила. Этой уже немолодой парой нельзя было не восхищаться. Особенно красивой была Людмила. Она была в ослепительно белом платье, которое было покрыто какими-то блестками. На ее голове была также свадебная фата... Владимир, смотря на эту женщину, невольно ловил себя на мысли, что он готов был любоваться ею всю оставшуюся жизнь, но увы... Этикет и его воспитанность требовали другого. И он, весело улыбаясь, перевел взгляд на мужчину, который был одет в парадную офицерскую форму цвета морской волны. Несмотря на то, что эта форма была тесноватой, но она ему очень шла. Три большие звезды, обшитые золотыми нитками, сидящие как на левом, так и на правом погонах по-особому светились в лучах электрического света. Офицерская фуражка с высокой тульей и большой сверкающей кокардой придавали особую торжественность военному мундиру. Пан был в белых перчатках и при кортике. Вчерашний солдат невольно задумался об этом холодном оружии, он никогда подобный кортик не видел в своей части. Однако сейчас ему было не до этого. Перед ним стоял убеленный сединой с полной грудью наград полковник Советской Армии, той армии, которая когда-то вершила судьбы всего человечества, и которая сейчас оказалась повержена своими правителями, а может, и даже своим народом.

Вхождение в молодость продолжалось недолго. Людмила попросила Владимира заснять кинокамерой «молодоженов», что тот с большим удовольствием и сделал. Затем в кадр попал и сам гость, который позировал перед камерой то с полковником, то с его «невестой». После этого все трое сели на диван и начали вести непринужденный разговор. Жених и невеста незаметно сняли свои праздничные наряды. На улице стало смеркаться. Посмотрев новости по телевизору, все сели за праздничный стол. Первый тост, конечно, был за очаровательную хозяйку, за ее полувековой юбилей. Второй – за двадцатипятилетие супружеской жизни Людмилы и Петра, третий за Международный женский день. Хозяева с грустью сообщили гостю, что их дети, живущие во Владивостоке, из-за нелетной погоды не могли приехать на эти торжества.

Застолье затянулось. Нет, это была не пьянка, как часто бывает у большинства русских, это была просто встреча-вечеринка равных людей по возрасту, по интеллекту, может, даже и по образу жизни. Хозяева предложили гостю остаться у них переночевать, тот с удовольствием согласился. Разговор продолжался почти до самого раннего утра. Уже потом, лежа в своей постели, Владимир невольно пришел к выводу, что Панибудьласки пригласили его к себе неспроста. Они хотели поделиться своим жизненным опытом с человеком, которому в сентябре исполняется только пятьдесят и уже пятьдесят. Эти люди, скорее всего, уже были наслышаны о его трудной жизни и хотели ему помочь. Они и сами в своей жизни звезд с неба не хватали.

Петр и Людмила были воспитанниками детских домов. Никто из них своих родителей не видел и не помнил. Не было у них и родственников. Скорее всего, это были последствия войны. После детдома Петр выучился на токаря, Людмила работала на трикотажной фабрике. Жили они в разных общежитиях. Может, все это так и продолжалось, но Петр решил круто изменить свою жизнь. Произошло это, благодаря его товарищу по вечерней школе, где они вместе учились. Друг также был детдомовцем и стал агитировать Петра в военное училище. Первая попытка для друзей оказалась неудачной, не набрали нужного количества баллов. На следующий год поступили, стали курсантами. Они даже были зачислены в один взвод, в одно отделение. Петр из-за своего роста ходил в колонне первым, а Алексей, так звали его друга, из-за маленького роста шел последним. Друзья жили очень дружно, делились последней корочкой хлеба. Четыре года пролетели быстро, как один день. Молодые офицеры получили распределение. Алексей был откомандирован в Группу советских войск в Германии, а Петр в Забайкальский военный округ. На торжественный митинг по случаю окончания училища пришла и Людмила, пришла просто так, без всякого приглашения. Она совершенно случайно оказалась перед Петром, который при ее приближении покраснел как рак. Он долго рассматривал незнакомку, и еле-еле шевеля своими губами, спросил ее имя. В этот же вечер закадычные друзья вместе ринулись в женское общежитие. Они оба влюбились в девушку с первого взгляда. Дело между офицерами могло закончиться печально. Мудрее всех оказалась сама девушка. Во время одной из прогулок по городу

она завела влюбленных в сквер, посадила их по обе стороны от себя и сказала, что выбор она делает в пользу Петра. Алеша, конечно, тяжело переносил это известие. Только к вечеру следующего дня он пришел к другу, казалось, он на лет десять постарел. Он от всего сердца поздравил Петра с его первой победой. Петр и Людмила зарегистрировали брак на следующий день. Для военных срок для обдумывания будущей жизни не предусматривался. Брак зарегистрировали в конце июля, а символическую свадьбу решили сыграть 8 Марта, в день рождения Людмилы. На этом настоял Алешка, друг молодоженов. Уже перед посадкой в самолет, берущего курс на Москву, он обещал, что в марте следующего года обязательно найдет своего друга и привезет его невесте настоящее подвенечное платье. Офицер сдержал свое слово. В марте он приехал в полк, где служил Петр, и привез Людмиле подвенечное платье. Оно было немецкого производства и очень красивое. Состоялась и свадьба, но без большого размаха, в узком кругу офицерских семей. Через неделю лейтенант Шарапов уехал в Москву, где нашел себе подружку жизни. Друзья долгое время переписывались, потом переписка прекратилась. Только через десять лет после свадьбы майор Панибудьласка случайно узнал от офицеров, что подполковник Шарапов, командуя мотострелковым батальоном, героически погиб при выполнении интернационального долга в Демократической республике Афганистан. В это же время советская печать продолжала глаголить о совместных субботниках афганцев и советских воинов. Попытки майора узнать о могиле своего друга и отыскать его семью оказались безуспешными.

В честь своего друга Алешки Петр назвал и своего первенца. Сын очень многое слышал о предыстории своего имени и гордился этим. Он также гордился и своим отцом, военная биография которого была уникальной и драматичной. Лейтенант Панибудьласка четыре года тянул ляжку взводного командира, хотя уже в первый год взвод под его командованием добился звания отличного. Петру порою хотелось напиться, уйти из армии под любым предлогом, но в эти трудные минуты любовь Людмилы спасала его от ошибок. Потом была отличная рота. За этими результатами стояла огромная работа офицера. Он целый день пропадал на службе. В шесть часов утра он уходил, глубокой ночью приходил домой. В его успехе была большая заслуга и его жены. Звезды на

погонах на этой грешной земле ему давались очень нелегко. Только через три года он получил очередную должность начальника штаба батальона. На пути к этой должности оставался один только шаг. Но увы... без пяти минут начальник штаба батальона не сдержался, сам совершил правонарушение, ударил «старика». «Дембель» за то, что молодой солдат опоздал на построение, ударил его ногой между ног. «Салага» скорчился от боли, но нашел в себе силы встать в строй. Приняв рапорт от своего заместителя, ротный, как обычно, стал осматривать внешний вид своих подчиненных и заметил плачущего солдата. Затем вызвал его к себе на собеседование. Солдат назвал своего обидчика. Со стариком, как таковой, беседы не получилось, он все время изворачивался и врал. Вполне возможно, боясь ответственности за рукоприкладство, он стал «закладывать» офицеру своих коллег-дембелей, которые также «чесали» кулаки. И это переполнило чашу терпения у ротного командира. Он молниеносно схватил обеими руками стукача за шиворот и со всей силой швырнул его от себя. Последствия броска получились анекдотичными. Солдат, оказавшись в воздухе на уровне портрета Министра обороны СССР, который висел на стене, с испугу схватился за него. Через несколько мгновений они оба приземлились. Огромный портрет упал на голову солдата, осколки стекла поранили его голову. Дембель сообщил о случившемся заместителю командира по политической части. Политработник ротного к себе в кабинет не вызывал, он пришел к нему на квартиру. Майор, по национальности еврей, в этот вечер очень долго пил с молодыми супругами «чай», который на всю жизнь остался в их памяти. Полковой комиссар не пугал и не угрожал ротному. Он просто просил его, как старший товарищ, как коллега по службе всегда уважать честь и достоинство любого человека, независимо от его проступка. Советская Армия, по его мнению, есть не только школа военной науки, но и школа человеческой жизни. С этого «чая» для Петра его величество Солдат всегда был на первом плане. Батальон, потом полк, которыми командовал офицер, были лучшими в соединении.

Исповедь хозяев перед своим гостем, к сожалению, не обошлась и без слез. Расплакалась Людмила, когда она рассказывала о своем муже, которому ставились всевозможные препоны для поступления в военную академию. Ему только в тридцать лет

представилась возможность написать рапорт о возможности сдачи экзаменов на очное обучение. Рапорт в верхах не взяли, сказали, что еще молод. Через два года оттуда же сверху сказали уже другое, что, мол, уже стар, пиши заявление только на заочное обучение. Молодой командир батальона ухватился и за эту соломинку. Он как человек, как круглый сирота прекрасно понимал, что карьера любого советского офицера определялась не усердием по службе, а наличием у него больших связей. После окончания академии, уже будучи заместителем командира полка, подполковник Панибудьласка отважился высказать свое мнение о проблемах армейской жизни на страницах главного военного журнала. Статью он писал вместе со своей женой, которая не хуже любого журналиста знала проблемы армии. Прошло три месяца. Из редакции ответа не было. Неожиданно офицера вызвали в политический отдел соединения. Начальник политического отдела, довольно молодой майор с очень важным видом, словно час назад он лично выиграл войну с французами, руку для приветствия подполковнику не подал. Задав пару дежурных вопросов о состоянии дел в полку, политработник вытащил из письменного стола какие-то бумаги. Только сейчас Петр понял, зачем его пригласили к политическому руководителю дивизии. Он искоса посмотрел на свои объемные «труды», и не мог не заметить, что на полях его рукописи были проведены волнистые линии красного цвета, а в самом ее конце, где стояла дата написания и его подпись, стоял большой вопросительный знак и целых три восклицательных знака. Сидя перед нагловатым майором, Петр все больше и больше осознавал никчемность военной бюрократической машины, и одновременно чувствовал свою беспомощность. После некоторого раздумья старший начальник принялся читать ему нотации, которые длились минут тридцать. Вся суть его нравоучений заключалась в том, что он лично сам прекрасно знает положение дел на местах, а то, что предлагал его подчиненный, есть ничто иное, как фальсификация руководящей роли партии, в лучшем случае, неправильное понимание ее политики в современных условиях. После небольшой паузы шеф поднял указательный палец левой руки вверх и назидательно проговорил:

- Коммунист Панибудьласка, я Вам хочу еще раз напомнить... Наши политорганы всегда делали и делают все возможное для устранения ошибок у тех, кто стоит не на правильном пути. Вплоть до организационных мер...

Замкомполка смиренно сидел на стуле и молчал. Он прекрасно знал, что все это означает. Знал непонаслышке, знал на собственном опыте. Его «крамолу» верхи никогда ему не простили. Полк, в котором он был заместителем, из года в год завоевывал звание отличного. Из года в год менялись его командиры, которые в основном уходили за Урал, уходили, как правило, с повышением. На месте оставался только один «Богдан Хмельницкий», так в части кое-кто называл подполковника Панибудьласку. Полк ему дали перед самым его увольнением из армии. Полковничьи погоны он получил за месяц до приказа.

Прошло две недели после того, как Владимир посетил семью своего коллеги. Во двор стучался май. Город готовился к лету. Его улицы и проспекты, особенно набережная реки, с каждым часом преображались. Все это радовало души сибиряков, которые порядочно устали от суровой и затяжной зимы. Первым по-настоящему теплым лучам солнца радовался и Владимир. После работы он довольно часто бродил по городу. Иногда во время прогулок он замыкался в себе, садился в какой-нибудь уголок парка или сквера. Закрывал глаза и все думал. Он вновь обращался к исповеди своего друга и его жены. Они были для него своеобразной лакмусовой бумагой, с которой он сравнивал свою жизнь. Ему казалось, что равняясь на таких людей, как Петр и Людмила, ему удастся с новой силой воспрянуть и сделать хорошее уже не для общества, а для себя, как человека, который уже практически прожил свою жизнь. Корень своих проблем и неудач он видел в отсутствии подруги жизни, без которой он уже не мог представить свое будущее. Наступающая весна подталкивала его к общению с представительницами прекрасного пола.

ГЛАВА 6. ВОЗВРАЩЕНИЕ К ЖИЗНИ...

Наступил день Победы. На праздничную демонстрацию Владимир не пошел. Причина была довольно простой – он не любил, как в стаде овец, пробегать перед трибунами ради очередной галочки в общественной жизни города. Вместе с тем, память о заслугах простых людей, для него была священной. Он всегда садился за стол, наливал стакан водки и перед собой ложил кусок хлеба. Затем вставал и выпивал водку, пил до конца. Может, это был какого-то рода аскетизм или влияние фильмов о войне, но своей традиции он никогда не изменял. После «торжества» он стал обдумывать план проведения выходных дней. Времени у него было уйма. Немного посидев перед телевизором, он решил поздравить с праздником своих соседей, тех дома не оказалось. Позвонил Панибудьласкам, у них тоже никто не брал трубку. Затем он вышел на балкон и стал наблюдать за стайками людей, снующих туда-сюда. Владимир не мог не заметить, что многие из них были навеселе. Кое-кто из «веселых» приветствовал его. Некоторые из них показывали ему бутылки спиртного и не то серьезно, не то шутя приглашали зевачу к себе в гости. Он в ответ громко смеялся и махал рукой, поздравлял их с праздником.

Приближался полдень, солнце все больше заявляло о себе. Его яркие лучи через голубизну неба испускали свое тепло и свет на тех, кто прогуливался по городу. Владимиру захотелось на природу, в родную деревню. Он на какое-то время окупился в свое детство. Весной ему очень нравилось лежать на остатках сена, которое складировалось на крыше пристройки-подзаката. Мальчик раздевался до пояса, брал в руки книгу и читал, лежа под солнцем. Иногда предавался своим детским мечтам. Набежавшая тоска по родному дому взяла верх над скучающим мужчиной. Он твердо и окончательно решил ехать в деревню, в крайнем случае, побывать на природе.

Владимир быстро побрился, одел спортивный костюм и спортивные кеды. Накинув на себя короткую кожаную куртку, он ускоренным шагом направился на стоянку автомашин, где парковался его «Запорожец». Через пять минут он был уже у гастронома, который, несмотря на праздник, работал. Скорее всего, торговцы не хотели упускать возможности пополнить свой бюджет. Владимир, зная о том, что магазин в этот день в

деревне будет закрыт, решил основательно закупиться. Он взял несколько бутылок водки, лимонад, колбасу, конфеты и даже торт с праздничной надписью.

При выезде из города он заправился, кроме того, про запас взял полную канистру бензина. До Драгунки было около двухсот километров, да и в пути все бывает. Через несколько минут он выехал на автотрассу, которая напоминала собой автодром для начинающих автолюбителей, покрытый всевозможными ямами и водой. Колеса машины то и дело утопали в колдобинах. Водителю становилось не по себе от такой дороги и езды. Он неоднократно останавливался, дабы посмотреть целостность купленного в магазине. Ничто, что было связано с дорогой, уже не радовало мужчину, кроме солнца. Оно ярко светило на сибирскую землю, на которой под его лучами оживало буквально все: поля, леса и сами люди. Миновав последний железнодорожный шлагбаум за городом, водитель «Запорожца» немного успокоился. Поток машин резко сократился. В праздник автопредприятия города были на приколе, а те, кто приехал в гости из села в город и наоборот, уже давно сидели за праздничными столами. Владимир не относился ни к тем, ни к другим. После переезда потянулись березовые околки и большие полянки. Одна из них невольно его заворожила своими цветами. Желание иметь эти цветы, привезти их на могилы своих родных, взяло вверх. Недолго думая, он решил свернуть с высокой дороги, с асфальтного полотна. Дабы не забуксовать, он выбрал наиболее безопасный участок и на малой скорости спустился в канаву. «Запорожец», как опытная кошка, потихоньку преодолел ров и оказался на поляне. Подснежники и впрямь были чудесными. Сорвав несколько цветков и аккуратно положив их на заднее сидение, Владимир спокойно завел мотор и стал двигаться вдоль шоссейного полотна, надеясь найти удобный выезд на трассу. Однако это сделать оказалось не очень-то просто. Любая его попытка взобраться на «гору» заканчивалась неудачей. Машина то скатывалась вниз, выбрасывая из-под колес комья влажной земли, то проваливалась в небольших ямках, которые по мере подъема наверх, становились глубокими, что отпугивало водителя. Он моментально убирал ногу с педали и «горбатый» вновь оказывался на исходной позиции. Мотор машины от перегрузок перегрелся и пришлось его выключить. Владимир вышел из автомобиля и направился вдоль трассы, надеясь

найти подходящий подъем или какой-либо перекресток дорог, соединяющийся с трассой. В метрах пятистах ему удалось найти небольшой подъемчик, ведущий на автостраду. К преодолению естественной преграды он основательно готовился, боялся забуксовать. Сначала он отъехал от преграды метров на двадцать, хотел взять хороший разгон. Затем по русскому обычаю перекрестился и выпучив глаза, сильно надавил ногой на газ. Авто взревело, как будто его грохнули резиновой дубинкой по голове, и стремительно рванулось вперед... Машину заносило то вправо, то влево, то трясло как в лихорадке.

Уже в самом конце «штурма» водитель невольно открыл глаза и увидел одинокого путника, идущего неподалеку от его машины. Кто это был, мужчина или женщина, он не разглядел. После штурма водитель вылез из автомобиля и стал его осматривать. К его счастью, все обошлось благополучно. Все агрегаты были на месте, двигатель также работал ровно. В ходе осмотра Владимир невольно обратил свой взгляд в сторону проселочной дороги, идущей вдоль автострады, и увидел женщину в китайской тонкой куртке. Она, склонившись, черпала рукой воду из дорожной канавки и с усердием смывала грязь с одежды.

Владимир решил поступить по-джентельменски и направился к женщине, надеясь извиниться за содеянное, которое произошло не по его вине. Он подошел к ней поближе и стал извиняться. Она никакого внимания на него не обращала и продолжала смывать грязь со своей куртки. Такая реакция со стороны потерпевшей его мгновенно вывела из себя. Он, будто ничего не произошло, решил ретироваться и пошел в сторону своего авто. Метров через десять перед ним появилась небольшая лужа, обойти ее у него желания не было. Он немного отошел назад и резко прыгнул вперед. Однако прыжка, как такового, не получилось. Его левая нога соскользнула в воду и он молниеносно почувствовал боль в ступне. Он сильно вскрикнул и, потеряв равновесие, плюхнулся в лужу. Из нее он выползал почти по-пластунски. Придорожная канава оказалась уникальной свалкой. Через какие-то мгновения он увидел торчащий гвоздь в подошве своего левого кеда. Ничего не оставалось делать, как его снять. Маленький гвоздь почти насквозь продырявил ступню мужчины. Из маленького отверстия тонкой струйкой сочилась кровь. Владимир вытащил носовой платок из кармана брюк и наложил повязку

на рану. Незаметно подошла и женщина. Она подошла к нему и стала интересоваться, почему он сидит на холодной земле. Узнав о случившемся, она преобразилась. Несмотря на то, что незнакомка была далеко неисполненного телосложения, она подставила свое плечо Владимиру. Он, опираясь на ее плечо и подпрыгивая на одной ноге, вскоре оказался в своей машине. Боль не утихала. Несмотря на это, он решил ехать дальше, куда ехать он и сам не знал. Он прислушался к совету незнакомки, до ее деревни было около километра. Буквально перед деревней появилась сухая дорога, дождь здесь прошел стороной. Деревенька была очень маленькой, насчитывала около двух десятков домов. Дом незнакомки находился на отшибе, почти у самого озера.

Иванов, стараясь не докучать хозяйке, сам вышел из машины и допрыгал до ее дома, и затем приземлился на диван, который она ему предложила. Больше сил у него не было. Дальше за ним ухаживала незнакомка. Она без всякого стеснения сняла с него спортивный костюм, рубашку и кеды, оставив его в одних плавках. Затем она принялась за рану. При помощи своих духов она ее тщательно обработала, затем положила на нее сочные листья алоэ и туго перевязала ее стерильным бинтом. После перевязки гость почувствовал себя намного легче. Он сделал попытку встать на ногу. На всю ступню становиться было еще больно, однако, ступая на пятку или на носок, боли сильной не чувствовалось.

Увидев, что мужчина обходится без посторонней помощи, хозяйка, так и не сказав ни слова за все время пребывания в собственном доме, молча вышла вон. Владимир не стал делать каких-либо догадок в отношении ушедшей. Тем более, на дворе ярко светило солнце, часы показывали ровно три часа дня. Он решил осмотреть внутри дом женщины, с которой он по-настоящему все еще не познакомился. Он состоял из трех комнат, из двух больших и кухни. Кухня была почти городской. В ней стоял добротный кухонный гарнитур и холодильник. В комнатах особой шикарности не было. В спальне стояла двуспальная кровать из дерева, напротив стоял шифоньер. В зале на стене висел большой ковер, под которым стоял диван. Рядом с диваном на тумбочке стоял небольшой телевизор. В центре зала стоял круглый стол.

Осмотр продолжался недолго. Владимир включил телевизор. Хозяйка отсутствовала почти два часа. Он начал беспокоиться. Одев на свои ноги, первые попавшиеся под его руку тапочки, и накинув на плечи легкий халат, который висел при выходе из кухни, он вышел во двор. К счастью, во дворе никто не лаял, что свидетельствовало об отсутствии собаки. Двор на редкость оказался чистым и добротным. Он практически весь был заасфальтирован. Чувствовалось, что в доме живет настоящий мужчина-хозяин. Владимир обошел все постройки, хозяйки нигде не было. Оставалось войти в последнюю, которая находилась напротив выхода из дома. Он решительно взялся за ручку и открыл дверь. И через какую-то секунду он остолбенел. Перед ним стояла в чем мать родила женщина, которую он застал в необычной позе. Она держала над головой большой ковш с водой и медленно поливала ей свою голову. Вода, как понимал мужчина, приносила ей огромное удовольствие. Она, чтобы его продолжить, ковшом брала очередную порцию воды из большого бака, стоящего на плите, и очень медленно опрокидывала его на свою голову. И это продолжалось довольно долго, в крайнем случае, так казалось Владимиру. Он продолжал стоять как истукан, замороженный каким-то непонятными и невидимыми лучами, которые исходили от этой нагой женщины. В его голове, уже ничего и никого не воспринимающей, и не отражающей, был только один вопрос: кто эта нагая женщина? Хозяйка или другая, может, даже ее знакомая, решившая в этот праздничный день помыть свое тело. Ни в том, ни в другом уверенности у него не было. С того момента, когда он впервые встретился с хозяйкой в лесу и когда она его покинула, он, честно говоря, не мог даже разглядеть ее лицо, глаза, не говоря уже о ногах. У нее все было «замаскировано». Нахлобученная по самые уши шапочка не только скрывала ее волосы и лоб, но не позволяла даже разглядеть ее глаза.

Здесь же перед ним стояла настоящая женщина, притом очень красивая. Бегающая изумленными глазами и прекрасно зная о том, что он делает далеко неблагоприятное дело, мужчина продолжал разглядывать ее и любоваться ею. Та, которая обливала себя водой, была несколько выше среднего роста со стройными ногами. Ее белые волосы ниспадали на ее крутые плечи. Во время полива водой они превращались в тонкие сосульки из

волосяного покрова, и стекающая с них вода очень медленно расплзлась по всему телу нагой. Владимир уже не сомневался, она его не видит. И это в какой-то мере прибавило ему смелости, даже наглости. Он продолжал тарашить глаза. Лучи яркого солнца, которые проходили через большое окно бани, ласково играли на обнаженном теле блондинки. Ее высокие тугие груди свидетельствовали, что она вообще не рожала, или имеет единственного ребенка. Стоящему перед порогом бани внезапно стало не по себе. Неожиданный стриптиз очень сильно возбудил «изголодавшегося». И он, собрав всю энергию и прыть, которая была в его пятидесятилетнем организме, стремительно рванулся вперед... Нет, это был не тот человек, который совсем недавно соблюдал рамки человеческого приличия, скорее всего, это был полуживотное, жаждущий удовольствия и крови. Не успел он сделать и шага в сторону нагой женщины, как вдруг кто-то его ударил по лбу. Удар был такой сильный, что он еле-еле удержался на ногах. В его глазах засверкали непонятно какого цвета искры, в голове что-то зашумело. Через какие-то доли секунды Владимир осознал, что он ударился лбом о верхнюю перекладину дверного проема. Однако в этот момент он не чувствовал боли и неслся к намеченной цели. Услышав оглушительный удар, женщина невольно вскрикнула и резко повернулась к двери. На какой-то миг она окаменела. В двух метрах от нее стоял голый мужчина, которого она по доброте своей души подобрала возле дорожной канавы. Сейчас он стоял перед ней с налитыми кровью глазами, и как бык готов был ее растерзать. И это очень пугало ее. Ее пугало и то, что у этого «инвалида» с перевязанной ступней, весь его лоб был залит кровью. Дальше размышлять ей не пришлось. Инвалид молниеносно подхватил ее на руки и как перышко положил ее на полочку. Вскоре она, изнемогая от его ласки и поцелуев, изнывала от удовольствия, которого она не получала почти целую вечность. Временами она, как бы просыпалась от этого, и своими руками гладила черные с проседью волосы незнакомого мужчины. Она также осыпала поцелуями его мускулистые плечи, которые отдавали мужским потом и свежей кровью...

После любви мужчина и женщина отвернулись друг от друга. Каждый стал внимательно рассматривать перед своими глазами потолок бани. В крайнем случае, так казалось Владимиру. Он первый отошел от совместного удовольствия. Он повернулся на

бок к женщине, лежащей на спине, и стал внимательно ее разглядывать. Она молчала, наверное, обдумывала происшедшее. Он немного приподнял голову, из открытых глаз блондинки текли крупные слезы. И это в какой-то мере его «опохмелило». Только сейчас до его извилин стало доходить, что он изнасиловал ее, надругался над ее достоинством и над ее красивым телом. В его голову стали медленно, но очень уверенно, заползать тревожные мысли, что вот-вот в баню зайдет ее муж, который, в худшем случае, отрубит ему голову, в лучшем же случае, посадит его в тюрьму. Ни первого, ни второго, конечно, насильнику не хотелось. Он принялся себя казнить за то, что он, как животное, как самец, утолив свою прихоть, сломал ее судьбу. Он быстро соскочил с полка, встал на полусогнутые ноги, и осыпая поцелуями ее красивое тело и лицо, стал просить у нее прощения. Нет, это была не какая-то мольба отчаявшегося человека. Владимир понимал серьезность своего проступка. Всю жизнь он следовал своеобразному правилу – не отбирать любовь у замужних женщин. Он прекрасно знал, что «левая» любовь приводит к разрушению семей, на нет сводит чувства людей, некогда любивших друг друга. Исходя из своих жизненных установок и опыта, он принялся объяснять блондинке причины своей ошибки. Она почему-то все молчала и молчала. Ее молчание очень сильно его беспокоило. Через некоторое время лежащая на досках женщина с силой привлекла его к себе и страстно поцеловала его в губы...

Во время помывки в бане Владимир пришел к неожиданному выводу. День Победы, как ему стало казаться, может стать для него днем прощания с его одиночеством. Пару часов назад ему и в голову не могло прийти, что он именно сегодня найдет эту прекрасную женщину. От этой радости он забыл о всех своих болях, когда он нес ее на своих руках в ее спальню. Не обескуражила его и почти нищенское существование блондинки, не получающей многие месяцы заработную плату. В этот вечер он решил ей сделать сюрприз. Через полчаса он накрыл неплохой стол, продукты, закупленные им в городе, оченьгодились.

Повар решительно открыл дверь и обомлел. В центре спальни стояла голая хозяйка, которая еще так и не назвала своего имени. Она улыбалась и очень внимательно смотрела в глаза неожиданно вошедшего мужчины. В том, что перед ним

стояла уже его любимая, он не сомневался. Одновременно перед ним стояла и другая женщина, намного ослепительнее и красивее, чем та, которая совсем недавно шла по проселочной дороге. Под заразительный смех блондинки Владимир взял стул, который стоял возле двери, и присел. Нагая, как первоклассная модница, продолжала играть своим телом, что вызывало необыкновенный прилив эротических чувств к ней у сидящего. Он встал со стула и решительно двинулся вперед... Его желанию не суждено было осуществиться. Она, поняв замысел своего недавнего «насильника», весело засмеялась и ласково пригрозила ему пальцем... Он вновь приземлился на стул и вновь стал восхищаться ее голым телом. Он уже нисколько не сомневался, что она это делала только для него, чтобы ему понравиться. Нагая, стоящая возле своей кровати, была настоящей богиней красоты. Он невольно сравнивал ее с мировыми красавицами, например, с Клеопатрой или Валерией, женой Спартака, и все же пальму первенства он отдавал этой молодой крестьянке, которая жила в маленькой сибирской деревне. Откровенно говоря, он даже за миллион долларов, не смог бы описать ее красоту. Да и этого он не намеревался делать. Блондинка после окончания своеобразного секс-шоу подошла к нему и тихо представилась. Звали ее Лариса.

Первый тост пили за хозяйку. Торжество в узком кругу продолжалось до позднего вечера. Владимир очень многое узнал о ее жизни, которая имело очень много общего с его жизнью. Многие и не совпадало, что внесло очень серьезные коррективы в дальнейшую жизнь Ларисы. Ее отец в годы Великой Отечественной войны участвовал в разгроме японцев. На пути домой воинский эшелон загнали в тупик. Стало известно, что стоянка одним днем не обойдется. Начальник эшелона для одной из медсестер, которая была его любовницей, решил раздобыть свежего мяса. На промысел отправил двух солдат, один из них был отцом Ларисы. В близлежащей деревне им удалось «поймать» поросенка. Сначала все шло хорошо. В конце «операции» не повезло - напоролась на воинский патруль. Напарник отца убежал, он же с добычей решил не расставаться. Боялся не выполнить приказ полковника, начальника эшелона. Мародера поймали поздно ночью. Начальник патруля решил поместить его в одну из пристроек дома, стоящего неподалеку от железной дороги. Для охраны выставил часового. Недаром

говорят, что солдат солдата всегда понимает. Каждый прекрасно знал, что завтра одного из них за мародерство мирного населения расстреляют. Часовой оказался очень порядочным человеком и решил помочь сибиряку, который украл поросенка не для себя, а для начальника. Дабы не было никаких подозрений в отношении часового, Виктор, так звали отца Ларисы, кирпичом разбил ему голову и связал ему руки. Всю жизнь он хранил свою тайну. Только перед смертью рассказал дочери о том, что не давало ему покоя. Он пережил свою жену на десять лет.

Не повезло Ларисе и с любовью. Первый парень, которого она любила до безумия, погиб совершенно случайно. Его убило разрядом молнии во время работы на площадке, где складировали железные балки. Она очень долго отходила от нервного шока. Почти месяц лежала в районной больнице. Нередко она думала, что чокнулась. Однако Бог дал ей силы, оклемалась. Затем поступила в институт, работала учителем математики в средней школе в одной из деревень района. Через год вышла замуж за учителя истории. Первые два года жили они вроде нормально, но ее душу что-то беспокоило. Наверное, не любила она своего законного мужа. Михаила через два года назначили директором школы, после этого его как будто подменили. Его высокомерие так и лило через край, и не только к коллегам по работе, но и к жене. В унижении мужа Лариса прожила почти десять лет. За это время он, как говорят, ее высушил. Он стал ей изменять, изменял безбожно. Женщин хватало, они были в самом селе, были они и в школе. Сексуальные запросы маленького чиновника поистине были уникальными. Он перекинулся на школьниц. Узнав о том, что он крутит любовный роман с красивой выпускницей, Лариса хотела покончить с собою. Пыталась она и уйти от мужа. Уходила и вновь приходила. Почему она это делала, она и сама не могла понять.

Вскоре наступила развязка. Казалось, сам Бог решил жестоко наказать бабника. Однажды вечером он уехал охотиться на уток. К охоте он имел ничуть не меньшую страсть, чем к женщинам. К обеду следующего дня Михаил не вернулся, как он обещал. Не появился он и на следующий день. Лариса, школа и вся деревня забили тревогу, как-никак целый директор школы исчез или пропал. Сообщили в милицию, дали информацию в районный отдел народного образования. Все строили разные догадки и домыслы. В

связи с тем, что у милиции из-за отсутствия бензина не было возможности использовать машины, пришлось привлекать к поискам пропавшего охотника школьников. Только через две недели в камышах одного из близлежащих озер нашли его следы. Недалеко от берега лежало ружье с патронташем и сумка с продуктами питания. Сомнений в том, что все это принадлежало директору школы, не было. Все сельчане, в том числе и милиция, пришли к однозначному выводу: охотник, подстрелив утку, пошел за ней через трясины, которая его и засосала. Искать утопленника в озере никто не решился, все боялись. В душе Лариса даже была рада, что так получилось. Через год она уехала из села в город. Работу учителя она нашла, но и здесь были те же проблемы, что и в деревне. Работникам народного образования не платили заработную плату. Кое-кто из ее коллег подался в торговлю, что претило Ларисе. Ей было больно видеть женщин-матерей, стоящих у прилавков, в страшные сибирские морозы. В школе она долго не проработала. Весной она устроилась в одну из престижных гостиниц города, где платили зарплату. Уже на следующий день новенькая стала замечать, что все мужчины, в том числе и приезжие, тарасили на нее глаза, кое-кто из них посылал в ее адрес комплименты. Одиноким женщине все это было очень приятно слышать и видеть. Честно говоря, она этим и жила. После исчезновения своего законного супруга она ни с кем из мужчин дружбу не водила, хотя порою и сожалела, ой как сожалела. Иногда по ночам ее подушка была мокрой от слез...

Владимир пробыл в родительском доме хозяйки три дня. За это время они многое переговорили, многое узнали друг о друге. Вместе с тем, он видел и чувствовал, что она от него что-то скрывает, притом очень важное. Однако задавать каверзные вопросы сейчас она не намеревался, ему с ней было очень хорошо. Она была не только умной женщиной, но и очень мечтательной, даже по-детски наивной. В доме была богатая библиотека, которую в течение всей жизни собирали ее родители. Здесь практически были все классики мировой и русской литературы. И Владимир просто поражался знанием Ларисой этих произведений. У него и в голове не укладывалось, как она, являясь по специальности математиком, могла прочесть такую уйму книг. Он явно от нее отставал. Он также много читал, однако читал своеобразно. В первую очередь он

запоминал интересные факты из жизни великих людей, внимательно читал исторические романы. Все другое для него было побочное, включая и любовные романы, которые он читал очень поверхностно.

Лариса была человеком совсем другого склада. Для нее даже сказки были мерилom нравственной чистоты, в том числе, и любви. И это она все «проносила» через свою душу и сердце. Ей, как опытному педагогу, почти за один день удалось навязать гостю свое понимание сказочного мира. Ради уважения к хозяйке ему пришлось одну из них прочесть. Сказочная повесть называлась «Маленький принц», ее автором был Антуан де Сент-Экзюпери. Книжечка по объему была небольшой, и поэтому Владимир решил доказать, что он еще может и в таком солидном возрасте читать сказки. Через час он уже все «закончил». Читал он выборочно, как и раньше. Ларисе такое чтение явно не понравилось. Она взяла в свои руки книгу и выбрала одну из выдержек в тексте сказки, где маленький принц говорил о любви к своей единственной розе и о необходимости быть в ответе за нее. Владимиру вновь пришлось пролистать нравоучительную сказку, и здесь он увидел строки в тексте, которые были подчеркнуты Ларисой. Некоторые из них он прочитал. Они свидетельствовали, что она сторонница особой любви, любви романтической. Он очень внимательно посмотрел ей в глаза. Из ее глаз текли слезы. Затем она подошла к мужчине, положила на его плечо свою руку и очень тихо произнесла:

- Володя, еще не все люди знают, что такое настоящая любовь... Не знаю и я, прожившая такую длинную жизнь... Мне очень хочется иметь своего принца, который любил меня и оберегал меня... Я же всегда ему буду прекрасной розой...

Владимир в ответ ей ничего не сказал. Он повернулся к ней и сильно прижал ее к своей груди. Через неделю Лариса переехала жить к нему на квартиру. Он, как настоящий джентльмен, каждое утро на своем «горбатом» отвозил ее в гостиницу. По вечерам, если у него была возможность, он забирал ее. Она дома и в пути о своей работе почти ничего не говорила. Владимир одно знал четко, что она была простой горничной, убирала в номерах. Его попытки узнать хоть кое-что новенькое из жизни престижного заведения всегда заканчивались неудачей. Все это его настораживало.

Однажды в пятницу он приехал домой несколько раньше, чем обычно. Лариса уже была дома. Вместо добротного костюма и белой рубашки с галстуком он надел на себя спортивное трико и кеды. В этой одежде он летом ходил в магазин. Сказав Ларисе о том, что на пару часов улетучится в автомобильный магазин, он вышел из дома. Через двадцать минут его «Запорожец» был уже возле гостиницы. Владимир решил поговорить с простыми людьми и узнать, чем и почему обеспокоена его Лариса.

Ожидать «пролетариат» ему долго не пришлось. Через некоторое время из гостиницы вышло трое мужчин, которые чем-то ему напоминали тройку из веселых кинокомедий, которые пользовались огромной популярностью среди населения. Кое-что у этой и киношной тройцы было единое. В самом ее центре шел высокого роста толстяк с большим животом. Владимиру даже казалось, что он беременный и ждет двойню, а может, и того больше. Слева от него шел очень худощавый мужчина, который то и дело почему-то озирался по сторонам. Последний из тройки был ниже своих коллег и прихрамывал на левую ногу.

Владимир, недолго думая, быстро поднял капот автомобиля и склонил свою голову над мотором, намереваясь изобразить его ремонт. Мужчины, поравнявшись с «горбатым», остановились и подошли к водителю. Желание ему помочь, скорее всего, возникло у них под благотворным воздействием спиртного. Они, как и во времена социализма, завершали напряженную трудовую неделю маленькой прирушкой. К удивлению Владимира, они не были большими знатоками автодела, не говоря уже об устранении «поломки», которую он искусственно создал в системе зажигания. Он смотрел на мужчин, которые ему от всей души хотели помочь, и улыбался. Где они только не ползали, какие только не высказывали варианты поломок! Они практически все и вся проверили и испробовали «на зуб»: двигатель, тяги, бензобак. Даже выхлопная труба и та прошла испытание. Но увы... машина не заводилась. У водителя в конце концов терпение экспериментировать лопнуло, и вскоре его «горбачик» заревел под дружные аплодисменты «знатоков». Они с большой радостью приняли предложение водителя, желающего отблагодарить их за помощь. Минут через пять четверо мужчин уже были на берегу реки. Все располагало к отдыху. Владимир за пару часов, дирижируемой им

пьянки, добился поистине разительных результатов. Его друзья, которых он раньше никогда не знал и не видел, по мере употребления спиртного все больше и больше выдавали на-гора информации, которая его поражала. Новые времена дали широчайший простор для тех, кто имел власть и большие деньги. Многие политики и чиновники отмечали в гостинице всевозможные юбилеи. Гуляли они с большим размахом, на радость себе и на зависть простым смертным. Залетали сюда и различные знаменитости. Кое-кто из люда основательно расслаблялся, по-русски говоря, нажирался и напивался до поросячьего визга. Кто-то рыгал и оправлялся не туда, куда положено. Кто-то ломал двери и бил посуду...

Домой Владимир приехал к десяти вечера. Лариса лежала в постели и читала книгу. Ему было приятно и радостно видеть эту красивую женщину в постели, и осознавать, что в преддверии своего пятидесятилетнего юбилея он наконец-то нашел свою половинку. Оказавшись в постели, он, как бы невзначай, начал разговор о гостинице. Лариса, как обычно, сделала попытку «переключиться» на другую тему. На этот раз ей это не удалось сделать. Она с улыбкой смотрела на лежащего рядом с ней информатора и была страшно поражена его осведомленностью. Он знал о ее гостинице куда больше, чем она, работающая там. И даже несмотря на это, она продолжала что-то от своего любимого человека скрывать. Только после его настойчивых просьб она раскололась.

В гостиницу Лариса устроилась совершенно случайно, о вакантных местах в этом заведении в газетах не писали. Ее подруга, узнав о том, что она намеревается уходить из школы, как-то мимоходом сообщила, что ее сестра, работающая горничной в гостинице, собирается с мужем переезжать в другой город и ищет себе достойную замену. Сначала Лариса в своей голове и мысли не допускала, чтобы менять место учителя на горничную. Ее самолюбие все еще преобладало над реалиями жизни, но это продолжалось очень недолго. Приличной работы в условиях абсолютно нерегулируемого рынка она не находила, а на непрестижной работе ей просто не платили. Через месяц Лариса переступила порог гостиницы, которая поразила ее не только красотой архитектуры, но и богатством мебели, разнообразием ковров. В первый же день она прошла собеседование

с руководителем гостиницы, с женщиной. Директрисе, которая была довольно невзрачной внешности, с длинным крючковатым носом и толстой задницей, новенькая сразу же не понравилась. Уже через неделю стукачи из окружения «шахини» докладывали ей о том, что заезжие мужчины попросту теряли голову при виде очаровательной горничной. Они в номерах, где убирала Лариса, после отъезда оставляли ей деньги, цветы и продукты питания. Она понимала всевозможные подвохи и все приносила администратору. Несмотря на честность и добросовестность новенькой, вокруг нее стали строиться всевозможные козни. В организации их первенство держали женщины из ее же коллектива, которые на глазах ей сыпали кучу комплиментов и советов, а на деле готовы были ее удавить. Злорадствовали, в первую очередь, те, кого Бог обидел красотой или достаточно не дал ума. Кое-кто из обиженных открывал ее номера и специально создавал беспорядок. Не всегда вели себя достойно с ней и мужчины. Достоянием гостиницы стал случай, когда электрик, мужчина средних лет в коридоре одного из этажей погладил своей рукой ягодицы новенькой, которая направлялась в номер. Через какие-то доли секунды она стукнула его деревянной выбивалкой для ковров, которую она в этот момент держала в своих руках. Удар пришелся по уху «насилника». Через пару минут его ухо распухло и преобразилось в нечто, напоминающее лопух. С тех пор никто из работников мужского пола не пытался даже близко подходить к строптивой горничной. Прошел год. Все наносное и несправедливое по отношению к Ларисе потихоньку стало исчезать и рассеиваться. Успокоилась и директриса. Она, наоборот, в период всевозможных праздников или юбилеев садила ее на первый ряд. Ей хотелось показать гостям, в первую очередь, мужчинам не только уют в гостинице, но и красоту обслуживающих сотрудниц. Прошел еще год. Очаровательная блондинка стала привыкать к своей работе. Но опять увы... В регионе прошли выборы, произошла смена власти. Пришел новый шеф и стал набирать новую команду. Толкач директрисы также оказался не у дел. Через месяц убрали и ее. Тонкий из тройки в тот вечер, когда у Владимира «поломалась» машина, кое-что рассказывал об истории восхождения этой женщины на «гостиничный» трон. Произошло это лет десять назад. Она в то время работала прорабом на этой стройке и познакомилась с чиновником из областной власти.

Ей было под тридцать, ему уже зашкаливало за пятьдесят. Через два года красавица-гостиница была построена, директором назначили любовницу куратора. С тех пор директриса, имея законного мужа, который был не то водителем, не то сторожем, исправно платила «дань» своему покровителю. Сотрудники гостиницы часто видели, когда к «черному» входу подъезжала белая «Волга». В этот день шахиня на работу уже не появлялась.

Новый директор, кроме горя и нервных стрессов, ничего коллективу не принес. Степан Степанович, так звали руководителя, был выходцем из старой партийно-советской номенклатуры. Его возраст приближался к отметке 65 лет. Он очень основательно принялся «мести». Через неделю он поменял своих замов и главбуха. Вместо них «пришли» его знакомые, с которыми когда-то он работал. Сменил он и секретаршу. Вместо молодой девушки стала работать женщина приятной внешности, лет сорока. Добрался он и до простых клерков. На первом же собрании трудового коллектива шеф громко объявил, что вверенная ему гостиница будет теперь работать на хозрасчете, что требует кардинальной перестройки. Что такое хозрасчет и с чем его едят, никто из сидящих не понимал. Скорее всего, и сам директор имел об этом смутное понятие. А что такое «кардинальная перестройка» все поняли несколько позже. Приказом директора через месяц были уволены все женщины предпенсионного и пенсионного возраста. С «молодым поколением» он разговаривал индивидуально. Дошла очередь и до Ларисы, которой было уже за 35. Он с улыбкой рассказывал ей о том, что вскоре его учреждение станет образцово-показательным и будет соответствовать европейским стандартам. В конце беседы он с умилением поцеловал руку своей горничной, пахнущую духами. Через некоторое время за его подписью был вывешен список всех сотрудников, которые после подписания соответствующего договора, стали членами созданного акционерного общества. В списке была и фамилия Ларисы. Конечно, это ее обрадовало, как-никак директор обещал повысить зарплату, премировать за усердие. Однако все получилось наоборот. Из двадцати горничных осталось десять, и весь объем работ оказался на их плечах. Сокращение директор произвел очень искусно и быстро, как говорят, без пыли и грязи. Вскоре все стало на свои места. Тот, кто делал

попытку побороться за справедливость, увольнялся в тот же день. Таковых были единицы, каждый хотел выжить в условиях растущей безработицы и почти поголовной нищеты.

Конечно, аналогичная ситуация была у миллионов людей, и это прекрасно понимала Лариса. Она, и как все, надеялась на лучшее капиталистическое завтра. Оно все не приходило, а, наоборот, у нее появились новые проблемы. Создавал эти проблемы сам директор, которому очень нравилась женщина с роскошной внешностью. Он ее почти полгода не замечал. Приближался Новый год. На одном из собраний он объявил, что наиболее добросовестные работники в связи с праздником будут поощрены. Приказа по этому поводу не было. Каждый прекрасно знал, что неуживчивые и неугодные ему, премию не получают. За два дня до праздника в номер Ларисы, где она наводила порядок, пришла секретарша и попросила ее зайти в кабинет директора. Он любезно встретил ее и протянул ей ведомость. Пока женщина расписывалась, шеф очень тихо на ее ушко прошептал, что он принял решение дать ей не сто, а тысячу рублей. Лариса весело засмеялась и взяла из его рук тысячу рублей, хотя в ведомости за это не расписалась. Ей тогда и в голову не приходило, что она поступила неправильно. Хотя в ее душе в тот же вечер было тревожно. Старый лис неспроста отважился дать ей такую премию. И в этом она убедилась совсем скоро, в день Советской Армии. Ее опять попросили зайти к директору. Она понимала, что в мужской праздник ею вряд ли будут поощрять. Скорее всего, ее вызывали по работе. Однако она в своих умозаключениях ошиблась. Степан Степанович начал разговор о том, что скоро приедет иностранная делегация и это потребует добросовестной работы от Ларисы. Она молчала и утвердительно кивала головой. Она, конечно, про себя чихвостила этого пердуна, который за все время работы в гостинице не заглянул ни в один номер. После официального инструктажа шеф вытащил из бара бутылку шампанского и предложил женщине выпить за мужской праздник. Она, дабы его не гневить, немного пригубила содержимое фужера и потом отодвинула его в сторону. Директор, в свою очередь, все допил до дна и с умиляющей улыбкой стал осыпать блондинку комплиментами, что она очень молодая и красивая. Затем он подошел к ней поближе и умоляющим голосом стал

просить ее провести с ним хотя бы один час любви у него дома, как у многолетнего холостяка. Взамен этой «услуги» он предлагал ей все должности, которые есть в гостинице, вплоть до директорской. Лариса в ответ на все эти предложения только смеялась и нервно терла свои красивые руки. Ее безразличие в конце концов старика вывело из себя. Он как лев плюхнулся в свое мягкое кресло, затем встал и рванулся непонятно почему к письменному столу, стоящему наискосок от директорского Т-образного столика. И здесь с ним приключился казус. Он на пересечении ковровых покрытий каким-то образом споткнулся и ударился своей лысиной об острый угол письменного стола. Кровь фонтанчиком брызнула из его плешины. Он машинально вынул из кармана брюк носовой платок и приложил его к лысине. Затем красный как рак с остервенением нажал на кнопку какого-то аппарата, через пару секунд к нему вбежал молодой парень и милиционер. Степан Степанович, невзирая ни на что и ни на кого, стал матами разного этажа и калибра поносить тех, кто плохо убрал его кабинет. Лариса, понимая, что здесь сейчас не до нее, тихо и незаметно вышла вон. С этого момента она уже не была в списке претендентов на премию. Просить об этом директора она также не собиралась. Ну, а тот, конечно, стал ей мстить, притом мстил жестоко. Через неделю ее перевели работать ночной горничной. Работы было в принципе не больше, однако нервотрепки хоть отбавляй. Особенно тяжело было со спецконтингентом. В период массовых заездов в гостинице не смолкал хохот или песни, что вызывало удовольствие одних и явное раздражение других. Кое-кто из живущих приводил своих знакомых в номер. У нее не хватало смелости спросить цель их визита. Она очень боялась попасть в немилость какой-либо неизвестной для нее важной персоны. Уставала она также из-за буйного поведения гостей. Ее сильно рвало, когда она заходила в номер и видела лужи блевотины тех, кто только вчера красовался на телевидении в дорогой и опрятной одежде, и с прилизанной прической. Кое-кто из них «забывался» на почве пьянства, притом очень основательно, забывая, что ночная горничная не есть его жена или его секретарша. Буквально за неделю до встречи с Владимиром в ее дежурство произошел курьезный случай. В одном из номеров проживал очень важный чиновник из центральной России. Он, казалось, приехал с благими намерениями – крепить дружбу с сибирским

регионом. После подписания деловых бумаг решил вечером в гостинице расслабиться. В три часа ночи дверь комнаты дежурной кто-то резко открыл. Лариса от страха сильно вскрикнула. Обернулась – перед нею тот тип, который только вчера «подписывал» дружбу с сибиряками. Он стоял в одних плавках, из которых что-то выпирало. Важный чиновник принялся совать в лицо женщины пачку денег, затем стал заламывать ей руки. С большим трудом ей удалось вырваться и вызвать охрану. Чиновник не извинился перед горничной ни утром, ни перед своим отъездом.

Достоверная информация о тяжелой работе любимой женщины вынудила Владимира действовать, притом действовать умно и профессионально. В первую очередь, он решил прилично одеться по принципу новых русских. В престижном магазине он купил дорогостоящий костюм и туфли. Затем сделал себе очень короткую прическу. Его внешний вид «тянул», как минимум на отца крупнейшей преступной группировки. Поменял он и свое авто. Вместо «горбатого» для визита в гостиницу он взял на прокат «Мерседес» Николая. Прихватил с собою и его водителя, который был также одет соответственно своему «шефу».

К обеду Иванов уже был в кабинет директора, который встретил нового русского с распростертыми руками. Оказывается, он был многое слышан о «железной» фирме, кое-что слышал и о Владимире. И это дало возможность визитеру действовать более решительно. Узнав о том, что его гость является мужем красивой горничной, старик явно трухнул. Он не сомневался, что его «отношения» с блондинкой были ему известны. Владимир, слушая его заискивающие оправдания, с презрением смотрел на это старое лысое существо. Оно было очень маленького роста и с большим животом, через который пролегали подтяжки, соединяющие короткие брюки и рубашку. Его полуквадратная голова, скорее всего, не содержала в себе умных мыслей. Владимиру не хотелось смотреть и в его рыбы глаза, которые то и дело бегали в разные стороны. Несмотря на это, новый русский продолжал шутить с этим существом, даже что-то ему поддакивал. Во время беседы у него возникла мысль, что Ларисе, как женщине с математическим уклоном, очень удобно будет работать в бухгалтерии гостиницы. С этим согласился и Степан Степанович. Он сразу же вызвал к себе заместителя и попросил его приготовить

по этому поводу приказ. Этому назначению обрадовалась и Лариса. После визита ее мужа отношение к ней со стороны директора сильно изменилось. Он первым протягивал ей руку и заискивающее улыбался.

Остаток лета, а это составляло целых два месяца, жених и невеста провели в отпуске. Директор фирмы пожелал им «медового» лета и подарил им тысячу американских долларов. В первую очередь, Владимир одел Ларису. Он покупал все сам, что шло к ее лицу и фигуре. Побывали они в ресторанах. Однако все это им скоро надоело. Оба пришли к выводу, что лучше родного края для отдыха нигде нет. Почти целый месяц они жили на малой родине Ларисы. Они ездили в лес и ловили рыбу. Где бы они не были, с ними всегда и везде была ее Величество любовь. Любви они отдавались без остатка, они наслаждались ей, и это давало им надежду на счастливое будущее. И это будущее они решили закрепить браком. По обоюдному согласию было решено подать заявление в ЗАГС 25 сентября. В этот день Владимиру исполнялось ровно полвека.

ГЛАВА 7. ВОСКРЕШЕНИЕ АННЫ

Медовый отпуск, проведенный в родном крае, вновь подтвердил единство духовных сил Владимира и Ларисы. У них все было единое: тело и душа. Они понимали друг друга с полуслова. С первого дня их знакомства прошло всего четыре месяца, а, казалось, что они всегда жили вместе и никогда не расставались. Душевное спокойствие Ларисы, которая успешно работала на новом месте, передалось и Владимиру. Он уже по-другому стал смотреть на мир. В свободное от работы время он больше и больше предавался философским размышлениям, которые носили более человеческий оттенок. Мир для него стал менее озлобленным, он меньше реагировал на то, что его так раньше сильно раздражало. Лежа в постели, он ласково целовал волосы своей любимой и все думал, думал. Он вновь благодарил Бога за то, что он помог ему в таком возрасте стать

счастливым. Он благодарил мать и отца, благодаря которым он появился на этот свет. Иногда он перебирал в памяти всех женщин, с которыми ему пришлось соприкоснуться, даже их любить. Все они были недостижимы до Ларисы. Она была для него своеобразным амулетом, который стал приносить ему счастье. И чем больше он обожествлял этот амулет, тем больше он источал чудодейственные силы для его вдохновения. Порою он прерывал свои философские размышления и осторожно покидал постель, стараясь не разбудить сладко спящую Ларису. Затем выходил на балкон подышать свежим воздухом ночи. Это длилось не очень долго, что-то заставляло его вновь идти в постель. Он на цыпочках приближался к кровати и останавливался, чтобы полюбоваться красотой нагой Ларисы, которая, как младенец, во время сна сбрасывала с себя одеяло. Он не нуждался в дополнительном свете. Едва заметного света луны, проникавшего через окно, было достаточно для того, чтобы ее разглядеть. Он опускался на колени и осыпал поцелуями все ее нежное тело с ног до головы. Она сквозь сон чувствовала его поцелуи и начинала играть своим телом, подставляя его для его губ. Игра приносила влюбленным наслаждение. Через некоторое время они не выдерживали и предавались любви, которая иногда забирала их в свои объятия на долгое время.

До пятидесятилетнего юбилея Владимира оставалась одна неделя. Все его знакомые ждали этот юбилей с нетерпением и готовили неведомые для именинника подарки. «Железная фирма» также готовила подарок для заместителя директора. Кое-кто из приближенных проинформировал юбиляра, что директор уже купил для молодоженов путевку на Канары. Супруги Панибудьласки свой подарок держали в строгом секрете. «Официальная» обеспокоенность была и у стариков-соседей. Иван Петрович почти ежедневно консультировался у Ларисы по поводу предстоящего подарка ее мужу. Устраивала себе «пытки» и Лариса. Она перелистала десятки журналов, в которых давались те или иные рекомендации по поводу подарков юбилярам. Она «глотала» информацию и от женщин в гостинице, которые когда-то дарили или собирались дарить подарки своим мужьям. Сам же юбиляр к этому ажиотажу относился равнодушно. Он понимал стремление близких ему людей сделать для него что-то приятное. Ведь у каждого человека, живущего на этой земле, есть свои рубежи. Честно говоря, он совсем

недавно в душе очень сожалел, что ему не все удалось сделать, о чем когда-то он мечтал. Однако в последнее время, когда появилась Лариса, он уже об этом все меньше и меньше задумывался. Любовь к Ларисе поглотила все его проблемы, расправила ему крылья для полета, не только обновила кровь в его немолодом организме, но и воскресила его надежду в земное счастье, без которой ни один человек не может жить в этом мире. Его день рождения приходился на понедельник. Торжество решили перенести на выходные дни. Для этого мероприятия на два дня было арендовано небольшое кафе. Владимир и Лариса не любили пышных и богатых застолий. Они сами готовились к юбилею по-скромному и просили об этом других. В свой день рождения Владимир на работу не поехал, на фирме было за правило, именинники должны отдыхать дома. Отпросилась с работы и Лариса. Не успели первые лучи сентябрьского солнца коснуться сибирской земли, как она разбудила Владимира и крепко его поцеловала, затем вручила ему большую розу. Небольшое семейное торжество решили отложить на вечер, а день посвятить подготовке праздничного стола и сделать визит в ЗАГС. Встреча была назначена на три часа дня. Лариса то и дело перебирала свой гардероб, определяя, в каком платье или костюме она пойдет в ЗАГС. Владимир ей не мешал. Себя он в этом отношении вообще не утруждал. Строгий черный костюм с белой рубашкой и галстук с коричнево-белой полосой на нем были всегда и везде. Быть в этом одеянии он намеревался на торжественном юбилее и в ЗАГСе. Часы показывали ровно одиннадцать. Лариса быстро оделась и поехала в парикмахерскую. Хозяин остался дома.

Неожиданно кто-то позвонил в дверь. Владимир открывать ее не спешил. Сначала он подумал, что кто-то из подростков в подъезде балуется. Звонок повторился опять и опять, звонили уже более уверенно. Он на время оставил кухню и направился к двери. Открыл дверь и на какой-то миг он потерял разум. Перед ним стояла... Анна. Да это была она, его Анна, женщина с черными глазами и с полосой уже седых волос на голове. Никто из них не двигался, не протягивал друг другу руки, ни у кого не было слез и сил. Мужчина в домашнем халате и женщина в осеннем пальто стояли друг против друга и молчали. Каждый из них в этот момент думал друг о друге и размышлял о своей судьбе. Первой

пришла в чувства Анна, у которой неожиданно выступили крупные слезы из глаз. Она бросилась на шею Владимиру и стала его жадно целовать. Он ответил тем же.

Анна зашла в квартиру и стала раздеваться. Каких-либо громоздких чемоданов при ней не было, кроме дамской сумочки. Настоящая хозяйка окинула взглядом свое жилье. Все, казалось, было на своем месте, та же мебель, те же шторы. В шифоньере кроме своих платьев она увидела и незнакомые для нее. На ночном столике перед овальным зеркалом лежали предметы дамского туалета, которые ей никогда не принадлежали. Анна все ходила и ходила по комнате, ходила молча. Молчал и Владимир. Обход и осмотр жилища хозяйкой был недолгим. После этого Владимир пригласил ее за стол покушать, ссылаясь на ее возможный голод после дороги. Правда, какой была эта дорога, короткой или длинной, он не знал. Анна решительно отказалась, но за стол села и уставилась на мужчину своими черными глазами. Владимир смиренно сел напротив и также стал глядеть в глаза женщины. Свои глаза они в сторону не отводили. Никто из них не чувствовал себя виновным, никто из них еще не знал о том, что произошло с каждым совсем недавно. Каждый из них помнил совсем недавнее прощание, в время которого они клялись в своей вечной любви к друг другу. Только смерть могла разрушить их счастье.

Первым начал рассказывать о своей жизни Владимир. Он, глядя в глаза девочки из своего детства, ловил себя на мысли, что она и сейчас для него остается любимой женщиной, несмотря на неожиданную разлуку. Однако через какой-то миг в его голове появлялся образ Ларисы, и он уже почему-то не мог понять двойственность своего ума и своей души. Однако, чем больше он рассказывал о своей жизни, тем быстрее исчезали из его головы эти мысли. Женщина с роскошной внешностью для него была понятнее и роднее. Он рассказал Анне все до каждой мелочи из своей жизни, когда ее самолет взял курс на восток. Рассказал и о Ларисе, и о том, что он сегодня с нею подает документы для регистрации брака. Он не хотел лгать немке из его родной деревни, которая дала ему не только вторую жизнь, но и право на счастье. Владимир все говорил и говорил, и всегда старался смотреть в глаза хозяйки. Он не чувствовал вины перед ней, он и сейчас не

понимал, почему она так долго не давала о себе знать. Анна монолог своего земляка слушала очень спокойно и молчала.

Наступила и ее очередь говорить. Ее монолог с корнем вырвал у Владимира все то плохое, о чем он порою думал о ней за все это время. Чем больше он узнавал о ее житье-бытье, тем больше кровоточило его сердце. История была поистине трагичной. Причиной этому явилась зависть людей. Сестра Анны уехала в Германию через неделю после ее приезда. Ее мать, несмотря на свою немощь, продолжала ненавидеть свою младшую дочь. Старуха своим нытьем и нравоучениями иногда доводила Анну до истерики. От Владимира она получила всего одно письмо, остальные не видела даже в глаза. Об этих письмах, полных теплоты и нежности к ней, она узнала значительно позже, почти через два года. Деньги, которые он ей отправлял каждый месяц, она получала очень редко. Мать и дочь жили на одно пособие по инвалидности. Старшая сестра никакой материальной помощи не оказывала.

О проказах подруги сестры, которая работала с ней на почте, Анна узнала совершенно случайно. Узнала в день смерти своей матери. На кладбище к ней подошел мужчина. Он был подпитой и поэтому много болтал. Кое-что из его болтовни женщину очень удивило, особенно о Владимире, о ком она никому и никогда в этих краях не рассказывала. Внезапно у нее возник план по выуживанию информации. Все замыкалось на водке, которую очень любил этот крестьянин. Он был очень доволен, что такая красивая женщина пригласила его в гости. Она очень многое узнала в этот день от него. Однако чувствовала и то, что он не до конца откровенен. Мужчина делал это специально. За полную информацию он просил одно - переспать с красивой женщиной. Анна согласилась. «Любовник» как на духу рассказал все о том, что творила его жена, работник почты. Она действовала очень хитро и по-опытному. Все денежные переводы от Владимира, его письма и информацию о переговорах она перехватывала. Деньги присваивала, письма читала и уничтожала. Потом она сочиняла разные небылицы об Анне в письмах знакомой, которая жила в Сибири. Полового акта, как такового, с Анной у информатора не получилось. Хотя уже все было готово. Он уже лежал в постели в чем его мать родила. Его «любовница» на чуточку исчезла, пошла по женской необходимости

в туалет. Анна, воспользовавшись этой приманкой, быстро набросила на себя халат и закрыла свою квартиру на замок. Затем побежала в дом, где жила жена «любовника». Через некоторое время она пришла вместе с той женщиной, которая заставила ее страдать все эти годы. Возмездие в какой-то степени состоялось. Соседка так отдубасила своего ненаглядного, что его в тот же день увезли в больницу. О драке семейной пары узнала милиция. Клубок стал раскручиваться. Вызывали и Анну. Жена пострадавшего прямо ей в глаза сказала, что все плохое для немки она делала из-за зависти. Она всю жизнь завидовала людям, которые уезжали в Германию.

Через месяц после смерти матери Анна стала собираться в Сибирь. Денег на поездку не было. Оставалась одна надежда – продать жилье. Продать его не получилось. Из Германии пришла телеграмма от сестры, которая являлась владелицей небольшого домика, она запрещала его продавать. Нехватка денег вынудила Анну ехать пассажирским поездом в общем вагоне. Дорога была очень тяжелой и изнурительной...

Они высказали друг другу правду и только правду. Наиболее горькой жизнь была у Анны. Владимир не мог предполагать, что какая-то мразь из глухой деревни может разбить настоящую любовь двух людей, которые никогда в жизни не делали больно кому-либо. Сейчас они сидели друг против друга и плакали. Скорее всего, это были слезы от той боли и тоски, которые каждый из них выстрадал. Возможно, это были и слезы надежды на воскрешение новой любви, которую не по их вине разрушили. Владимир в это поверил первым. Он быстро встал из-за стола и опустился на колени перед Анной и стал целовать ее руки. Она молчала и только изредка вытирала одной рукой его слезы, другой гладила рано его поседевшие волосы. Неизвестно сколько бы времени он стоял на коленях перед женщиной, как дверь открылась и в квартиру вошла Лариса. Она быстро подбежала к зеркалу, висящему в коридоре, и как из пулемета стала тараторить о том, какую прекрасную прическу ей сделали в парикмахерской. И это удовольствие ей стоило на двадцать рублей меньше, чем положено по прейскуранту. Затем она открыла дверь кухни и замерла... Ее любимый мужчина стоял на коленях перед незнакомой для нее женщиной и плакал. Она сначала не придавала этому «спектаклю» никакого значения, и как полагается любящим супругам, ласково

поцеловала Владимира в макушку. После этого она попросила его посмотреть на ее прическу. Она и вправду была красивой. Владимир встал с колен и подошел к Ларисе, поцеловал ее нежно в губы и попросил ее присесть. При виде его заплаканных глаз, из которых исходила не то величайшая тревога, не то глубокая тоска, у нее тревожно забилося сердце. Она в какие-то доли секунды стала создавать в голове всевозможные ситуации, которые могли так в корне изменить его настроение. Особо страшных ситуаций она не находила, и это ее каким-то образом успокаивало. Она была уверена, что ее счастью с Владимиром никто и ничто не помешает. С этими мыслями она и присела к столу напротив незнакомой женщины, которая была очень привлекательной. Некоторое время две женщины сидели за столом и молчали. Каждая из них ждала то, что сейчас скажет им мужчина. Анна в какой-то мере была даже спокойней, чем Лариса, так как она уже знала историю их любовного романа. Любовный роман немки и русского для Ларисы был еще неведом.

Владимир после долгого раздумья подошел к кухонному шкафу и достал из него граненый стакан. Затем он подошел к холодильнику и вытащил из него бутылку русской водки. Потом он открыл ее и наполнил прозрачной жидкостью стакан. Взяв его в левую руку, он медленно стал пить. Женщины уже знали неистребимую привычку мужчины и тихо молчали. Эта привычка для каждой из них напоминала только хорошее, что так или иначе их связывало с ним. Сейчас же их мужчина почему-то изменил своей привычке, теперь он не тянул жидкость, как раньше. Он почти молниеносно опрокинул водку в рот и также быстро поставил пустой стакан на стол. Он и сам не знал, почему он так сделал. Раньше он всегда потягивал жидкость очень медленно, просил Бога сделать его счастливым. Сейчас он уже никого об этом не просил. Быть или не быть ему счастливым, определял она только сам, и никто иной. Эти две женщины, сидящие за кухонным столом, были для него нравственным мерилom его жизни. Он в равной степени их любил, любил очень страстно. Ему было жалко Анну, которой он многим был обязан. Ему не хотелось терять и Ларису. До воскрешения Анны они жили нормально, жили как лепестки одного цветка, который никогда не увядал. Они обе были для него женщинами с большой буквы.

Владимир извинился перед женщинами и вышел на балкон, принялся опять думать. После выпитого в его голове все больше и больше стали появляться тревожные мысли. Самой страшной для него было потерять любимую женщину, а какую, он в своем мозгу почему-то еще не мог отыскать. Потеря той и другой для него означала величайшую трагедию. Как без Анны, так и без Ларисы он не мог жить. И все это опять его толкало к Богу, который ему, как человеку, дал не только жизнь, но и подарил великую любовь двух прекрасных женщин. Ему на какой-то миг казалось, что Бог решил испытать своего раба на счастье. К сожалению, раб не справился с нахлынувшим потоком счастья и потерял все, ради чего он жил последние годы. Владимир покинул балкон и подошел к кровати, над которой висела небольшая иконка с изображением Иисуса Христа. Он взял ее в руки и ее поцеловал, опустил на колени и трижды перекрестился. Через некоторое время он со слезами на глазах вышел из квартиры. Внезапно для себя обернулся. В окне своей малосемейки он увидел двух красивых женщин.

К человеческому разуму он пришел уже в дороге, когда его «горбатый» несся по асфальтированной дороге в направлении к родной деревне, где ровно полвека назад он родился. Уже сидя за рулем, он стал осознавать, что какая-то божественная сила заставляет его вновь идти к своим родителям. На их могиле он всегда обретал душевный покой, держал совет, находил причины своих ошибок. В деревню он приехал поздно вечером. Он, как всегда, без ошибки нашел могилу родителей, упал перед нею и разрыдался. Через некоторое время он подошел к могиле деда. На кладбище было очень тихо. Легкий сентябрьский ветер слегка шевелил остатки листьев березы, которая уже не один десяток лет охраняла вечный покой его родителей и его деда. Прошел час. Немного поживаясь от холода, он пошел к «горбтому» и открыл багажник. Затем вытащил из него сумку, в которой были две бутылки водки и закуска. Все это составляло его неприкосновенный запас, который он использовал только в исключительных случаях. Сегодня он на это имел полное право. Часы при тусклом свете луны показывали ровно одиннадцать. До конца полувекового юбилея Владимира оставался ровно час. Он быстро раскрыл сумку и поставил ее содержимое на столик возле могилы. Затем в дорожный стакан налил водки. Немного подумав, он вновь вернулся к машине. В багажнике он

отыскал три бумажных стаканчика из-под мороженого. Он с радостью до верхов их наполнил водкой и поочередно поставил на могилу отца, матери и деда. Нет, он не был умалишенным, а, наоборот, он был человеком глубочайшего ума и величайшей преданности памяти своих предков. Первый тост он поднял за своих предков, которые дали ему право на жизнь. Второй стакан он пил за себя, за свой юбилей. Спиртное в какой-то мере дало ему очередную энергию для мыслей. Пятидесятилетний мужчина в эту ночь пришел к однозначному выводу. Ему еще очень рано уходить в иной мир, куда ушли его родители и дед, многие из селян. Он только сейчас понял различие в его жизни тогда, когда он несколько лет назад, уставший от ее пороков, пытался уйти к предкам и теперь. Он прекрасно понимал, что сейчас он не имеет права самостоятельно отвергать свое счастье, которое ему послал Бог. Он также осознавал, что он не в праве лишать счастья и двух женщин, любящих его. Анна и Лариса имели равное право, как и он, на свое счастье. Он посмотрел на часы. Стрелки отмеряли первые минуты его первого дня очередного десятилетия. Владимир пил за эту жизнь, за счастье...

Проснулся он к обеду. Яркие лучи солнца затянувшегося «бабьего лета» весело прыгали на его седой щетине. Скорее всего, он еще бы не проснулся, так как сильно был пьян. Его разбудил шум подъехавшей машины. Он невольно поднял голову и увидел «Мерседес», из которого стали выходить люди. Все они были ему до боли в сердце знакомые. Первым к кладбищу шел Николай, шеф «железной фирмы», за ним следовал Пан-полковник. Мужчины по-дружески поздоровались. Петр, увидев на высохшей траве две пустые бутылки, усмехнулся и поглядел на Владимира. Затем он слегка ударил его по плечу и сказал:

- Знаешь, мой сибиряк... Все юбилеи праздновать надо только с друзьями и с любимыми... Иначе, приходит хана...

Немного походив вокруг могилы предков своего друга, он смахнул со своих глаз слезы и тихо прошептал:

- Володя, иди к машине... Там тебя ждет женщина, которая имеет право на большее счастье, чем тот, кто пьет водку на тихом кладбище...

С очень большим волнением подходил Владимир к иномарке. Честно говоря, ни его разум, ни его сердце ему не подсказали, кто сейчас будет сидеть в машине, кто из двух женщин протянет ему руку и кто из них пожертвует своим счастьем. Возле водительского места в машине сидела Анна. Никто из них не протянул друг другу руки, все молчали. «Алкоголик» смиренно сел за руль и машина рванулась, разгоняя своим шумом неизвестно откуда появившихся гусей. Они с гоготом разлетались в разные стороны, и даже приземлившись, продолжали недоуменно смотреть вслед удаляющегося «Мерседеса». Несмотря на отсутствие опыта в вождении иномарки, Владимир вел машину уверенно. Да и каких-то препятствий не было. Проселочная дорога была ровной и укатанной машинами, которые изредка ему попадались на пути. Они возили зеленую массу для силоса.

Иномарка летела как птица, и сидящие не успели заметить, как деревня исчезла из вида. Это не пугало ни водителя, ни пассажирку. Для каждого из них здесь все было знакомое и родное. Проехали пять километров. Это расстояние Владимир мог определить и без спидометра. Своеобразной точкой отсчета была деревянная вышка, стоящая возле дороги. Не один десяток раз ходили Владимир и Анна в детстве по этой дороге за земляникой и грибами. Не один десяток раз каждый из них взбирался на эту тридцатиметровую вышку в надежде увидеть ту или иную деревню, а может, и даже город. Водитель остановил «Мерседес» в лесу возле вышки и вышел из машины. Вышла и Анна. Она была в легкой кофте и в короткой юбке, без осеннего плаща. Она немного ежилась от прохладного воздуха. На самом деле он был не такой холодный. Скорее всего, длинная дорога и пребывание в машине сделали ее тело на какой-то миг боязливым к прохладе. Они стояли в нескольких метрах друг от друга и молчали. Мужчина пристально рассматривал лицо женщины и не мог ни заметить мелких морщин на ее лбу и возле ее глаз. Да и ее лицо стало значительно строже, не говоря уже о седине, которая все больше заявляла о себе среди ее черных волос. Рассматривала мужчину и женщина... Они все больше и больше находили в друг друге то, что так их сильно объединяло всего три года назад. И не только это... Мужчина вновь увидел

девушку с черными глазами, а она увидела в нем мальчишку, который воровал яблоки. На какой-то миг их мысли совпали и они бросились навстречу друг другу.

Владимир поднял Анну на руки, и как это было совсем недавно, стал ее осыпать поцелуями. Она, в свою очередь, со слезами на глазах крепко целовала его и что-то шептала ему на ухо. Он чувствовал прерывистое дыхание своей любимой и знал, как истосковалось без него ее тело и душа. Через несколько минут они отдались друг другу и стали единым целым, как это было, казалось, совсем недавно.

По дороге в областной центр Анна рассказала все подробности того, что произошло после ухода Владимира из дома. Женщины, любящие одного мужчину, изложили друг другу все, что у них было на душе. Лариса, впервые услышав от Анны всю историю ее отношений с Владимиром, поступила очень серьезно и ответственно. Она решила не мешать вновь воскресшей любви Анны и Владимира. Хотя это было ей очень нелегко сделать.

Домой они приехали поздно вечером. В квартире все еще напоминало о Ларисе, которая жила здесь всего какие-то сутки назад. Владимир чувствовал еще запах ее духов и запах ее тела. Он ощущал ее присутствие даже тогда, когда они с Анной занимались любовью. Рано утром раздался телефонный звонок. К аппарату подошла Анна. Ее разговор продолжался около десяти минут. Она сказала, что звонил директор фирмы и просил Владимира не выходить на работу, а основательно готовиться к торжеству. До празднования его полувекового юбилея оставалось три дня. Аренда кафе не вызывала каких-либо проблем. Мало этого. Его сотрудники сами позвонили и сказали, что у них подготовка идет полным ходом и просили юбиляра не беспокоиться. Оставалась одна Анна, ее предстояло одеть. На поиски всего необходимого для нее ушло два дня. Владимир делал все возможное, чтобы сделать что-либо приятное для своей любимой женщины. Быть самой красивой на юбилее своего будущего мужа стремилась и Анна. Она поехала в самую престижную парикмахерскую города и вернулась только через три часа, что вызвало серьезное беспокойство у Владимира. Однако все это окупилось сторицей. Перед ним предстала уже совсем другая Анна с короткими волосами, которые были перекрашены в каштановый цвет. Чувствовалось, что она делает все возможное

для него, чтобы его юбилей был настоящим праздником. И в этом она хотела играть далеко не последнюю роль.

Суббота подошла очень быстро. Ровно за час до начала торжества к подъезду девятиэтажки подъехал «Мерседес», который уже ждали Владимир с Анной. Он ожидал, что иномарка возьмет курс в направлении кафе, которое находилось недалеко от железнодорожного вокзала. Он стал было поправлять маршрут движения, что у водителя директора «железной» фирмы почему-то вызывало улыбку. Одновременно с ним улыбалась и Анна. Равнодушие водителя и женщины к его замечаниям стало выводить юбиляра из себя. Он не на шутку стал нервничать. Анна решила его успокоить и тихо шепнула ему на ухо, что все идет по плану. Сейчас они едут в гостиницу, где их ждет сюрприз. Узкая асфальтированная дорога, проходящая тонкой лентой среди многолетних сосен, заканчивалась перед самым входом в гостиницу. Через несколько минут «Мерседес» выскочил из бора и остановился перед трехэтажным зданием. На парковочной площадке стояло множество машин иностранного и отечественного производства. У Владимира обилие автомобилей особого ажиотажа не вызвало, он прекрасно знал и вполне это предполагал. Была суббота, тем более, стояла чудесная солнечная погода. Кто-либо из чиновников или новых русских, а может и из простых смертных справляли какой-либо юбилей или свадьбу. «Мерседес» лихо подкатил к парадному крыльцу и здесь перед юбиляром открылась поистине торжественная сцена. По обе стороны от парадного крыльца стояли принаряженные люди. Многие из них в руках держали цветы. Лишь после того, как он вышел из машины и взял под руку Анну, он признал в стоящих людях своих сотрудников фирмы и работников гостиницы. По мере приближения к входу они аплодировали идущей паре. На верху парадного крыльца стоял Степан Степанович, рядом с ним стояла Лариса. Ее появление для Владимира было очень неожиданным. Он на какой-то миг, как и раньше, залюбовался ею. Ее фигуру, ее голос, запах ее тела он бы узнал из сотен тысяч женщин. У него больно защемило сердце, какие-то молоточки стали стучать в его висках. Однако кто-то или даже что-то молниеносно остановил его порыв. Он чувствовал, что Анна внимательно смотрит на него. У нее из глаз текли слезы. Она сильно сдавила своей ладонью его ладонь. И это

вконец вывело из некоторого оцепенения Владимира. Он повернулся лицом к Анне и также крепко сжал ее руку. Он еще на какие-то доли секунды окинул взглядом Анну и Ларису. Эти две прекрасные женщины по красоте и разуму были равные.

Лариса не выдержала и бегом побежала навстречу идущей паре. Затем она со слезами на глазах бросилась мужчине на шею. Какое-то время она ничего не могла сказать, слезы застилали ее прекрасные глаза, какой-то комок подступал к ее горлу. Она, все это преодолевая, протянула Владимиру большую красную розу. Затем она поцеловала его в губы и тихо прошептала:

- Я всегда хотела быть любимой розой маленького принца... Очень жалко, что судьбе было угодно разбить нашу любовь...

Сквозь набегающие слезы Владимир увидел в ее руках и тоненькую книжечку с уже со знакомым для него названием «Маленький принц» с труднопроизносимой фамилией французского писателя. Эта книга для него была очень дорога и он дорожил ей, как реликвией. Лариса трясущимися руками открыла книгу и на обратной стороне титульного листа зачитала слова, которые он запомнил на всю жизнь: «Как выглядит счастье? Не знаю... Но знаю, что счастье – это не птица, а если и птица, то не ручная, которая в руки сама садится... Счастье не то, что само собою приходит в дом, когда его и не ищешь. Счастье – это город отбитый в бою или отстроенный на пепелище!». Прочитав эти слова, она крепко поцеловала Владимира в губы и решительно пошла прочь.

Происходящая сцена в какой-то мере напоминала индийскую мелодраму. Стоящие друг против друга люди, наблюдали все это и плакали. Они плакали и понимали драму любви двух женщин и одного мужчины. Может кто-то из них больше жалел красавицу Ларису, которая уступила свою любовь другой женщине, и поэтому бросали ей под ноги цветы. Она шла в бездну несчастья, с горечью думая о счастье, которое она только что подарила незнакомой и чужой женщине. Анна, наоборот, шла к вершине своего счастья. Она в душе благодарила Ларису и Бога, которые ее поняли и привели ее к любимому человеку. Она шла теперь с этим любимым человеком к главному входу, шла, чтобы отметить с друзьями и близкими его юбилей. Им под ноги бросали цветы, которые предназначались для их уже совместного счастья. Начало торжества юбиляру очень

понравилось. Он то и дело чмокал Анну в щечку. В своей душе он благодарил ее за все то, что она дала ему в этой жизни и за тот сюрприз, который ему все сегодня преподнесли.

Однако все то, что произошло через час в праздничном зале шокировало и Владимира и Анну. Неожиданно для них, а может и для большинства сидящих в зале, раздалась музыка Мендельсона, знакомая до боли в сердце каждому, кто встал на путь семейной жизни. Затем откуда ни возьмись появились работники ЗАГСа в своей форме. Заведующая ЗАГСом, симпатичная женщина с ярко накрашенными губами по микрофону пригласила Владимира и Анну... для бракосочетания. По смеющимся и искрящимся от радости глазам, Владимир понял, что это «проделки» Николая, руководителя фирмы и Пана-полковника, которые стояли возле работников ЗАГСа и улыбались. Этот день в его жизни стал особым днем. Он впервые за полвека стал осознавать, что такое счастье и любовь. Эти два понятия стали для него неразделимыми и составляли единое целое. В этот день он и Анна, стали мужем и женой, к чему они так долго шли. Поцелуи любимой женщины в этот день для него были особые, они его очень пьянили. Он это чувствовал, как и чувствовал последний поцелуй Ларисы, который, как казалось ему, остался на его устах на всю жизнь.

Владимир больше никогда не встречался с нею, не звонил и не писал. Хотя прекрасно знал, что она работает в гостинице и живет в деревне, которая в тот праздничный день стала ему на всю жизнь близкой и родной. В канун великой Победы ему на квартиру позвонил Степан Степанович, поздравил его с праздником. Затем он, как бы невзначай, сказал, что Лариса через два дня уезжает на постоянное место жительства в Америку. В бухгалтершу влюбился американец, который жил в гостинице. Владимир на это ничего не ответил. Только он, и никто иной знал, за что можно любить таких женщин, как Лариса, женщину с роскошной внешностью.

ГЛАВА 8. НА ПУТИ В ГЕРМАНИЮ

Наступившие будни ничего нового не внесли в жизнь молодоженов. Владимир втягивался в работу, Анна не работала. Приличная зарплата мужа позволяла ей не работать, хотя не это было главной причиной, что она стала домохозяйкой.

Владимир считал свои долгом дать своей жене возможность отдохнуть от нервных стрессов, оправиться от той нищеты, которая преследовала ее в последнее время. Он стремился часть домашнего хозяйства брать на свои плечи. Грязное белье он отвозил в прачечную, реже стали они и питаться дома, особенно в выходные дни. Несмотря на то, что зима все больше и больше заявляла о себе, он заказывал такси и через несколько минут они сидели в ресторане или в приличном кафе. Не забывал он и о подарках, которые приносил почти каждый день. Они были не очень дорогими, но все же это было внимание к любимой женщине. Анна понимала его заботу и отвечала страстной любовью. Любовь уже немолодых людей давала им надежду на выживание в условиях просоветской капитализации общества. Люди с каждым днем и часом отгораживались друг от друга разнообразием металлических дверей и решеток, боялись выходить на улицу в позднее время. Особенно от этого страдала Анна. Вечером, когда они проводили время за телевизором, Владимир замечал, что при виде насилия и жестокости огоньки ее черных глаз все больше и больше становились тусклыми. Не раз и не два она жаловалась ему, что она даже днем боится ходить по городу и видеть озлобленные взгляды подозрительных типов, которых признано называть мужчинами. И все это его тревожило как человека, как мужа. Он все это осознавал и поэтому не стремился покупать ей дорогостоящей одежды. И не только это его беспокоило, не только этого он боялся. В душе он стал понимать, что в его стране красота женщин может стать для них же самих трагедией. Он очень боялся за безопасность Анны, он даже на один миг не мог представить себя без нее. Боялась за своего мужа и Анна. Порою ей становилось невмоготу, когда кого-то убивали из куска хлеба или из-за денег. Она становилась с каждым днем мрачнее. Особенно это видел и чувствовал Владимир, когда он с упоением рассказывал об успехах «железной» фирмы и о том, что его показывают по телевизору. Все это почему-то не вызывало у Анны прежней радости, как это было раньше, когда он

приносил деньги в первые дни своей работы. Она стремилась маскировать свое равнодушие, но не всегда у нее получалось.

Однажды у Владимира лопнуло терпение и он открыто спросил у нее о причине равнодушия к его успехам. Анна расплакалась и рассказала все, что ее беспокоило. Она очень близко брала к сердцу проблемы, имеющиеся в ее стране. Преобладали все же причины личного плана. Она опять стала вспоминать, что было связано с ее родителями, и с той женщиной на почте, которая из-за зависти к деньгам и к благополучию других, чуть было не разбила ее любовь и Владимира, сделала несчастной Ларису. Сказала и о том, что на могиле умершей матери она поклялась уехать на историческую родину своих предков. И это она сделает во что бы то ни стало, тем более, что три года назад она собиралась ехать туда вместе с Владимиром. Он ничего ей не ответил, решил основательно подумать. После того как Анна тихо засопела, он ударился в размышления. За время его работы на фирме очень многое изменилось. Он из простого рабочего стал заместителем директора, это тоже что-то значило. Он был хоть и небольшой начальник, однако это давало ему возможность не носить просоленную рубашку, а также получать больше денег. Он надеялся через два-три года купить благоустроенную квартиру. С этой точки зрения он не очень рвался в Германию. Да и зачем, от добра добра не ищут. За бугром ни Анну, ни его с распростертыми объятиями никто не ждал. Он прекрасно знал, что капиталист нуждается в молодых и умных людях. У него ни первого, ни второго не было. Он пришел к твердому выводу, что его поезд уже ушел.

С этими мыслями он ходил до воскресенья. Он хотел спокойно поговорить с Анной, даже набросал для себя план коротенького монолога. Воскресный день выдался на редкость с хорошей погодой. Воздух был наполнен зимней прохладой. К обеду появилось солнце. Было решено прогуляться по городу. Супруги вышли из подъезда и направились к парку культуры и отдыха. В парке было многолюдно. Народ толпился возле шашлычных и возле ларьков с мороженым. Приятный запах зажаренного мяса взял свое. Владимир, оставив Анну в небольшой палатке, где отдыхающие сидели и лакомились, кто чем мог, занял очередь за шашлыками. Минут через десять он принес два шашлыка и бутылку вина. Анна явно замерзла и изъявила желание немного выпить.

Он улыбнулся и ласково чмокнул ее в щечку, затем наполнил вином два стакана. Они чокнулись и выпили, принялись за шашлык...

Неожиданно возле палатки раздались не то автоматные, не то пистолетные выстрелы. В морозный день эти выстрелы прозвучали сухо и отрывисто. Владимир сначала опешил, он не мог представить такое безумие в многолюдном месте. Он выбежал из палатки. Вокруг нее собралось порядка полусотни зевак, которые обсуждали происшедшее. Все склонялись к одному. Две группировки неизвестных, не поделив что-то между собою, принялись разрешать спор с помощью оружия. Для них и палатка с десятками людей не стала помехой. Наиболее осведомленные в военном деле стали ее осматривать. Присоединился к ним и Владимир. К своему удивлению, «криминалист» увидел, что одна из пуль пробила две стенки палатки. Одно из отверстий находилось буквально в метре от головы Анны. Мысленно представив, что с нею могло бы произойти непоправимое, он побелел. Ему на какой-то момент стало плохо, и он невольно сел на деревянную скамейку, стоящую вдоль длинного стола, где трапезничали люди. Анна, заметив его неважное состояние, быстро подошла к нему и приложила руку ко лбу. Его голова была горячей, его знобило. Они быстро сели на такси. Через пять минут они уже были у подъезда своего дома.

Только к вечеру Владимир отошел от того потрясения, которое он испытал в парке культуры и отдыха. Он все размышлял, как преподнести происшедшее Анне. Та, скорее всего, не думала и не подозревала, что ее могло ожидать в этот воскресный день. Она ждала другого, ждала от него ответа на ее желание ехать в Германию. Она прекрасно понимала, что Владимир все обдумывает. Сегодня ее уже беспокоил не только этот ответ, но и возможное ухудшение здоровья ее мужа. Ей казалось, что во время вынужденной разлуки он жил впроголодь, много переживал. Ведь она прекрасно знала все его причуды и странности. Знала и то, что он не был слабым человеком, никогда не ныл, все переносил молча.

Часы показывали десять вечера. Владимир присел на диван и стал смотреть телевизионные новости. Анна сидела перед зеркалом и готовилась ко сну. Она внимательно наблюдала за мужем и была немного удивлена, когда увидела, как он зашел

на кухню и без всякой причины выпил полный стакан русской водки. Это ее очень насторожило, но ненадолго. Владимир слегка крякнул и почему-то весело засмеялся. Затем он подошел к ней, и подняв ее на руки, понес ее в постель. Через какое-то время она забылась и только чувствовала его жадные поцелуи, и ту страсть, которая захватывала их обоих... Анна проснулась в два часа ночи и была удивлена, что Владимир не спит и все о чем-то думает. Для нее это было как снег в летний день. Уж она-то знала его сонные «возможности», тем более, если он пропустил полный стакан водки. После этого даже танк, проходящий возле его ушей, его не разбудит. У нее невольно екнуло в сердце. Она поняла, что вчера произошло что-то серьезное, на что она не обратила внимания. Стрельба в парке ее не пугала. Всевозможные разборки уверенно входили не только в повседневную жизнь их города, они происходили на территории всей страны.

Анна, полускрыв глаза, незаметно для мужа стала наблюдать за ним. После того как он опустил вновь свою голову на подушку, она взяла его руку в свою ладонь и крепко сжала. Этот своеобразный знак, к которому они стали привыкать после разлуки, означал знак помощи друг другу и взаимопонимания. Она и сейчас своему другу ничего не говорила, она только очень пристально смотрела в его карие глаза. Он не заставил себя упрашивать и рассказал ей все, о чем он думал прошедшую неделю. Он сказал ей и о том, что он хочет незамедлительно уехать на историческую родину ее предков, и почему он изменил свое решение. Анна, узнав, что она только случайно осталась живой в этом злосчастном парке культуры и отдыха, разрыдалась. Владимир ее не успокаивал, он прекрасно знал, что все это бесполезно, а может даже и бессмысленно. В эту ночь они приняли твердое решение ехать в Германию и делать все необходимое для осуществления их совместной мечты.

Подготовка документов и сама идея о выезде была достоянием только их двух. Они хотели жить без всяких сплетен и интриг. Основная нагрузка по оформлению необходимых документов легла на плечи Анны. Это и было вполне закономерно. Она была немкой, а Владимир был, как сказала одна из сотрудниц фирмы, оформляющей документы, просто-напросто «приложением к журналу «Огонек». Точку зрения этой сотрудницы он не собирался оспаривать. Подготовка и оформление документов в общей

сложности заняли три месяца. Правительство Германии требовало от претендентов на въезд кучу документов. Особенно доставалось Анне, которая иногда приходила домой со слезами. Владимир всегда стремился успокоить переселенку, а иногда ради шутки ее наускивал. Она мгновенно становилась не то злой, не то смешной и начинала бегать за обидчиком. Размеры однокомнатной квартиры не позволяли долго устраивать детские гонки. В конце их мужчина брал женщину на руки и нес ее на диван, на который они вместе садились и искали совместные пути выхода из очередного тупика. Для «находки» некоторых документов требовалось время, притом немалое. Кое-кто из чиновников специально прятал их за семью печатями, что давало им возможность пощекотать нервы переселенцам. Приходилось давать взятки в любой форме: деньги, конфеты, спиртное и т.п.

После изнурительных мытарств им наконец удалось отправить необходимые документы в Германию, где началась соответствующая их обработка. Через четыре месяца пришло приглашение для сдачи языкового теста. Была определена и дата его сдачи. Анна и Владимир еще заранее знали, что они, согласно новому положению, обязаны сдавать тест на знание немецкого языка. Тестирование, как таковое, Анну не пугало. Она прекрасно знала язык диалекта, которым в свое время разговаривали ее родители. Ее же мужу предстояло освоить языковую «целину», которая называлась немецким языком. Он все это прекрасно понимал и делал все возможное для его изучения. Основным учителем и толчком была Анна, которая стала более строже и суровее к своему «первокласснику». Она вообще перестала общаться с ним по-русски. После работы Владимир приходил домой, садился за стол и открывал рот, чтобы поделиться местными и мировыми проблемами. Анна мгновенно затыкала уши от русской речи, или смеясь, убегала от собеседника. Сначала все это его злило. Шло время, метод продолжался. Иванов все больше и больше втягивался в необычный образ жизни, прекрасно понимая, что Анна делает только благо для своего «приложения к «Огоньку». Совместные усилия давали о себе знать. Вскоре он основательно освоил немецкую грамматику, свободно читал небольшие рассказы на немецком языке. Усердие русского довольно часто смешило немку. Она, видя Владимира, который шествовал по квартире в

домашнем халате с русской газетой в руках и с толстым русско-немецким словарем под мышкой, по-детски смеялась и хваталась за живот. Она в эти моменты говорила ему что-то по-немецки. Ученик довольно часто при этом делал глупое выражение лица, что означало, что он ничего не понял. Дабы не упасть лицом в грязь, он бежал к книжной полке и брался уже за немецко-русский словарь, иногда прося свою учительницу повторить то или иное слово, произнесенное ей только две минуты назад.

Сдача языкового теста прошла на редкость удачно. Сотрудник немецкого консульства оказался добродушным человеком, в крайнем случае, так показалось Анне и Владимиру. Анна в кабинет вошла очень спокойно, хотя и сильно переживала. Все в этой жизни бывает. Она довольно часто встречалась с русскими немцами, которые уже прошли это испытание. Кое-кто из них не сдал тест, что исключало их возможность попасть на историческую родину. Подобный случай произошел буквально за двадцать минут перед ее входом к немецкому чиновнику. Из одного из кабинетов вышла молодая особа со слезами на глазах, которую встречали не то ее родители, не то ее знакомые. Она, с трудом сдерживая свои слезы, пролепетала о том, что не сдала тест. Через некоторое время для нее вызвали врача. Анна из кабинета пришла минут через пятнадцать, пришла сияющей и счастливой. Она, ласково чмокнув своего мужа в щеку, тихо шепнула ему, что у нее все в порядке. Он крепко пожал ее руку и стал ждать своей участи. Вскоре вызвали и его. Чиновник, назвав самую распространенную русскую фамилию с явным немецким акцентом, протянул ему руку и пригласил его присесть. Затем попросил его рассказать свою автобиографию. Около минуты «студент» молчал, собирался с мыслями. После этого начал говорить. Он, не ручаясь за свой акцент, который был не то русский, не то немецкий, рассказал чиновнику почти все о своей жизни. Не забыл он и про армию. Немного передохнув, он взглянул на «профессора», который почему-то молчал. Владимир решил вновь атаковать, принялся рассказывать о своей семье. Упомянул и о крепких сибирских морозах. Он вновь взглянул на немца. Тот продолжал молчать. «Студент» вновь ринулся в бой, перекинулся в Германию. Он назвал всех выдающихся политиков страны. Не забыл и про канцлера, который был несколько раз женат.

К финишу своего монолога «студент» пришел очень своеобразно. Он с серьезной миной доложил «профессору», что он очень трудолюбивый мужчина и привел по этому поводу две немецкие поговорки, которые вызубрил за полчаса до экзамена. Он также в подтверждение этому представил вещественные доказательства. Иванов моментально вынул из своей куртки две небольшие книжки на немецком языке и стал показывать то, что он уже прочитал, и то, что намеревается прочитать. Вещдоки русского вызвали у немца улыбку. Он, скорее всего, для приличия взял одну из книг и полистал ее, затем отложил ее в сторону. Экзаменатор больше ни о чем не спрашивал своего подопечного. Он протянул ему руку и сказал, что у Иванова и у его жены все будет в порядке. Сказал это на трех языках: немецком, английском и русском. Владимиру все еще почему-то не верилось, что он сдал языковой тест. Он переспросил об этом молодую девушку-переводчицу, которая сидела рядом с немцем. Она улыбнулась и ответила по-русски, что все в порядке и надо только ждать вызова.

Время в ожидании вызова тянулось очень медленно. Прошло шесть месяцев, бумаг никаких не было. Владимир и Анна стали переживать, особенно нервничала Анна. Из достоверных источников она узнала, что некоторые русские немцы, сдавшие тест одновременно с ней и даже позже, получили вызов и уехали на историческую родину. Такое развитие событий, конечно, вызывало множество предположений и суждений. Она через своих знакомых принялась искать причины непонятных преград. Спасительной соломинкой для утопающих стал Манфред, немец из ФРГ. До него Анна добралась совершенно случайно через свою знакомую, которая работала в одной из парикмахерских города. Она, узнав о горе подруге, дала ей его адресок. Не преминула сказать и то, что он многим помогает в оформлении документов.

Владимир, честно говоря, не очень верил в «чудеса» немца, зная о порядочности западногерманских чиновников. Анна, наоборот, советом подруги решила не пренебрегать. Муж уступил своей жене, хотя с очень большой натяжкой. До визита к немцу оставалось десять дней. Все это время они просто-напросто нервничали. Анна на первый этаж спускалась два-три раза в день, надеясь на то, что заветная бумажка лежит

в ее почтовом ящике. По пятницам она звонила в фирму, которая отправляла их документы. Сотрудники уже в который раз просили ее ждать и ждать.

Манфред жил на окраине города в небольшом перекосившемся доме, вокруг которого буйно росла трава и бурьян. Двор был почти полностью завален дровами и старыми досками. Все это произвело на Владимира очень удручающее впечатление. Постучали в дверь, которую открыла симпатичная женщина, лет тридцати. Она провела гостей в дом. Их было трое: Анна, Владимир и парикмахерша, которую Анна ублажала ради успешного делового разговора. Владимир, как и полагается, хозяевам принес подарки. Людмиле, так звали хозяйку, он вручил розы. На стол он поставил бутылку дорогого коньяка, коробку конфет и торт. Хозяин еще почему-то не появлялся. Он вышел из другой комнаты минут через пять, всех поприветствовал. Протянул руку он и Владимиру. Манфред, по его мнению, разительно отличался от работников немецкого консульства. Он также не дотягивал и до тех немцев, которых ему пришлось видеть на земле социалистической Германии. Хозяин, которому была наверняка под семьдесят, был выше среднего роста, с большим животом, который сильно выпирал из-под его цветной рубашки. Он был настолько рыжим, что, казалось, что его волосы, лицо и руки кто-то специально покрасил густой рыжей краской. На фоне рыжего цвета по особому смотрелись его брови, которые были не то седыми, не то белыми. Его глаза были большие, навывкате, нос толстый и горбатый чуть-чуть не доставал до его верхней губы. Поразили Владимира и его волосы, которые были длинными и в виде сосулек свисали на его оттопыренные уши. Он не сомневался, что эти волосы может месяц, а то и два не видели воды с мылом, не говоря уже о шампунях.

После приветствия хозяин пригласил всех за стол. К сожалению, он не порадовал пришедших знанием русского языка. За толмача была Людмила, которая вводила его в курс беседы, или сама переводила те или иные вопросы, которые задавал сам хозяин. Заводилами за столом были женщины, что даже радовало Владимира. Он не любил быть в центре внимания пьянеющих людей. Разговаривать с Манфредом желания у него пока не было. Никто из них иностранным языком в совершенстве не владел. Видя то, что через некоторое время у спасителя может произойти «перекосяк» в голове, Нина, так звали

сотрудницу парикмахерской, решила брать быка за рога. Она довольно подробно изложила цель прихода гостей. Содержание проблемы немцу переводила Людмила. Он слушал, вопросов не задавал. Официальная часть встречи закончилась успешно, обе стороны остались довольны. Манфред под аплодисменты женщин заверил, что жаждущие уехать уже через месяц будет держать в своих руках вызов. Затем он с серьезной миной взял из рук Владимира конверт с деньгами и похлопал его по плечу. После разрешения «гвоздя» программа компашка вовсю стала веселиться. Гости в какой-то мере держали марку, а Манфред явно перебирал. Спиртное и закуска позволяли это ему делать. Через некоторое время окосевший спаситель решил представить сидящим свою красавицу жену. Он позвал Людмилу к себе и обнял ее руками. Затем одной рукой он стал гладить то место, которое находилось у нее внизу живота и между ног. Нина от трюка старика была без ума, она захлопала в ладоши. Владимир понимал, что у рыжего уже идет явный перебор, и посоветовал Анне покинуть гостеприимный дом. Она с ним охотно согласилась.

Месяц прошел очень быстро. Анна позвонила на квартиру спасителя. Никто не ответил. Звонила каждый день, трубку не брали. Прошел еще один месяц, опять такая же картина. Обратилась в парикмахерскую. Подруга сказала, что Манфред уехал в Германию только неделю назад! Хотя он должен уехать два месяца назад. Все это, конечно, у супругов вызвало недоверие к немцу и разрушило все их надежды на скорейший выезд. Прошло еще два месяца. Из Германии и от Манфреда никаких вестей не было. Анна и Владимир уже нисколько не сомневались, что их «спаситель» оказался просто-напросто мошенником, только с немецкой фамилией и из Германии. Вскоре, правда, пришла небольшая бумажка из ФРГ, содержание которой призывало переселенцев к терпению. Их документы находятся в обработке. Такое утешение очень сильно разочаровало Анну. Она часто плакала, корила себя за то, что связалась с рыжим проходимцем, жалела потерянные деньги.

По мере ожидания вызова у семейной четы собралось определенное досье на «спасителя». Информация из разных источников, в том числе и от тех, кто пострадал, позволила им составить своеобразный портрет немца, который в силу обстоятельств

«залетел» сюда еще в коммунистические времена. Немцы оказывали помощь в строительстве одной из фабрик города. Первой с рыжим познакомилась мать Людмилы. Ее знакомство произошло в тяжелое время. В городе, как и по всей стране, не хватало предметов первой необходимости. Все и вся выдавалось по талонам, везде бродила страшная инфляция. Немецкий специалист первым заметил симпатичную женщину, работницу фабрики. Она, честно говоря, особых симпатий к рыжему иностранцу не питала. Сблизиться ей с ним помогли ее подруги, которые, как и Лида, жили без мужей. У женщин браки распались по одной простой причине – беспробудная пьянка сильного пола. Немец, хоть красотой и не блистал, но копейку в кармане имел. А если сравнить это с той зарплатой, которую получала она, то он был очень богатым человеком. Манфред пришел к ней в гости в Международный женский день, подарил цветы, импортные женские сапожки, ну и остался... После ночевки этот дом стал для него родным. Он был на десять лет старше сибирячки, брак они не регистрировали. В то время Лида жила одна в доме, без дочери. Ее дочь была замужем, имела ребенка. Жили они в рабочем общежитии, ее муж страшно пил. Людмила сама ходила в кассу завода, дабы получить его мизерную зарплату. Через десять лет «пролетарская» жизнь ей надоела, они развелись. Приехала она с дочкой к своей матери, у которой проживал иностранец. Он почему-то не работал. Манфреду сразу же понравилась дочь хозяйки дома, она брала его красотой и стройностью, да и синими глазами. И не только этим... Через два месяца дочь объявила родной матери, что она решила выйти замуж за ее постояльца, который обещает увезти ее к себе на родину. Жених, который был старше своей невесты на тридцать лет, в силу того, что он еще не успел освоить великий русский язык, стоял и молчал. Матери ничего не оставалось делать, как уступить дочери своего сожителя. В этот же вечер Людмила в одну из комнат вставила замок, что означало разделение семей. Прошел год после «помолвки». Брак не был зарегистрирован. «Влюбленные» не узаконили свой брак и ко времени прихода Анны и Владимира.

Анна и Владимир получили приглашение в Германию только через три года после сдачи языкового теста. Сборы у них были очень короткими. Квартиру они продали за бесценок, в то время цены на жилье резко упали. Свой «Запорожец» Владимир подарил

одному из сотрудников своей бывшей фирмы. Весь багаж супружеской пары, проработавшей на земле некогда великой сверхдержавы почти целое столетие, состоял из дамской сумочки Анны, да и из дипломата Владимира, в котором были дипломы об их образовании и кое-что из документов. Во внутреннем кармане его пиджака лежали два паспорта с отметкой на постоянное место жительства в ФРГ и два билета до немецкого города Ганновера. Было также двести американских долларов, на всякий случай.

В аэропорту народу было как муравьев. Самолет вылетал поздно вечером, что утомляло не только взрослых, но и детей. Они то бегали вокруг гор разного цвета и объема баулов, то плакали. В зале ожидания были почти одни переселенцы. Посадка на самолет прошла спокойно. Проблемы возникали у тех, кто имел перегруз. Разрешалось вывозить на историческую родину до двадцати килограммов багажа на одного человека, не больше. Если кто хотел больше, за излишки платил. В точно установленное время ТУ-154 взял курс на Запад, точнее, на город на Неве. В аэропорту сибиряков ждали «приятные» неожиданности. При покупке билетов «фирмачи» в один голос заявляли, что рейс прямой, приземляется только для заправки. Власти аэропорта на жалобы сибиряков вообще не реагировали. От аэропорта до остановки автобуса, который должен был везти пассажиров в другой аэропорт, было не более пятидесяти метров. Кое-кто из прилетевших по неопытности или даже по доверчивости быстро стали грузить свои вещи на тележки, которые так любезно предлагали им «летуны», подозрительные люди в шапках с кокардами. По окончании «сервиса» возникали споры. Все было бесполезно. Дело сделано, значит плати деньги. Около десятка переселенцев попали в этот капкан и выложили приличные деньги. Проблемы встретили их и в другом аэропорту. Те же чемоданы и баулы, опять взвешивали, опять брали за перегруз. Издевались и таможенники, которые проверили почти все чемоданы. Кое у кого выворачивали даже карманы. Наверное, некогда великая держава боялась, что какая-либо бабка или дедок на костылях может что-то украсть из той страны, которой он отдал всю свою жизнь.

Неприятность преподнесли и сами пассажиры-переселенцы, которые были из всех концов страны. Не успел еще голос диктора объявить о посадке в самолет, как толпа около трехсот человек рванулась к выходу. Появилась стюардесса и громким голосом

объявила, что, в первую очередь, к трапу должны пройти пассажиры с детьми и инвалиды. Но увы... Отклика у русских немцев эта просьба не нашла. Вместо этого кое-кто из них делал попытку проложить себе дорогу на историческую родину широкой грудью и даже кулаками. Вполне возможно, кто-то хотел порезвиться. Были, наверное, и те, кто, прождав вызов несколько лет, боялись остаться и рвались за «бугор». К сожалению, и вторая попытка стюардессы призвать пассажиров к культурному поведению не привела к успеху. Пришлось вызывать наряд милиции. Мощные парни быстро навели порядок, что ускорило посадку. С опозданием на два часа мощный авиалайнер взял курс на Германию. Вскоре бортпроводница объявила, что они находятся на высоте десять тысяч метров и пожелала пассажирам приятного аппетита. Минут через пять стали подавать обед, вино. Владимир налил два фужера красного вина, один взял себе в руки, другой подал Анне. Они улыбнулись и крепко поцеловали друг друга в губы. Они пили за неведомую страну, за новые надежды...

ГЛАВА 9. ЗДЕСЬ РУССКИЙ ДУХ, ЗДЕСЬ РУСЬЮ ПАХНЕТ...

Через два часа с небольшим самолет сделал посадку в аэропорту Ганновера. За бортом было плюс пятнадцать. Историческая родина встречала переселенцев теплой погодой. После остановки двигателей в самолете наступила тишина. Сидящие облегченно вздохнули, они на земле своих предков. Бортпроводница пригласила к выходу. Вскоре перед длинной вереницей людей появились сотрудники контрольно-пропускных служб, которые довольно внимательно проверяли документы. Они очень пристально всматривались в лица переселенцев и сверяли стоявшую физиономию с той, что была изображена на фото в паспорте.

В общем потоке ожидающих контроля стояли Анна и Владимир. У них с документами проблем не возникло, и вскоре они оказались в комфортабельном двухэтажном автобусе. Багажа у них не было, что значительно увеличило их свободное

время. Подавляющая часть переселенцев занималась поиском своих баулов и погрузкой их в автобус. Через час колонна автобусов двинулась в сторону пересыльного лагеря Брамше, который находился в ста двадцати километрах от города. Время близилось к обеду. Несмотря на зиму, яркие лучи солнца основательно прогревали землю. Подавляющее большинство сидящих по-детски восхищались красотой и чистотой улиц, которые то и дело проносились по пути следования. Очередную группу русских немцев уже ждали. К приему все было готово.

Сам лагерь состоял из десятка корпусов, где размещались различные службы, а также помещения для отдыха и проживания прибывших. Сначала переселенцы прошли очередную проверку документов, после этого давалось разрешение на поселение. Первое, что бросалось в глаза, это расторопность административных служб, сотрудники которых работали четко, слаженно и без лишней суеты. Через некоторое время группу, в составе которой была Анна и Владимир, встретил мужчина, скорее всего, это был не немец, и повел их в помещение. Здесь каждому была указана кровать и выданы постельные принадлежности. К двум часам переселенцев пригласили в столовую.

Семейная пара пробыла в лагере две недели, пока до них дошла очередь по распределению их на ту или иную землю Германии. Времени было достаточно, чтобы кое-что узнать из жизни исторической родины, а также узнать еще неведомые новости из уст приехавших. В лагере находилось более двух тысяч переселенцев, кое-кто из тех, с кем общались Анна и Владимир, эту цифру удваивали. Практически каждый день приезжали новенькие, другая часть, получив распределение, разъезжалась по разным населенным пунктам страны. И этот механизм работал днем и ночью, работал без сбоев и без перерывов. Немецкие власти делали все возможное и невозможное для того, чтобы немцы из России чувствовали себя как дома, быстрее вливались в бурную и сложную жизнь страны. В лагере работали различные бюро, специалисты по всевозможным вопросам и проблемам. Они беседовали с переселенцами и в зависимости от уровня их подготовки и образования давали каждому индивидуальные рекомендации по практическому применению своих способностей в будущем. Для желающих учиться давалась информация о вузах и о других специальных учебных

заведениях. Кое-кто из переселенцев обеспечивался необходимой литературой, рекомендациями, которые, как правило, были изданы на немецком и на русском языках. Для верующих на территории лагеря действовала церковь. Анна и Владимир в душе благодарили Бога и народ Германии за поистине отеческую заботу о прибывших.

К администрации лагеря ежедневно обращались сотни людей. Сотрудники всегда были приветливы и доброжелательны. Немалые средства вкладывались и в быт переселенческого лагеря. Любая группа переселенцев, прибывших или убывающих, обслуживалась на высоком уровне, независимо от возраста, образования или цвета кожи. Всех встречали добротные и чистые помещения. Кровати не скрипели и никто не проваливался в ту или иную дыру кроватной сетки на соседа, спящего на первом ярусе. Матрацы на кроватях были чистыми и опрятными. Каждый переселенец в определенные дни мог сдать свое грязное белье или одежду. Стиралось и гладилось ему все бесплатно. Для внезапно заболевших к услугам был врач или набор необходимых медикаментов.

Столовая, обслуживающая тысячи людей, работала также четко и слаженно. В помещении не пахло ни пережаренными щами или капустой, не говоря уже о хлорке. Многоликая вереница людей постепенно двигалась по полупериметру столов и могла без проблем выбрать себе то или иное блюдо. Никто не кричал и не шипел в ухо соседу о том, а где его большая ложка. Все лежало на своих местах. Все порции были одинаковые, невзирая на то, кто их брал, колхозник или инженер, русский немец или казах, держащий в женах русскую немку. Все было чисто и опрятно. Не было кривых ложек или беззубых вилок, тарелок с отломанными краями. Меню для переселенцев по насыщенности блюд явно уступало «нардеповскому» в демократической России, но не было столь уж и бедным. За время пребывания переселенцы могли покушать различные блюда: щи, суп, котлеты, колбасу, сосиски, шашлыки и т.п. Были также различные фрукты, соки и молоко. Для детей было специальное меню. Русской бани, как таковой, не было. Вместе с ней были душевые комнаты.

Не забыли немцы и о материальной помощи для переселенцев. Сразу же по приезду в зависимости от численного состава семьи им выдавалось определенное количество немецких марок. Каждый переселенец после обработки документов, на что

требовалось время, получал индивидуальный номер. Затем он приходил в регистратуру, где решалась его дальнейшая судьба. Сотрудник бюро по компьютеру определял, какая Земля страны может принять его в данный момент. Иногда этот выбор мог видоизменяться в зависимости от того, кто и где из родственников вновь прибывшего проживал в настоящее время. Были и другие причины, которые могли повлиять на выбор дальнейшего места проживания. Никто из переселенцев не работал, наоборот, все на них работало. Основной заботой для всех было одно – ожидать приглашение на собеседование.

Но, увы... К сожалению, кое-кто из них не мог ждать спокойно и жил так, как хотел, а может просто не желал порывать кое с чем из образа жизни той страны, которую он покинул совсем недавно. Первая ночь для некоторых переселенцев на исторической родине была уникальной и даже несколько трагичной. Многие из них долго не засыпали, знакомились друг с другом, делились информацией. По ходу знакомства организовывались компашки. Почти до самого утра за столами или прямо на кроватях распивались спиртные напитки. Торжество, как правило, сопровождалось громкой речью с приправой русского мата. Приезд обмывали не только в спальном корпусе, но и за его пределами. Из администрации лагеря никто не наблюдал и не контролировал «отход» российских немцев ко сну.

Попытки семейной пары спокойно заснуть долго не удавались. Первой стала страдать от неудобств своих земляков Анна, она приняла пару таблеток снотворного. Владимир еще очень долго бодрствовал. Он лежал на втором ярусе кровати, свет нещадно бил ему в глаза. Индивидуальные, а также коллективные просьбы людей, желающих отдохнуть, явного успеха не имели. «Бухарики» иногда сильно огрызались, ссылаясь на то, что они впервые встретились сегодня, а завтра их отправляют в разные Земли, находили и другие причины. К вполне естественным причинам, которые не давали покоя, был и плач маленьких детей. Многие на это не реагировали, прекрасно понимая, что дети есть дети. Совсем другое было – это подростки. Они носились по коридору как ошалелые, и без всякого зазрения совести то кричали, то дрались. Последнее мероприятие заканчивалось, как правило, слезами. В итоге победитель и побежденный

бежали на помощь к своим родителям. Иногда они ошибались в месте дислокации своих предков и плюхались на плешистую голову мужчины или на сгорбленную фигуру какой-нибудь бабушки.

Среди ночи Владимира кто-то толкнул в плечо. Он открыл глаза. Его будила женщина, которая просила его помочь перенести ее отца в постель. Пришлось помочь. Старик продолжал стонать. Дочь со слезами на глазах рассказала, что ее отец только вчера приехал из России. Дети, как полагается, его встретили и пригласили домой. На радостях родитель «насобирался» всего понемногу. Отца привезли в лагерь, здесь ему стало плохо. Вызвали врача, затем скорую. Диагноз оказался неутешительным: старика парализовало. К сожалению, эта жертва пьянства оказалась не единственной. К утру всех переселенцев встретила довольно неприятная весть. Ночью кто-то залез на чердак, настил которого был очень непрочный. Утром немцы увидели проломленный потолок, на полу были остатки крови. Целый день по лагерю ходил какой-то чиновник с полицией. Через день была известна картина происшедшего.

Он и она познакомились еще в самолете, сидели рядом друг возле друга. Получив немецкие марки, молодые купили в киоске спиртное. Затем выпили, захотелось любви. Хотя парень оставил свою молодую жену с ребенком в Сибири. В лагере каких-либо помещений для оправления любовных «обрядов» не было. Он начал шастать в поисках сексуального ложе. Поднялся по лестнице и приметил дверь с замком. Мгновенно ее вышиб и «шалаш» был готов. Но увы... не получилось. Переселенец провалился и рухнул с высоты трех метров вниз. Падение ему бесследно не прошло. Он сломал руку и разбил голову. Хорошо то, что его любовница не успела ступить на пол. А то бы бед больше было.

Пребывание русских немцев явно беспокоило администрацию лагеря. Как ни странно, эта проблема связывалась с их культурой пользования туалетами. Хаусмайстер, человек, который отвечал за ведение хозяйства в лагере, каждый раз инструктировал прибывших о правилах пребывания в приятном заведении. Дополнением к этому являлись разнообразные схемы и рисунки, где изображались правильные и неправильные методы «штурма» унитаза или писсуара. Говорилось и о том, что

туалетную бумагу необходимо бросать в унитаз. Кое-кто из живущих очень плохо освоил прописные истины. Горы туалетной бумаги продолжали валяться возле унитазов. К сожалению, далеко от «культуры» были и женщины. Некоторые из них свои прокладки или то, что их заменяло, не складировали там, где им рекомендовали, а просто иногда оставляли там, где им хотелось, вплоть до целлофановых мешков для пищевых отходов. Особенно тяжело приходилось уборщицам, которые выносили все, чем была богата мусорная свалка русских немцев: тряпки, бутылки, трусики, шелуха от семечек и т.п. и т.д. День сменялся другим, переселенцы постепенно осваивали и эти житейские премудрости.

Не красило переселенцев и воровство, оно было мелким и унижительным. Обслуживающий персонал, конечно, не предполагал, что то белье, которое он стирает на машинах для переселенцев, будет исчезать по вине самих же россиян. Среди последних находились ушлые, которые воровали чужие рубашки, носки и т.п. И это происходило, несмотря даже на то, что при лагере был специальный магазин. Для каждого переселенца в нем выдавались бесплатно куртка, джинсы и обувь. Нехватку одежды пополнял и Красный Крест, который предлагал также бесплатно одежду и обувь для всех возрастов и в неограниченном количестве. Хотя все было и не всегда новое, но оно могло на первый раз нуждающимся пригодиться.

С документами, которые были уворованны, было намного сложнее. Три дня ходила по лагерю и спальным корпусам пожилая переселенка в поисках своей дамской сумочки, в которой были документы и деньги. Кто-то по «ошибке» взял ее сумочку. Владимиру было очень обидно видеть плачущую женщину с листом бумаги, на котором был написан карандашом зов о помощи.

Две недели ожидания пролетели незаметно. Каких-либо происшествий в той части корпуса, где обитали Анна и Владимир, не случилось. Если, конечно, не считать ссору семейной пары, которая располагалась от него через пару коек. Муж с женой были примерно такого же возраста, что и Владимир. Ссора у них произошла на второй день после прибытия в лагерь. Мужчина имел страсть к немецкому пиву, однако его жена на это денег ему не давала. Однажды он не выдержал, ну и ударил кулаком в глаз

семейного казначея. Удар получился довольно смачным и сильным. У женщины глаз и все вокруг него посинело. Обращаться к врачу она побоялась, как-никак не производственная «травма», и не хотела лишний раз светиться на глазах администрации. Она сама сделала себе повязку на глаз, дабы не пугать «фонарем» окружающих. До Кутузова ей было, конечно, далеко, а вот с обликом великого русского полководца что-то схожее было.

Совершая прогулки по территории лагеря, Анна и Владимир с горечью наблюдали за тем, как обслуживающий персонал наводил порядок для тех, кто приехал из другого мира. Для уборки окурков, плевков, харчков и т.п. использовались не только щетки, но и современные технические приспособления. Не раз и не два специалисты ремонтировали и телефонные автоматы, которые, несмотря на немецкое качество и прочность, не выдерживали «культуры обращения» российских немцев и выходили из строя. Побаивались шkodничества приезжих и те немцы, которые жили неподалеку от лагеря. Доставалось продавцам близлежащих магазинов. Довольно часто переселенцы, в первую очередь, молодежь при посещении магазинов брали кое-что незаметно или забывали оплатить в кассе за товар.

Ровно через две недели Анна и Владимир прошли собеседование, их направили в одну из богатых Земель на юге Германии. На следующий день рано утром их в составе небольшой группы переселенцев привезли на железнодорожную станцию. Им предстояло пересечь всю страну с севера на юг. Поезд-красавец мчался с бешеной скоростью, за окном мелькали красивые дома, маленькие речки, пробежали сотни, а то и тысячи автомобилей. В вагоне было тихо и очень уютно. Никто не кричал, никто не показывал рукой или пальцем в окно при виде того или иного «чуда» и не восхищался громко, что у соседа вяли уши от услышанного. Одним словом, все и вся располагало к спокойствию и миру. Анна, сидя в мягком кресле, с интересом наблюдала за тем, что появлялось за окном и через какие-то доли секунды уходило в неведение. Владимир наблюдал за женой и видел, как у нее светились глаза не то от счастья, не то от увиденного. Несмотря на огромную скорость, вагон поезда не бросало ни влево, ни вправо. Поезд трогался очень плавно, как и тормозил при остановках.

Не чувствовался специфический запах «приятного» заведения. Сделав визит в это заведение, Владимир был неожиданно удивлен чистоте туалета, возле которого не было ни души. В просторной комнате все было продумано для цивилизованного оправления человеческой необходимости. На первых порах ему было даже трудно разобраться с обилием кранов и кнопок. Все указания под ними давались на немецком языке.

Группа переселенцев потихоньку рассасывалась, по мере того, как поезд делал остановки в крупных городах. К сожалению, не обошлось и без эксцессов, героями которых стали аусзидлеры. В одном из городов, где произошла остановка, они стали делать пересадку в другой поезд. Сначала все шло нормально. Вдруг откуда ни возьмись из поезда, в который только что села группа переселенцев, выбежал молодой парень. Он был среднего роста, в куртке, которую дали ему в лагере, и в черной шапочке, натянутой по самые глаза. Его испуганная физиономия в некоторой степени напоминала ту, которую часто рисовали западные средства массовой информации, рассказывая о жизни молодых людей демократической России. «Руссак» стремительно рванулся в вагон, в котором он только что приехал. Оказалось, что он забыл свою сумку. Боясь того, что поезд вот-вот отправится, он просто перешагивал через пассажиров. Без всякого извинения он быстро забежал в вагон и взял сумку. Он даже не заметил, что своей грудью и руками он сделал «просеку» в веренице дедушек и бабушек, культурно садящихся в вагон. Одна из них была в полном смысле сбита, и ойкая лежала на перроне. Пал смертью героя и старичок, возраст которого, наверное, зашкаливал за восемьдесят. Он стоял в самом начале вагона и укладывал свой чемодан на багажную полку. Немец даже и не понял, почему он оказался на полу. Он, задрав ноги кверху, почему-то тяжело дышал. Сидящие в вагонах двух поездов стали невольными очевидцами происшедшего, и все как один по команде встали. Кое-кто бросился оказывать помощь пострадавшим. Очевидцы еще очень долго обсуждали происшедшее, сокрушались бескультурьем русского. Поезд приближался к пункту назначения, однако это уже не так почему-то радовало Анну, да и Владимира. Они все больше и больше задумывались над тем, почему русские не всегда получают лицеприятную оценку на их историической родине, да и во всем мире.

Сделав две пересадки, они наконец-то прибыли в пункт назначения. Владимир посмотрел на часы. Было половина шестого вечера. Вышедшую пару на вокзале встречало такси, которое через десять минут доставило ее в здание, где размещались различные структуры власти небольшого районного города. Переселенцев встретила немка, отвечающая за организацию их приема. После проверки документов и заполнения необходимых бумаг, они на этом же такси были доставлены в общежитие, в котором проживали такие же переселенцы, как и они. Вновь приехавших у входа в общежитие встретил молодой немец, комендант общежития. Через час для семейной пары была выделена небольшая комната порядка восьми квадратных метров. В комнате стояла двухъярусная металлическая кровать, стол с двумя стульями. Были определены другие «объекты», без которых человеческая жизнь невозможна. На кухне был указан шкаф, в котором находились столовые приборы. Была также определена электрическая плита, которой пользовались четыре семьи российских переселенцев. Комендант определил и туалетную комнату, хозяевами которой была уже одна семья в составе четырех человек.

Уединившись в своей комнате, бывшие омичи принялись осмысливать происшедшее. Откровенно говоря, такой образ жизни их ни сколько не пугал. Первая неделя у них ушла на разрешение организационных вопросов. Они прошли около десятка кабинетов, где проверялись и уточнялись их данные. И все они заносились в компьютер. Через три недели Анна успешно в очередной раз сдала тест на знание немецкого языка, что дало ей возможность получить четвертый параграф. Ее признали немкой. Владимир получил автоматически седьмой параграф. Еще через две недели они получили немецкие паспорта. В начале февраля они начали посещать шпрахкурсы, основной целью которых было дать необходимый минимум знаний немецкого языка, который бы позволил прибывшим быстрее интегрироваться в жизнь Германии. Группа слушателей была как по возрасту, так и по профессиональному составу разношерстная. Из двадцати пяти человек у семи человек возраст был за пятьдесят, около десятка переселенцев были до 30 лет. Пять человек имели высшее образование, остальные среднее и восьмилетнее. Подавляющее число слушателей по своему профессиональному составу были продавцами, механизаторами и доярками, был даже повар.

После первой недели занятий Анну пригласили работать учительницей на шпрахкурсы, то есть обучать немецкому языку таких же переселенцев. Правда, курсы были не в этом городе, а в другом, который находился в десяти минутах езды на автобусе. Она была очень рада, что ей так быстро предложили работу. После работы она приезжала в общежитие и делилась информацией о своих земляках, о жизни на исторической родине предков. И это очень радовало Владимира. Он сильно отставал от жены в освоении немецкого языка, однако старался вовсю. Он прекрасно понимал, что без знания языка в этой стране он ноль без палочки. В изучении языка ему помогала Анна. Она, как и в Сибири, перестала разговаривать с ним на русском языке. Некогда ненавистный метод он сейчас приветствовал. Муж и жена, где бы они не были, всегда старались разговаривать только по-немецки.

Бывшего учителя очень беспокоило, что некоторые учителя на шпрахкурсах не горели желанием дать хорошие знания языка для переселенцев. Одновременно значительная часть слушателей, особенно молодых, рассматривала шпрахкурсы как приятное времяпрепровождение. Кое-кто из них имел «честь» спокойно спать, кто-то с тусклым видом разглядывал пейзаж за окном, или мирно перешептывался с соседом по парте. Было и такое, когда учитель и пытался «атаковать» переселенца, который делал все возможное, чтобы отмахнуться от него, как от назойливой мухи. Иногда «атака» продолжалась довольно долго. Со стороны было обидно, а порою и противно смотреть, как молодой человек не мог выдавить из себя пару слов из лексикона того языка, которым когда-то разговаривали его прадеды и деды. За полгода обучения на шпрахкурсах группа слушателей с каждым месяцем таяла. Многие, особенно молодые ребята, так и не поняв важности изучения немецкого языка, покидали группу. Ведомство, организующее шпрахкурсы не держало тех, кто решил идти работать. Возможно, это и было правильно. Переселенец сам находил работу, а это означало, что он уже интегрируется в общество, сам себе зарабатывает кусок хлеба.

Шли дни, недели... Владимир и Анна постепенно познакомились со всеми обитателями русского хайма. Многие из них тянули «лямку» в стенах общежития два года и более. Кое-кто не дотягивал и до полгода, снимал частные квартиры. Это обычно

делали те, кому надоедал «общагский» образ жизни. Каждая семья, каждый круг переселенцев занимался тем, что их устраивало, что им нравилось. Это касалось как взрослых, так и детей. Значительная часть обитателей не работала, по разным причинам. Одни «грызли» немецкий язык, кто-то искал работу, кто-то сидел на социальном пособии. Обилие свободного времени многим шло не на пользу, особенно мужчинам. Они создавали небольшие компашки, основным занятием которых была игра в карты, курение, распитие пива и водки. Выпивки были довольно часто, причин для этого была уйма. Нередко пьянки приводили не только к мордобою, но и кровопусканию. Трезвенников спасало то, что их историческая родина располагала поистине уникальными возможностями для рационального проведения свободного времени. Анна и Владимир, как и многие другие переселенцы за время выходных дней побывали во Франции, Австрии, Швейцарии и Люксембурге, во многих городах Германии.

Во время курсов и после их окончания Владимир не без помощи Анны писал письма в различные организации и фирмы в надежде найти для себя работу. Писал и в те фирмы, которые давали объявления в газетах о вакансиях. В большинстве случаев приходили отрицательные ответы. Были и приглашения, но и здесь отказывали. Его не брали на работу или из-за возраста, или из-за недостаточного знания языка. Отсутствие специальности, возраст и слабое знание языка – вот те три «кита», которые служили причиной длительного хождения по всевозможным амтам и организациям. Поиски работы продолжались. Ни Анна, ни Владимир надежды не теряли.

ГЛАВА 10. ГИБЕЛЬ АННЫ. БЕЗ ПРАВА НА ЖИЗНЬ

Рабочая неделя подходила к концу, и как обычно, в преддверии пятницы Анна с Владимиром планировали очередную поездку в тот или иной уголок Германии. Очередной вояж семейная пара намеревалась осуществить на Бодензее, на озеро, которое находилось на самом юге страны и составляло естественную границу еще с двумя государствами Европы.

Занятия в пятницу, как и в другие дни, у Анны начинались ровно в восемь утра и продолжались до трех часов дня. Утром, как обычно, Владимир проводил ее к остановке автобуса. Сам же направился на шпрахи. Занятия из-за болезни учителя закончились к обеду. Он решил прогуляться по городу. Погода была идеальная. На какой-то миг у него появилось желание посидеть за столиком и потянуть прохладное пиво. Однако вскоре желание пропало. Он никогда не сидел один за столиком, Анна и Владимир делали это всегда вместе. Сидя за столиком, он любил наблюдать за женою, которая, как и он, любила пиво. Они оба любили очень крепкое пиво. Черные глаза Анны после большого бокала ядерного напитка начинали светиться по-иному, становились очень озорными. Владимира это очень радовало. Его радовало и то, что его любимая женщина на исторической родине своих предков будто вновь ожила, стала дышать свежестью жизни. Она была счастлива и тем, что так быстро нашла себе работу. Притом эта работа оплачивалась совсем неплохо. Она любила эту жизнь, эти большие и маленькие магазины со светящимися витринами, и этих людей, которые сновали туда-сюда и что-то искали. Она стала частицей тех людей, которые могли часами пропадать в супермаркетах и любоваться их содержанием, и всегда что-то покупать. Владимир ее за это не ругал. Наоборот, его радовало, что здесь ее жизнь приобретает другой смысл. Анна была непоседой, и ей все надо было знать и видеть. Вспомнив о том, что завтра они едут рано утром на Бодензее, она решила основательно закупиться. С этой целью мужу она составила целый список. Не забыла она и о своем любимом пиве.

Через час Владимир был в общежитии и все купленное для завтрашней поездки поставил в холодильник. Затем он сел за стол и стал читать самоучитель немецкого языка. С ним он практически не расставался ни днем, ни ночью. Пришло время идти на автобусную остановку, встречать Анну. Автобус пришел точно по расписанию, однако Анны среди пассажиров почему-то не было. Пришлось ждать очередного автобуса, ее опять не было. Он ждал еще и еще... Ее все почему-то не было. Владимир ринулся к телефонному автомату и стал звонить в бюро, в котором могла находиться Анна. Телефон не отвечал, он звонил опять и опять. Трубку никто не брал...

Вдруг его осенила мысль, что Анна могла приехать на попутной машине с кем-нибудь из переселенцев, а может даже с другими немцами. В его голове стали появляться десятки вариантов. В конце концов он немного успокоившись, ускоренным шагом пошел к общежитию. К сожалению, и в общежитии Анны не было. Не знали о ее местонахождении и соседи по этажу, и те, с кем она частенько судачила на кухне или во дворе. Беспокойство за жену все больше и больше охватывало Владимира. Он, словно загипнотизированный, ходил то по своей комнате, то по коридору. Вскоре он прилично устал и прилег на кровать. Он все прокручивал и прокручивал в своей голове всевозможные ситуации, в которых могла по каким-то причинам оказаться Анна. Приходили и драматические ситуации, но Владимир старался их как можно быстрее выкинуть из своей головы.

Около десяти вечера кто-то постучал в дверь. Он быстро встал и также стремительно рванулся к двери. Уже в полуоткрытую дверь он увидел двоих полицейских. Они поздоровались и после некоторого раздумья его известили, что Анна попала в автомобильную катастрофу. Эта страшная мысль насквозь пронзила Владимира. Он как немощный старик медленно пошел к небольшому дивану и медленно опустился на него. Он ничего не воспринимал и ничего не отражал. В его мозгу не было места для восприятия человеческих идей или речей. Он через какой-то миг отрешился от земного мира. В его мозгу, да и во всем его организме что-то случилось серьезное. Ему казалось, что Анна за время своего короткого отсутствия забрала у него все силы. Он все продолжал думать, что вот-вот его любимая вернется и он снова получит свои силы и надежду на любовь... Но ни сама Анна, ни эти силы почему-то не приходили, а наоборот, он чувствовал страшный упадок сил. Неожиданно все вокруг почему-то стало плыть и через какое-то время все быстро исчезло... Он потерял сознание.

Очнулся Владимир в палате. Он с большим трудом открыл глаза и через пелену тумана увидел людей в белых халатах. Они почему-то не то бегали, не то плыли. Что делали эти люди вокруг него, он так и не мог понять. Он на какое-то время закрывал глаза, а может даже и засыпал. Даже в короткие промежутки времени, когда он всплывал на мир, он еще до конца не осознавал, что с ним произошло. Иногда он делал попытку

проверить себя в том, жив ли он, может ли он что-то думать или двигаться. И это у него не всегда получалось. Едва откуда-то издалека приходила к нему мысль о том, что он еще жив, как сразу перед ним возникал образ Анны. Он хотел ее позвать, пытался шевелить губами и просить группу людей, и даже одинокую женщину в белом халате позвать свою любимую. Однако никто ее почему-то не звал, а, наоборот, почему-то те, кого он просил, подносили пальцы к своим губам и что-то говорили.

Только через два дня Владимир пришел в себя и стал осознавать, что произошло совсем недавно. Он еще не знал, жива ли Анна или погибла. Этот вопрос он задавал врачам. Они в ответ только улыбались и успокаивали его как ребенка. Он стал и сам себе внушать, что она жива, и может, как и он, находится в больнице... О смерти Анны ему сообщили только на пятый день, как полицейские зашли в его комнату в общежитии.

Через две недели его выписали из больницы. На дворе была середина сентября. Каких-либо кузовков или одежды он не имел, и поэтому попрощавшись с медицинским персоналом, он быстро вышел из больничного корпуса. Ему предлагали в справочном бюро бесплатные услуги такси, но он отказался и пошел пешком. Ровная асфальтированная дорога пролегла через сосновый лес, через которую то и дело пробегали белочки. Владимир шел очень медленно и дышал свежим воздухом. Из его головы не выходила Анна, ее неожиданная смерть. Из его глаз текли слезы, когда он вспоминал, как совсем недавно они вместе гуляли по этому лесу до позднего вечера и любовались животным миром, который, наверное, больше чем они, знал о законах человеческой цивилизации в деле защиты и сохранения животного мира. Во время прогулок Владимир и Анна видели ежей, зайцев, лис, даже черепах. Никто из немцев не хватался за ружье, чтобы убить какого-либо зверька. Идущий по лесу неожиданно услышал смех Анны, которая смеялась над тем, когда в ее детские годы мужики двух, а то и трех деревень на лошадях и с ружьями гоняли лисицу. Плутовка оказалась настолько хитрой, что ушла от погони, от целого отряда, насчитывающего около полсотни селян-сибиряков.

Идти в общежитие Владимиру не хотелось, он осознавал, что теперь Анны там нет, да и вообще никогда не будет. Последняя мысль пришла в его голову молниеносно.

Он заплакал навзрыд, и отбежав от дороги метров на десять, упал на землю. Он плакал и плакал. Иногда, лежа на животе, он рвал руками не то какую-то растительность, не то остатки опавших шишек. Иногда он переворачивался на спину, смотрел на солнце и на облака. Ему казалось, что на одном из них сидит Анна и с улыбкой смотрит на него. Он верил, что она вот-вот спрыгнет к нему на руки, и они, как прежде, пойдут на этой дороге. На какой-то миг он успокаивался и понимал, что все это его иллюзии и больше ничего. Анна уже никогда не придет на эту землю, и он уже никогда не услышит ее веселый смех. И даже это огромное небо сейчас было для него чужим. Слезы невольно текли струйкой по белой щетине его впалых щек.

Он почти полдня пролежал в лесу. Какого-либо холода от земли он не чувствовал, скорее всего, она понимала душевное состояние своего обитателя и стремилась хоть остатком своего тепла скрасить его горе. В общежитие Владимир пришел поздно вечером. Он открыл комнату и сразу же упал в кровать. На душе было пусто и холодно. Только Анна, портрет которой висел на стене напротив кровати, казалось, призывала его к спокойствию и к скорой встрече. Он все смотрел и смотрел на портрет своей любимой и плакал. Затем он встал, подошел к холодильнику и вытащил из него бутылку русской водки. Наполнил ею два больших стакана. Подошел к стене и снял портрет Анны, поставил его на стол. Она смотрела на своего мужа как живая, и это придало мужчине новый импульс эмоций. Он поставил один стакан с водкой перед портретом любимой и крепко ее поцеловал. На какой-то миг ему показалось, что ее ответный поцелуй был страстным и необычно теплым. В эту ночь он пил за себя и за красивую девочку из своего далекого детства...

Владимир пришел на кладбище через день, утром. Новый участок захоронений он нашел сразу. Без особого труда он нашел и могилу своей жены. Могила была свежей, вокруг нее лежали цветы. Он несколько раз обошел могильный холмик и упал на него, заплакал. Только сейчас он по-настоящему стал осознавать утрату своей любимой женщины. Он не мог видеть ее лицо, однако ему казалось, что Анна и здесь такая же веселая, какой она была в то последнее утро, когда он провожал ее на работу...

Вдруг кто-то неожиданно слегка взял его за плечо. Он поднял голову и сквозь пелену набегающих слез увидел плачущую женщину. На вид ей было за сорок, она была в черном платье. Она взяла его за руку и осторожно повела его к свежевырытой могилке, которая находилась рядом с могилой Анны. Владимир подошел поближе и на какое-то время невольно замер. День смерти двадцатилетней девушки совпадал с днем смерти Анны!

Уже в самом начале рассказа женщины в черном платье он понял, что связывало воедино судьбу его Анны и ее дочери. Таня, так звали дочь русской немки, занималась в той группе, где учителем была Анна. Девушка была настойчивой в изучении языка, и ей, как и другим слушателям нравилось, когда непонятные слова, особенно грамматику, фрау Айгнер доступно объясняла на двух языках: русском и немецком. В ту трагическую пятницу Татьяне исполнилось ровно двадцать, и к этой круглой дате родители сделали ей подарок – купили подержанную иномарку. Она впервые в жизни самостоятельно выехала на машине. Приехала на занятия удачно. Слушатели группы поздравили ее с днем рождения. После занятий организовали сладкий стол. Именинница пригласила Анну к себе в автомобиль, хотела довести ее до дома. Они обе жили в одном городе, но в разных общежитиях. Авария случилась где-то на полпути от дома. Трагедия произошла по вине молодой переселенки. Она то ли заболталась с учительницей, то ли из-за невнимательности выехала на полосу встречного движения. Вполне возможно, беды могло и не быть, однако уже сильно крутым был поворот, который опоясывал лес. Водитель груженого фургона не ожидал, что из-за поворота на его полосе появится легковая машина. Он не успел затормозить, протаранил и подмял ее под себя. Пострадавших пытались спасти высококвалифицированные врачи, но бесполезно. Ученица скончалась от ран на полчаса раньше своей учительницы. Владимир только сейчас понял, почему врачи не говорили ему о состоянии Анны, скорее всего, они, как и он, надеялись на ее воскрешение.

Неожиданное горе на какое-то время сплотило двух доселе незнакомых людей, седого мужчину и женщину в черном платье. Больше изливала свое горе Валентина, так звали мать погибшей девушки. Владимир, как и всегда, переживал свою трагедию внутри,

в себе. Между тем, Валентина говорила и говорила, что в какой-то мере выводило его из нервного напряжения. Она от всего сердца благодарила немецкие власти, которые сделали все возможное для похорон двух переселенков. Небезучастными к горю земляков были и жильцы общежитий, каждый помогал, чем мог. Она также поведала мужчине кое-что и из своей жизни. До приезда в Германию они жили в деревне. Совхозом правил, как помещик, директор, бывший секретарь парткома. Он денег никому не выплачивал, все греб под себя. Да и им-то самим управляла его жена, бывшая учительница. Их дочка в деревне держала магазин, в котором цены были бешеные. Крестьяне залезали в долги, что позволяло семейке творить беспредел. Муж Валентины от безысходности потихоньку запил. Она приехала в Германию только из-за дочери, не хотела, чтобы ее единственный ребенок влачил жалкое существование в сибирской глубинке. К сожалению, судьба распорядилась по-иному.

Воспоминание о дочери вновь вызвало у рассказчицы плач. Владимиру, откровенно говоря, сейчас было не до чужого горя. Он сам плакал и чувствовал, что его сердце вот-вот остановится и уже никто его не в состоянии будет «завести». Ему сейчас была до лампочки информация плачущей женщины, что ее муж находится на лечении от алкоголя, которое обошлось властям около семидесяти тысяч марок. Ему и самому хотелось запить от своего горя. Однако этого он сейчас не делал. Стыдился своей слабости перед Анной. Он прекрасно понимал, что без нее у него в жизни ничего бы не получилось. Именно она воскресила его в то раннее утро, когда он пытался покончить с собой. Мысль о самоубийстве почему-то все настойчивее пробивала себе дорогу в его голове. Аусзидлерша, наплакавшись досыта и увидев, что ее собеседник стал безразличным к ее разговору, тихо попрощалась и ушла.

Кладбище утопало в зелени и в тишине. Только изредка появлялись одиночки или пары с цветами. Они молча ложили цветы на могилы, и немного постояв, покидали кладбище или садились на скамейки, и о чем-то думали. В какой-то момент Владимир отходил от своего горя и пытался разгадать тайну мыслей у сидящих. Через некоторое время это занятие ему надоедало и он вновь оказывался во власти своих дум. Прошло около пяти часов, как он покинул общежитие. Это время пролетело как один миг. Сидя на

скамейке напротив могилы своей любимой, он все больше и больше осознавал, что он на этой земле без нее не имеет права на жизнь. Много лет тому назад именно она преградила ему дорогу в иной мир, именно она дала ему право не только на жизнь, но и право на любовь. И эту любовь он принял навсегда. Он, несмотря на все прелести жизни и коварство людей, остался верен этой любви. Его любовь к этой красивой женщине была без корысти, без какой-либо выгоды. Он, как мужчина, как муж делал все возможное, чтобы Анна оказалась на исторической родине своих предков. Ее мечта стала реальностью, она только здесь почувствовала себя человеком, женщиной и любимой. И все это он не только видел и понимал, но и ощущал. Он сейчас не мог понять, за какие грехи Бог наказал его любимую и почему он лишил их совместного счастья на земле...

Уехать в свою маленькую деревню, которая называлась его малой родиной, и покончить с собою, он решил окончательно. Он был счастлив тем, что его Анна нашла вечный покой на родине своих предков. Его же предки покоились в Сибири, и он не хотел обретать покой на чужбине. Он утешал себя тем, что Бог един для всех, как и для всех един тот мир, где люди находят вечный покой.

Эти мысли дали ему духовную и физическую силу. Он решил сделать все, что он задумал возле могилы любимой немки. Вечером он пришел в общежитие и от души поблагодарил жильцов за заботу и помощь, которую они оказали, провожая в последний путь Анну. Делая это, он нисколько не сомневался, что его земляки, приехавшие на историческую родину своих предков, в скором будущем займут достойное место в жизни немецкого общества. Пусть даже для интеграции понадобятся годы, десятилетия.

Утром Владимир привел себя в порядок и пошел в ратхаус. Сотрудница внимательно его выслушала и сделала все необходимое для оформления его документов для выезда в Россию. Затем он зашел в похоронное бюро, сделал заказ на изготовление надгробной плиты для Анны. Через неделю плита была установлена. Его душа была чиста перед женою, которая смотрела с фотографии и слегка ему улыбалась, как бы его благодарила. Неожиданно у него возникла мысль о необходимости описания своей поистине уникальной и драматичной любви к Анне. И эта мысль с каждым часом становилась осязаемой и настойчивой. Он стал «советоваться» с Анной, и ему казалось,

что и она не против этого. Ей, как и ему, хотелось, чтобы их земляки знали всю историю любви двух еще не старых, но уже и не молодых людей. Владимир фанатично взялся за дело. Рано утром он приходил на кладбище, садился за столик и советовался с любимой по вопросу описания того или иного эпизода из их совместной жизни. Он писал с утра до позднего вечера, писал без передышки. Он четко осознавал, что это его первая и последняя книга в его жизни. Он писал от души и от сердца, нисколько не сожалея, что он не обладал талантом писателя. То, что он писал, была исповедь-монолог о любви двух людей, мужчины и женщины. Последняя трагически погибла и унесла свою любовь к мужчине в иной мир. В свою очередь, мужчина не мог и не хотел жить на этой земле без любимой. Он считал долгом своей души и разума, как можно скорее очутиться в ее мире. Исповедь-монолог влюбленных он написал за неделю. Каждый вечер он читал написанное своей Анне. К сожалению, она молчала, но он понимал, что в любом случае она эту исповедь одобрила бы. Он писал правду и только правду, которая была основным кредом и ее жизни.

Прошло ровно сорок дней после смерти Анны. Владимир стал собираться в дорогу. Утром он пошел на кладбище, в последний раз. Могила Анны утопала в живых розах. Цветы, как и надгробную плиту, он купил на комендатурские деньги жены, которые она получила за своих родителей. На эти деньги они хотели купить автомашину. Судьба распорядилась по-иному. Он, стоя возле могилы, не плакал. Слез не было, он уже все их отдал умершей. Не страдала и его душа, наступил предел человеческих возможностей. Ему оставалось одно – уйти в мир Анны и остаться там. В этом мире он оставлял рукопись своей исповеди, которую, он надеялся, прочтут его земляки.

Вылет самолета состоялся строго по расписанию. Владимир посмотрел на часы. Через десять часов он будет в глухой деревне у могилы своих родителей. Он нисколько не сомневался, что они будут очень рады своему единственному сыну, который пришел к ним через три десятка лет. Как никогда, будет счастлива и Анна, эта красивая женщина с черными глазами...

Содержание

1. Первая любовь.....	4
2. Армейские испытания.....	29
3. Поиски места в жизни.....	45
4. Девочка из детства.....	68
5. Крах любви и новые надежды?.....	75
6. Возвращение к жизни.....	144
7. Воскрешение Анны.....	163
8. На пути в Германию.....	176
9. Здесь русский дух, здесь Русью пахнет.....	188
10. Гибель Анны. Без права на жизнь.....	198

Владимир Великий родился 25 сентября 1950 года в деревне Драгунка Называевского района Омской области Российской Федерации.

Жизненный путь доктора истории, писателя, публициста, краеведа есть повседневное творчество, творчество многоплановое. Он автор и соавтор многих книг, около двадцати других научных трудов. Среди фундаментальных научных исследований следует выделить его работы, посвященные истории Омского Прииртышья, которые признаны лучшими трудами из этой категории и оставили заметный след в истории Российского государства. Имеет много публикаций в периодической печати. Он опубликовал восемь романов.

Жизнь В. Великого была одновременно и тернистой. Его попытка выступить против устоев тоталитарного режима в СССР закончилась трагически. Его насильно упрятали в психушку. Многие годы он находился под контролем партийных и других органов.

«Чужое небо» - исповедь-монолог о сложной, но поистине прекрасной жизни простого русского паренька. Он тяжело переживает трагическую гибель девушки, которая была его первой любовью. Ее Величество Любовь приходит к нему уже в зрелом возрасте. Он сразу влюбляется в двух женщин, и те ему отвечают взаимностью...